



Наталья Лебедева

Мария Артемьева

Яна Мазманиди

Точка опоры

16+

реализм - мистика - фантастика - фэнтези



Обложка и фото h-studio

Главный редактор

Белка Елена

Литературные редакторы

Найко Елена

кот ворчун

Дизайн, верстка

Ула Сенкович

Художник

Лев Елена

Колесова Ульяна

Akrotiri

Редактура

Анна Пан

Валуева Екатерина

Найко Елена

NeAmina

Корреспонденты

Меллори Елена

Сенкович Ула

Бунингит

Sinatra

Каталог

Касперович Ася

Пышкин Евгений

Anger Builder

Помощники

Аллард Евгений

Анна Анакина

анс

братья Seniza

Валеев Иван

Васильев Ярослав

Гольшанская Светлана

Зауэр Ирина

Ивашина Мария

Криштул

Кроатоан

Ленцев Владислав

Николюк Елена

Разов Олег

Сворн Турайсеген

Танова Ильяна

Пряничников Олег

Фомальгаут Мария

Akrotiri

bbg Борис

habbarr

kxmer



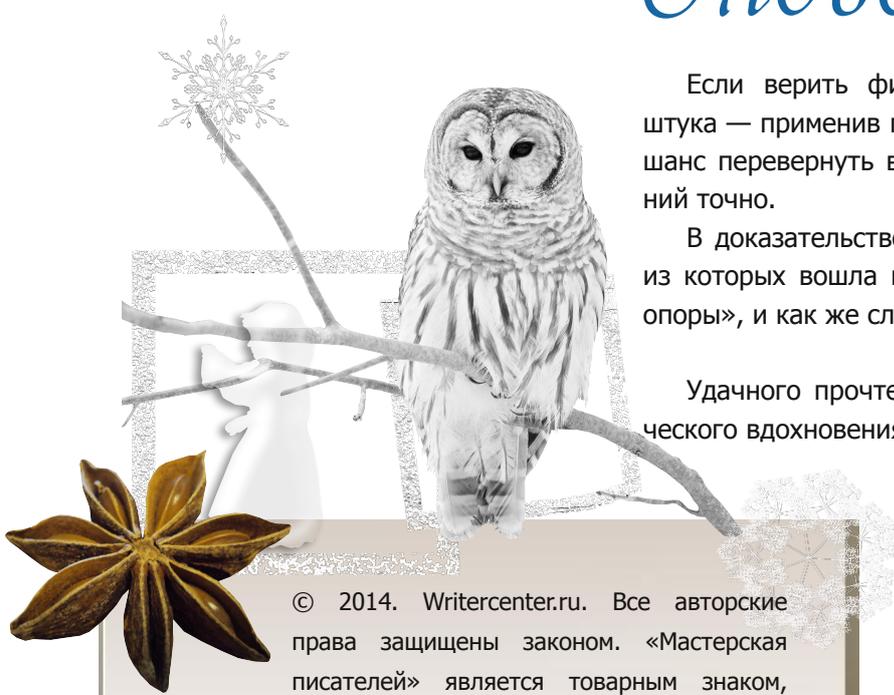
Слово редактора

Если верить физике, «точка опоры» довольно серьёзная штука — применив правильный рычаг, по словам Архимеда, есть шанс перевернуть весь мир. Пусть не физический, но внутренний точно.

В доказательство этому написано множество историй, часть из которых вошла в этот номер. У каждого героя своя «Точка опоры», и как же сложно бывает найти дорогу к ней...

Удачного прочтения! С наступающими праздниками и творческого вдохновения всем участникам нашего проекта...

Белка Елена



© 2014. Writercenter.ru. Все авторские права защищены законом. «Мастерская писателей» является товарным знаком, принадлежащим его создателю. Все работы, использованные в журнале, любезно предоставлены авторами и защищены авторскими правами.

Merry Christmas
and Happy New Year!



8



92



80



36

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Сказка

- 26 Криштул Илья. Правильный человек
- 28 Зауэр Ирина. Лучшее время
- 36 Бунингит. Ловец ветра
- 40 Stanovoi Marika. Правдивые глаза

Реализм

- 48 Хорунжий Сергей. Точка опоры
- 52 Разов Олег. Новая Зеландия
- 70 Долматович Евгений. На обочине вечности
- 76 Sinatra. Снег в тебе

Мистика

- 88 Grettxen. Первый снег

Фантастика

- 94 Фомальгаут Мария. Не вымерший дом
- 98 Ленцев Владислав. Право первого шага
- 108 Лев Елена. Основной вопрос
- 114 Васильев Ярослав. Сказка о рыбаке и рыбке
- 120 Братья Cepiza. Взломщик
- 124 Бойков Владимир. Этот прекрасный, прекрасный, прекрасный мир
- 128 Богданов Борис. Вместо кожи - червивая шкура
- 140 Руденко Евгений. Кеволеч Йегрес

128



Поэзия.

22 Шевцова Анастасия

23 Зауэр Ирина

25 Анна Пан

44 Зауэр Ирина

45 Businka MR

78 Илинар

Белка Елена

79 Берман Евгений

87 Санчес

92 NeAmina

144 анс

145 Зауэр Ирина

124



ИМХО

7 Бунингит. На трех китах

20 Меллори Елена. Дайте мне точку опоры

Представляем

8 Сворн Турайсеген. Интервью с Натальей Лебедевой

14 Сворн Турайсеген. Интервью с Марией Артемьевой

80 Ула Сенкович. Интервью с Яной Мазманиди

На десерт

146 Громов Юрий. Опереться на себя

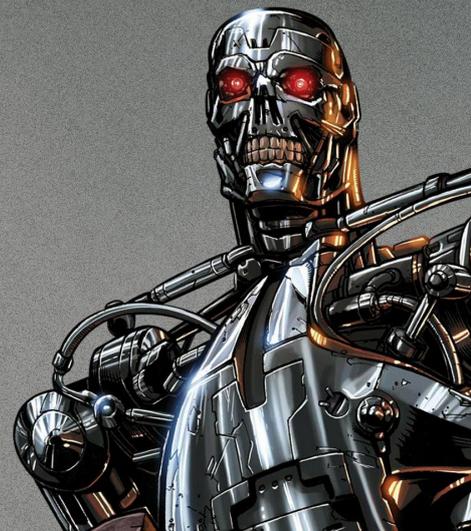
Каталог

148 "Мастерская писателей"©. Произведения наших авторов

14



98





Не удивительно ли, что у всех народов с самых древних времен тройка считается особенным, священным числом?

В китайской Книге перемен описан треугольник гармонии человека — Космос, Земля и собственное «я». В Каббале число три означает связь Творца, его творения и духа.

Святая Троица, как высшая созидательная сила — главная святыня христиан.

В древнейших книгах "Ведах" говорится о том, что в жизни каждого человека есть три главные составляющие: потребности, удовольствия и обязанности.

Союз двух людей становится семьей с появлением третьего — ребенка.

Три мировоззренческие концепции, материализм, идеализм и мистицизм движут сознанием людей.

На трёх китах

Давным-давно, задолго до того, как человеку стало хоть что-то известно об устройстве мироздания, земля была плоской. Она дрейфовала в бесконечном океане, а чтобы не тонуть, благоразумно опиралась на спины трех китов.

Почему именно трех, а не пяти или, скажем, десяти? Потому что три — число необходимое и достаточное для устойчивости, к чему излишества!

А сколько человеку нужно точек опоры? Оставим в стороне физиологию. Тут, как говорится, что Бог дал, тем и пользуемся.

На что нам нужно опираться, чтобы чувствовать себя счастливым? Или, на худой конец, чтобы суметь ответить самому себе на вопрос «зачем я?» И сколько этих точек опоры необходимо и достаточно иметь?

Времена, когда большинство людей довольствовалось малым, давно ушли. В наши дни более актуален лозунг «Чем больше, тем лучше!»

Вместо трёх китов нас часто несет по жизни бесчисленная стая мелких рыбешек, объемом создавая видимость надежности.

Вместо двух-трех настоящих друзей, у нас теперь — тысячи «фейсбуковских». На личное общение времени больше нет, зато можно обращаться одновременно к многоликой человеческой массе! Как Ленин — к пролетариям всех стран. Только вот многие ли из них способны услышать, выслушать? И, главное, может ли эта масса служить точкой опоры? Случается шторм, рыба стая расплывается и вдруг оказывается, что опереться не на что.

Вместо одного, но теплого очага, появилась «недвижимость». Как инвестиция, как эквивалент капитала.

Вместо любимого дела, под которое ты был заточен великим Мастером, — работа, обеспечивающая общепринятый стиль жизни. Не тот, который нужен именно тебе, а тот, за который не стыдно.

Вместо самодостаточности — престиж. Слово это навязло в зубах, но кто может объяснить его смысл? Это не уважение окружающих, не любовь, тогда что? Особый статус на некоей фантомной шкале, при котором окружающие перестают над тобой смеяться и начинают завидовать? Когда ты его достигаешь, вдруг становится ясно, что твои успехи никому не интересны. Всю жизнь ты старался что-то доказать другим, но в конце концов понял, что каждый заботится только о собственном престиже. Чужой «высокий статус» лишь раздражает и заставляет бежать еще быстрее. Куда? Не важно. Так мчится хомячок в колесе. Без точки опоры, исключительно на центробежной силе.

Зачем человеку несколько домов, машин, банковских счетов, зачем ему сотни знакомых, почитателей, единомышленников, если умирая, он остается один на один с вечностью?

Сколько нам нужно китов для жизненного плавания? По большому счету не больше трех: здоровье, любовь и реализация себя, как личности. Часто и этого не оказывается в нашем распоряжении. И ничего. Человек — существо устойчивое, дайте ему лишь одну точку опоры, он будет балансировать на ней и не упадет! Кто-то всю жизнь посвящает заботе о собственном здоровье, другой жертвует всем ради любви или призывания.

На каких опорах существует человечество? И зачем? Ответ на этот вопрос каждый ищет сам. Кто-то находит его в вере, другой в науке, третий — в красоте и всеобщей гармонии.

Подсказки — везде, главное, их увидеть, понять по-своему и принять.

«Во имя отца и сына и святого духа!» — даже в этих простых словах, которые мы повторяем не задумываясь, можно отыскать потаенный смысл: во имя моего прошлого, моего будущего и связующего их звена — души моей, существующей в настоящем.

Возможно, это три наших общих заветных кита. На них и держимся.

Бунингит

writercenter.ru/profile/Buningit/whois/

Художник Ульяна Колесова

www.shannonassociates.com/artist/julianakolesova

© Бунингит

Наталья Лебедева

Наталья Лебедева — журналист и современная российская писательница. Финалист премии им. Астафьева (роман «Склейки»), лауреат премии «Рукопись года» за книги «Смотри на меня, Кассандра» в номинации «Язык» (издано под псевдонимом Аглая Алёшина) и «Племенной скот» (в номинации «Сюжет»).

— Первый вопрос. С чего началось увлечение писательством?

— Много раз отвечала на этот вопрос и каждый раз по-разному. Не потому, что хочется придумать историю покрасивее, а потому, что это был очень растянутый процесс, и я понятия не имею, когда это все стало по-настоящему серьезно. Были совсем детские попытки что-то создать, был роман с ужасно пафосным названием (про любовь, конечно), который я писала в старших классах. Были отдельные разрозненные начала. А потом все как-то сразу сложилось. Мне было двадцать пять, я сидела дома с ребенком и очень скучала по работе — а работала я журналистом в новостях на ТВ. Тогда муж сказал мне, что не обязательно ведь ездить на съемки, чтобы что-то писать, можно это делать и дома. Через пару дней я вышла на детскую площадку и встретила там знакомого, который предложил написать сериал для подростков (он, кажется, работал тогда в Минкульте). Сериал я не написала, зато придумала сюжет для подросткового фэнтези. Начала записывать, уверенная, что дальше начала дело не пойдет, и вдруг поняла, что в кои-то веки сюжетные линии сходятся. Это открытие вызвало такой прилив эндорфинов, что, кажется, я опьянела. И с той поры, наверное, и подседа на этот наркотик.



— Ты писала только романы или есть и другая форма: рассказы, повести?

— У меня есть одна повесть, есть несколько рассказов, но это все-таки не мое. Я люблю быть с героем долго, рассматривать его со всех сторон, плести вокруг него атмосферу. Собственно, у меня и с чтением так же: чем толще книга, тем лучше!

— А в каких жанрах ты писала? И какие считаешь именно «своими»?

— Я писала во многих жанрах, мне интересно все. И дело здесь в том, что я воспринимаю жанр не как самоцель, а как рабочий инструмент, выразительное средство. Мне кажется, мои книги занимают место на границе между развлекательной жанровой литературой и так называемой боллитрой. (Я и как читатель именно такие книги больше всего люблю). Моя цель — говорить о серьезных вещах интересно. Первая моя изданная книга — «Склейки» — формально может быть отнесена к детективу. Там есть убийство и есть расследование. Но изначально она задумывалась как почти документальный рассказ о том, как провинциальное телевидение работало в нулевые годы, и в книгу действительно вошли реальные сюжеты, снятые мной и моими коллегами. Однако чтобы обострить ситуацию, чтобы характеры раскрылись



и проявили себя, мне нужно было некое событие, которое всех бы беспокоило. Тогда появился труп. К другим своим книгам я подхожу так же. Никогда не стараюсь соблюдать границ жанра, мне это не очень интересно.

— Есть любимые авторы? Мэтры или новички? Любимые произведения? Что, собственно, нравится читать для своего удовольствия?

— У меня очень странный набор любимых авторов. Это Достоевский, Кинг, Гофман и Кортасар. Люблю Гессе, Геймана, Дойла, Гоголя, Фриша, Ануя, Уильямса... Могу перечислять бесконечно. Стараюсь следить за тем, что сегодня происходит в литературе. Из современников с удовольствием читаю Алексея Иванова, Тима Скоренко, Владимира Данихнова, Анну Старобинец и Яну Вагнер. Люблю те книги, которые влияют сразу и на мой мозг, и на мои эмоции, люблю, когда автор умеет заставить сопереживать.

— Ты участвовала в каких-либо конкурсах? Получала ли премии? Как получала и какие эмоции испытывала?

— В конкурсах я участвовала, когда только начинала. И это действительно много мне дало — ведь именно на сетевых конкурсах я стала понимать, как то, что я пишу, воспринимается со стороны. Я теперь точно знаю, что и как нужно написать, чтобы выиграть стандартный сетевой конкурс, но осознаю, что не буду так писать. Сеть требует простых, ярких, даже до грубости, эмоций — не всегда, но в большинстве случаев. Мне же нравится более тонкая работа. Показательным для меня стал случай, когда я участвовала в конкурсе, где можно было выставлять два рассказа. Один я написала, стараясь понравиться публике. А второй — по вдохновению. Первый вошел в десятку, второй был почти в самом конце. Но именно этот второй рассказ трижды издавался на бумаге разными издателями. Так что опытом сетевых конкурсов еще нужно уметь распорядиться.

Что касается литературных премий, то тут у меня история пока не очень длинная. Наигравшись в сетевые конкурсы, я решила играть повзрослому. Сначала, конечно, обращалась к тем конкурсам, где требовались рукописи. В результате мой первый опубликованный роман «Склейки» стал финалистом премии им. В.Астафьева, две пьесы вошли в лонг-листы драматургических премий «Евразия» и «Премьера.txt». Ну а потом,

когда я стала плотно сотрудничать с издательством «Астрель-СПб», я получила две премии «Рукопись года»: второе место в номинации «Сюжет» за «Племенной скот» и второе место в номинации «Язык» за «Смотри на меня, Кассандра». Последний мой роман «Театр Черепаховой кошки» в этом году был номинирован на премию им. А.Грина.

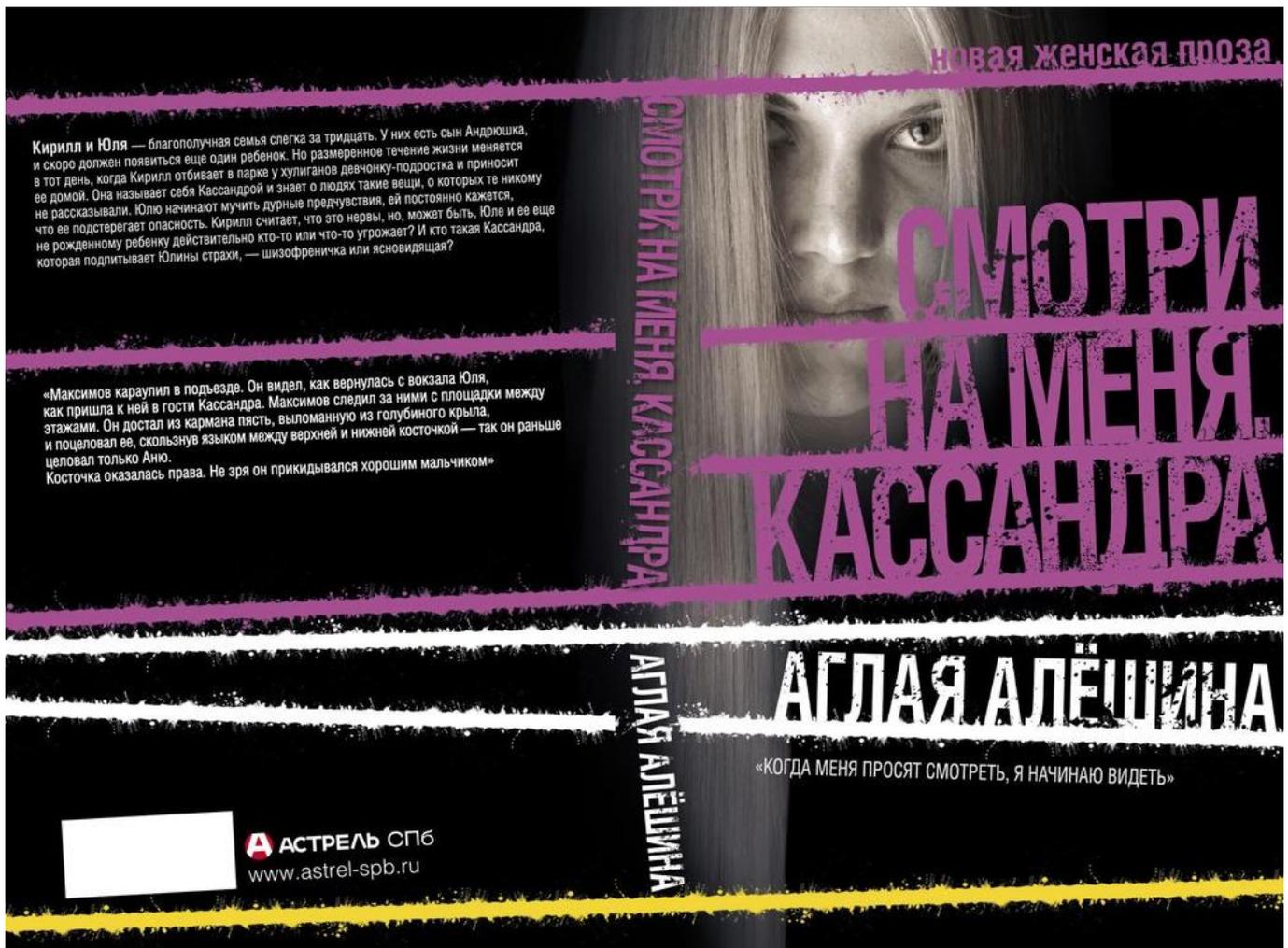
Что же касается эмоций, то это просто здорово — получать премии. Потому что это высокая оценка со стороны профессионалов. Это знак того, что твой труд заметили и признали. К тому же в нынешнем море книг знак премии на обложке — дополнительный маячок для читателей, в чем я не раз уже убеждалась на своем опыте.

— Как первый роман оказался в издательстве?

— Не поверишь, но самотеком. До «Склеек» я написала еще три романа, и все рассылала по издательствам, но безуспешно. (Правда, «Малахит» хоть и не вошел в шорт-лист «Заветной мечты», но был рекомендован конкурсом к изданию, что очень сильно подбодрило меня на старте). Когда же «Склейки» были дописаны, я поняла, что в

Фотохудожник Владимир Федотко





Художник Марина Акинина

этой книге все сложилось. И оказалось, что издатель со мной согласны. Сначала мне написали из АСТ, однако там роман не прошел второй круг утверждения. Потом со мной связалась мой любимый редактор Ирина Епифанова из «Астрели-СПб». И вот тогда-то все по-настоящему и началось. К тому времени я плотно писала книги уже восемь лет.

— Восемь лет — прилично. Как считаешь, сколько времени надо работать над книгой, чтобы она действительно вышла достойной?

— Я считаю, что рецепта нет. Во-первых, все авторы очень разные. Кто-то пишет легко, быстро и сразу набело. Кто-то работает медленно, вдумчиво и много правит. И даже у одного автора все может получаться по-разному. Например, «Склейки» я написала за три месяца, и книга, безусловно, получилась. А «Мельника» (роман, над которым работаю сейчас) пишу уже два года. И только недавно почувствовала, что он наконец сложился. Собственно, когда мы говорим не о творчестве, а о книге как результате, процесс совершенно не важен. Главное, чтобы книга получилась хорошей.

— А вот теперь такой вопрос: какую книгу ты считаешь хорошей?

— Интересный вопрос. И если отвечать в общем, то ответ получится расплывчатым: хорошая книга у каждого своя. И это правда. Если же пытаться оценивать хоть сколько-то объективно, то для меня в хорошей книге обязательно соединятся две вещи: мастерство и авторская индивидуальность. В гениальной — виртуозное мастерство и абсолютная непохожесть на других. Причем мастерство должно стоять на первом месте. Объясню, почему. Вот, например, пианист тонко чувствует музыку. А исполнительская техника у него ни к черту, и передать свое ощущение слушателям он не может. Какой же тогда от него толк? Да и как он может называться пианистом? В литературе то же самое. И именно поэтому редактору не обязательно читать всю рукопись для того, чтобы отклонить ее. Если с первых же страниц ясно, что у автора нет литературного стиля или даже элементарной грамотности, то это значит, что он не сможет донести до читателя свои мысли и чувства.

— Были ли у тебя помощники-читатели-критики, которые давали советы и помогали приводить текст в порядок в процессе написания?

— Да, за годы общения в интернете у меня сложился круг друзей, которые одновременно являются потрясающе талантливыми авторами. Мы не то чтобы помогаем друг другу, а скорее делимся мнениями по поводу прочитанного, и мнения эти для меня ценны, я всегда их учитываю, всегда к ним прислушиваюсь. Думаю, об этих авторах вы непременно еще услышите. Это Настя Галатенко и Алиса Ханцис. Настя — человек с математическим складом ума, блестяще образованная, пишущая настоящую научную фантастику, для чего прочитывает массу научной литературы — что и для мужчин-фантастов сегодня редкость. Алиса — лауреат престижнейшей «Русской премии», великолепный стилист, знаток истории Мельбурна, автор потрясающей книги «И вянут розы в зной январский...» Я безмерно горжусь своими друзьями.

Что же касается «приведения текста в порядок», то я свято уверена, что каждый автор должен справляться с этим сам, если только мы не говорим о самых первых шагах в литературе, когда человек еще не научился видеть свои ошибки. Дальше же форумные советы по исправлению отдельных фраз и предложений только вредят — ведь это ведет к выхолащиванию текста, к превращению его в выжженную равнину, где нет рельефа, где нет индивидуальных авторских неправомерностей, которые формируют характерный неповторимый стиль. (При условии, что это именно неправомерности, а не речевые ошибки).

— Как ты думаешь, чего не хватает на нашем книжном рынке? Что бы хотелось увидеть в продаже?

— Может быть, ответу парадоксально, но мне кажется, что сегодня на нашем книжном рынке есть все! Нет главного — отлаженной системы, которая помогла бы читателям находить свои книги. Обложек — море, аннотаций — вал. Серий, которые наполняются часто по формальному признаку — сотни. И очень часто случается так, что купил человек одну книгу из серии, разочаровался и другие покупать не стал. А рядом, может быть, стояли две книги, которые доставили бы ему удовольствие. Мне иногда пишут: «Мне казалось, что таких писателей, как вы, нет, а вы, оказывается, есть».

Сегодня нам остро необходимы критики, кото-

рым доверяют. Литературные журналы, которые будут читать. Нужно развивать систему литературных премий. И авторам, и читателям этого очень не хватает.

— Это точно. Теперь нельзя не спросить про работу с издательством. Есть ли какие-то подводные камни, о которых должен знать молодой автор?

— Тонкостей в отношениях с издателями много, но учиться быть изданным автором каждому придется самому: это зависит и от издательства, и от ведущего редактора, и от самого автора. Совет для всех могу дать только один: привыкайте к мысли, что продвигать свою книгу придется самостоятельно. Рекламные бюджеты для новичков сегодня в издательствах не предусмотрены в принципе — даже если редакторы считают, что автор талантлив и перспективен. Продумывайте стратегию и тактику, как только подпишете договор.

— Вот мы перебрались и к рекламе. Расскажи, как проводились твои презентации? Как появился буктрейлер?

— Буктрейлер к книге «Театр Черепеховой кошки» родился как раз из осознания, что нужно активно действовать. А организацию встреч с читателями я обдумывала, но тут меня начали приглашать, мне ничего даже устраивать не пришлось. Так что в этом отношении опыта у меня немного. Хотя я поняла, что мне нравится выступать на презентациях, потому что у меня получается установить контакт с аудиторией. Я вижу, что людям интересно, и получаю от этого колоссальный заряд творческой энергии.

— Есть ли любимый персонаж, созданный тобой?

— Если говорить о своих персонажах, то я всех очень люблю: и даже совсем больных маньяков, и даже статистов, появившихся и тут же убитых. Я влезаю в шкуру каждого, когда пишу, стараюсь все за него продумать и почувствовать. Ведь человек устроен так, что он себя любит и всегда, что бы ни сделал, оправдывает — даже за самые страшные преступления. Так что становясь персонажем, я начинаю любить его как саму себя. Это очень сильное чувство, так просто от него не отделаешься. Но иначе, наверное, нельзя. Если персонажа не понять, не почувствовать причины каждого его поступка, каждой его мысли, он никогда не получится живым и цельным.



Представляем

— Писала ли ты с кем-то в соавторстве и как относишься к самому соавторству?

— К идее соавторства я отношусь отлично — как ко всему, что может привести к появлению хорошей книги. Но когда дело касается меня, тут эта мысль встречает решительный отпор. Я органически не способна писать вместе с другим автором и очень ревниво отношусь к своим текстам. Это подтвердил мой первый и единственный опыт соавторства. В процессе работы над рассказом я поняла, что у нас с соавтором выходят две разные истории, и соединить их в одну практически невозможно. Вот интересно: в жизни я могу подстроиться, смолчать, уступить. В творчестве — нет. Я словно дракон, охраняющий заколдованный замок.

Мой муж время от времени подкидывает мне интересные идеи для книг, и я ими пользуюсь. Но если он прочитает это интервью, то возмутится и скажет: «Где же у тебя мои идеи?!» Происходит это потому, что любую чужую мысль, которая кажется мне интересной, я утаскиваю к себе в голову и трансформирую до тех пор, пока она не становится моей. Иногда такая мысль даже отдаленно не напоминает свой прототип.

— Есть заветная авторская мечта, связанная с твоими книгами?

— Я мечтаю не останавливаться. Двигаться все дальше и дальше — а сил на это нужно много. Мне хочется посмотреть, что я еще могу, что еще я в себе открою. Написать много разного, многому научиться. Ну и, в первую очередь, оправдать следующими книгами любовь тех читателей, которые уже со мной.

— Как рождаются идеи для того или иного произведения? Что помогает в работе над текстом?

— Идеи возникают внезапно, как правило, вырастают из какой-то детали: из воспоминания или странного каламбура, или из чего-то еще такого же обрывочного и неясного. Вокруг этой песчинки начинает расти сюжет, появляются персонажи, а потом возникает и зерно истории, и тогда я говорю себе: «да, об этом я хочу рассказать». Очень многое изменяется в процессе работы, очень многое уходит. Персонажи, действия — все приносится в жертву целостной истории, в которой не должно быть ничего лишнего.

А что помогает?.. Главный мой помощник —

Наталья Лебедева – тележурналист и писатель, живет в Твери. В 2007 году ее роман «Малахит» вошел в лонг-лист премии в области литературы для детей и юношества «Заветная мечта», ее книга «Склейки» в 2010 году попала в шорт-лист премии имени Виктора Астафьева, ищущей новые яркие имена в современной российской литературе.

После глобальной энергетической катастрофы страна раскалывается на два мира. Города становятся высокотехнологичными закрытыми поселениями, в которых живут избранные. Большинство же людей или погибает во время катастрофы, или переселяются в деревни. Им приходится забыть о благах цивилизации, и всего за какую-то сотню лет жизнь в деревнях откатывается на уровень былинно-сказочной Руси. В городе назревает острая проблема: перестают рождаться здоровые дети, женщины поражают бесплодие. И тогда, пользуясь новейшей техникой, цивилизованные горожане начинают совершать набеги на села и похищать младенцев. В таких непростых условиях завязывается история любви деревенской девушки Алены и горожанина Андрея...

«И вот Светка с мужем уснули крепко-накрепко, да при этом Светка — на лавке, а он — прямо за столом, где сидел. Там и проснулся под утро. Ничего не слышал, не видел. Только смотрит: не так что-то с женой. Он ее будить, а она стонет, едва добудился! — И чего ж? — Стонала все сначала: мол, тяжело мне, мол, как каменный живот. А потом хватились: глядь — нету живота. Вот плоский — и все. И ребеночка нет. А под самым пузом — красный шрам, длинный, от бока до бока!»

Наталья Лебедева
ПЛЕМЕННОЙ СКОТ

Они носят сарафаны и ленточки и ездят на лошадей.
Они живут в мире, где возможна сказка,
где встречаются Кикиморы, Баба-Яга и прочая нечисть.
Но для жителей города они просто племенной скот.

Роман — лауреат премии «Рукопись года»

АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru

Художник Юлия Межова

наличие свободного времени. Если есть время — книга растет. Помогают мои редакторы, Ирина Епифанова и Александр Прокопович, которые хорошо меня знают и очень точно подсказывают, как можно сделать историю еще лучше. Помогают читатели, которые ждут следующих книг. Все остальное происходит у меня в голове и особой помощи не требует. Я просто ощущаю, что с началом работы над новой книгой там запускается какой-то бурный процесс, что-то все время варится на медленном огне, и стоит мне поставить перед собой задачу, как из этого котла (сразу или нет) всплывает решение. В этот момент я ощущаю себя очень замкнутой системой.

Впрочем, огромный заряд энергии мне дают люди, которые что-то делают классно. Я могу посмотреть спектакль или фильм, или прочитать книгу, или послушать музыку и почувствовать колоссальный прилив энергии, а эта энергия побуждает меня писать. Но это «классное» обязательно должно быть сделано человеком, которого я лично знаю. Слава богу, моя жизнь складывается так, что я постоянно окружена талантливыми людьми. Среди моих друзей много писателей, актеров, режиссеров, и они делают потрясающие вещи. Еще очень люблю, когда много таких людей собирается вместе — тогда заряда мне хватает надолго.

— Есть ли желание увидеть свои книги экранизированными?

— Безусловно. И дело здесь не только в рекламе, которую делает книге экранизация, но и в том, что ты одновременно получаешь удивительную возможность посмотреть на свою историю глазами другого творца. К тому же я люблю кино, я и сама хотела бы заниматься кинодраматургией, и уже делаю шаги в этом направлении. Впрочем, конкретных результатов пока нет, так что и говорить об этом пока рано.

— Какие у тебя увлечения, кроме написания книг?

— Никаких — если не считать чтения. Я — мама двоих детей, к тому же работающая мама, так что после уроков и домашних дел едва остается время на работу над рукописями.

— Риторический вопрос: что значит — быть счастливым?

— Делать то, что хочешь делать, и быть с тем, с кем хочешь быть. Переживать неудачи для того, чтобы потом радоваться победе. Ссориться, чтобы мириться. Говорить людям, что любишь их. Видеть, что люди любят тебя. Знать, что им нравится то, что ты делаешь. Чувствую ли я себя счастливой? Да, очень часто.

— Расскажи про «Мельника», над которым сейчас работаешь.

— «Мельник» — это вторая часть диалогии, начатой «Театром Черепашковой кошки» (сразу скажу, что это совершенно отдельная история, и вполне можно начинать читать диалогию с «Мельника»). Идея была в том, чтобы рассказать о двух самых главных темах нашей жизни — любви и смерти. «Мельник» посвящен разной любви: от глубокого романтического чувства до эгоистического нарциссизма. А сюжет заключается в том, что Мельник — медиум, и он решает принять участие в шоу на ТВ, где как раз выбирают лучшего медиума. Когда же он приезжает туда, он понимает, что все это — грандиозное надувательство, где нет других настоящих участников. Таким образом победить ему оказывается сложнее, чем остальным. Но именно там, на шоу, обстоятельства складываются таким образом, что его способности раскрываются, и он понимает, что может сделать невозможное — спасти женщину, которую любит.

Беседовала Сворн Турайсеген

Наталья Лебедева
www.lebedevan.ru
vk.com/club22986927

Сворн Турайсеген
writercenter.ru/profile/Erat/whois/



Мария Артёмьева

Российская писательница, один из ярчайших представителей отечественного хоррора, автор книг "Тёмная сторона Москвы", "Тёмная сторона Петербурга" и "Тёмная сторона российской провинции".



— Первый вопрос — традиционный. Как началась писательская жизнь? Почему вообще потянуло писать?

— Люди рождаются с определенной тягой к чему-то. Но еще очень сильно влияют родители. Хотя в моем случае все выглядит достаточно мистично: я решила быть писателем, когда мне было 5 лет. Я тогда не умела ни читать, ни писать, но, думаю, мои родители уже тогда сумели внушить мне огромное почтение и уважение к книге, к писательству. Мама каждый вечер читала вслух мне и брату. В нашем доме была огромная библиотека — книги занимали всю стену в самой большой комнате. Скорее всего, именно это и повлияло. Помимо присущей всем детям привычки сочинять и выдумывать.

— Как происходил выбор жанра, в котором писать? Почему хоррор?

— Я начинала со стихов. На прозу перешла, когда решила поступить в Литературный институт. Творческий конкурс прошла на оба отделения, но

решила, что стихи — это не профессия. Переход на прозу многое изменил во мне. А хоррор и мистика... Я с детства любила страшные истории читать, придумывать и рассказывать. Но, скажем, в Литературном институте массовые жанры вообще как-то вне закона. По крайней мере, были, когда я там училась. Потом я занималась детской литературой как редактор и как автор тоже — есть две повести, которые мы в соавторстве с Борисом Ханом сделали для журнала. И одну повесть-сказку я написала сама, очень слабенькую. Но даже там у меня, помимо Бабы-Яги и Лешего, участвуют, например, вурдалаки... Так, если присмотреться, желание пугать читателя, тяга к страшному во всех моих текстах так или иначе прослеживается. Но по-настоящему глаза открылись благодаря знакомству моему и сотрудничеству с издательством Астрель-СПб, ведущим редактором Астрели Ириной Епифановой и с журналом "Даркер", его создателем и издателем Михаилом Парфеновым. Вот люди, которым я обязана пониманием, чего же я по-настоящему хочу в творчестве.

— **Расскажите, пожалуйста, о первых публикациях своих рассказов.**

— Одна из первых — на втором курсе института, журнал "Работница". Такой женский какой-то слезливый рассказик. Потом, в 2006, мне пришла в голову идея фантастического рассказа на тему религии. Я села, написала, отправила в "Полдень XXI век" — его взяли. Первые публикации шли легко. У меня не было жгучего желания публиковаться — я считала, что мне надо сперва что-то серьезное наработать. У меня и сейчас такого жгучего желания нет. В этом плане я, наверное, ленивая просто.

— **Первый роман. «Тёмная сторона Москвы» — это первая книга или были большие произведения и до неё?**

— Первая опубликованная в качестве книги. Повести (в соавторстве) были в журнале.

— **Собственно, обязательный вопрос: что вдохновило собирать городские легенды и сделать из этого книгу?**

— Вдохновило не что, а кто. Конкретный человек: Ирина Епифанова, ведущий редактор Астрели СПб. Ирина знает и любит жанр ужасов. За рубежом жанр городских легенд — довольно популярная вещь. А у нас нельзя сказать, что рынок перенасыщен в этом плане. Ирина предложила мне сделать три пробных текста. Другие авторы тоже пробовали. Издательству понравился мой вариант разработки темы. Нам одобрили заявку — и вот такой проект получился в итоге.

— **Были ли презентации? Или какие-нибудь мероприятия, посвящённые творчеству?**

— Издательство не имеет возможности вкладываться в рекламу. По большей части этим занимаются сами авторы. А я, по лени своей и неопытности, ничего не делала. Но тут Михаил Парфенов — издатель и создатель хоррор-сайтов в сети очень многим и мне, и проекту помог. Так что наши мероприятия по книгам "Темной стороны" можно видеть в сети.

— **Как складывалась работа с издательством? Что нужно учесть на будущее?**

— Знаете, это покажется глупым, но у меня на самом деле нет такого опыта, которым я могла бы поделиться. В моем случае все как-то само собой

делалось, так что — увы.

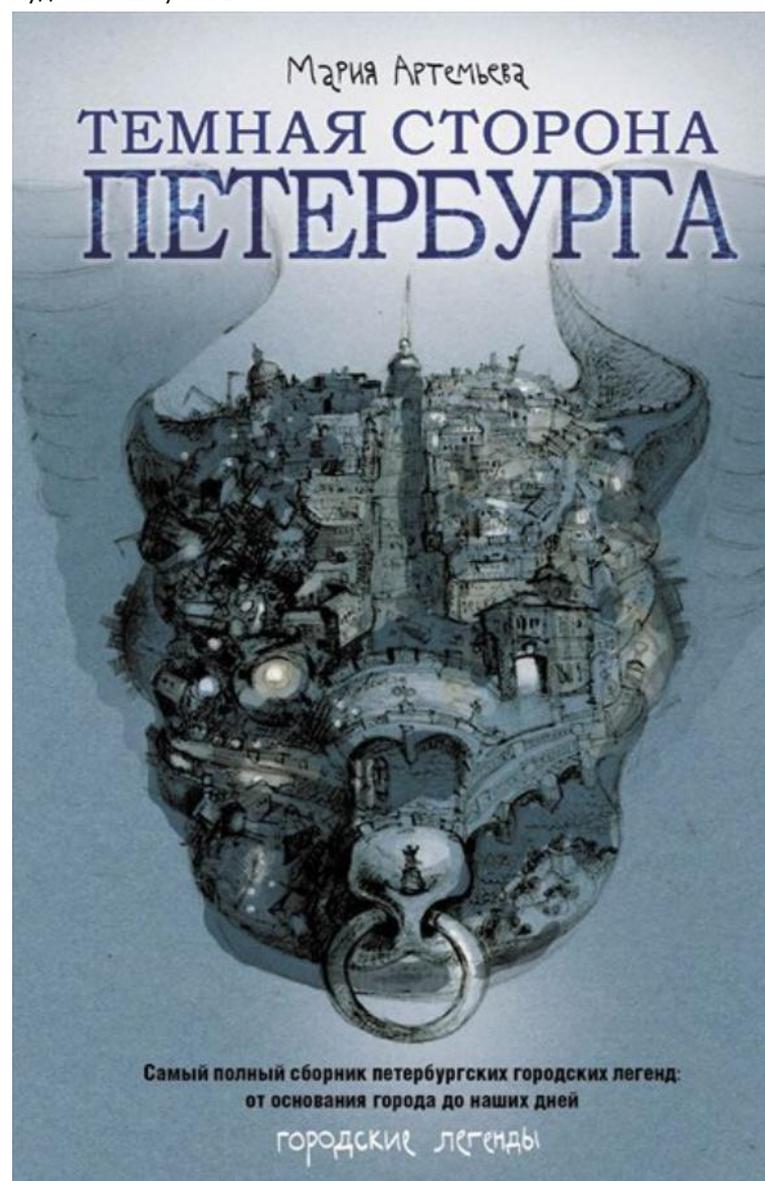
Хотя, с другой стороны — я ведь успела поработать редактором в книжном издательстве, так что какие-то общие рекомендации у меня есть благодаря моей прошлой работе.

Рекомендации очень простые: ставьте себя на место человека, с которым общаетесь. Редактор — ваш основной проводник в мир публикаций — будьте с ним вежливы и доброжелательны. Уважайте труд редактора. Исходите из этого — и многие вещи станут намного проще.

— **Есть ли какие-нибудь детали при заключении договора? Или тут надо смотреть по обстоятельствам?**

— Деталей множество. Но таких кабальных и мошеннических договоров, как, бывало, подсовывали авторам в 90-е годы, сейчас уже не делают.

Художник В.Гусаков



Представляем

Так что сильно пугаться не надо, но надо все пункты читать внимательно, если что-то не понятно — спрашивать. У редактора, у друзей. И не торопиться подписывать. Относитесь с уважением к собственному труду, отстаивайте, если необходимо, свое мнение. В конце концов, договор называется договором именно потому, что люди договариваются.

— Можете дать несколько советов для авторов-новичков по общению с издательствами?

— Не торопитесь публиковаться. Писатель должен быть сперва опытным читателем, потом опытным писателем. А публикантами сделаетесь сами по себе, когда придет время. Возможностей для этого масса.

— Чьё творчество нравится читать самой? Есть ли любимые авторы и произведения?

— Я в свое время очень много читала: классической литературы, русской, зарубежной, жанровой — в основном фантастику и детективы. Любила и люблю Конан Дойля, Стивенсона, Гоголя, Стивена Кинга, детективы Хмелевской, фантастику Хайнлайна, Бредбэри, Генри Каттнера, прозу О.Генри, Ильфа и Петрова, Аверченко... Перечислять долго и бессмысленно: мы все читаем примерно одни и те же хорошие книги. Сейчас я читаю меньше, отрывочнее. Последняя книга, которая очень мне понравилась — роман Джона Хилла "Рога". Проглотила за один вечер.

— Не могу не спросить о сборниках. Вообще как появилась идея заняться созданием именно сборника?

— Я устала писать рассказы. О.Генри за всю жизнь написал 280 рассказов. Я уже больше 100 написала, а может, и больше, точно не знаю. Но проект "Темная сторона" хочется поддержать.

городские легенды

Мария Артемьева
и авторы проекта «Самая Страшная Книга» представляют:

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДОРОГИ

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДОРОГИ

Перед вами не сухое документальное повествование о дорожных аномалиях, а сборник увлекательных рассказов «темного жанра» от авторов, многие из которых уже знакомы читателям по сборникам «Самая Страшная Книга 2014» и «Пазл». Рассказы очень разные, но все они о дорогах: зловещие попутчики; повороты, ведущие в никуда; «проклятые участки», на которых необъяснимо часто случаются аварии, и всякого рода нечисть, чинящая препятствия плавающим и путешествующим... Темная сторона современной России приглашает читателей в путь!

Таинственные попутчики, проклятые места, повороты не туда и прочие городские легенды, связанные с дорогой

АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru

городские легенды

Поэтому вот такая появилась идея — сделать тематические межавторские сборники.

— **Что необходимо знать и учитывать при составлении сборника? Какую работу нужно проделать, чтобы издательство согласилось сотрудничать и доверило «титул» составителя?**

— Я написала три книги рассказов, обсудила со своим замечательным редактором Ириной Епифановой темы, выбрали одну и решили поработать с ней. Тут я пошла на некоторый риск: издательство не может одобрить заявку на ненаписанную книгу. Поэтому, собирая рассказы и обещая публикацию в сборнике, я рисковала своей репутацией. Если бы сборник в издательстве не одобрили, вряд ли моим обещаниям поверили бы в другой раз. Но все сложилось удачно: мы собрали сборник — за что огромное спасибо уже упомянутому Михаилу Парфенову и Александру Подольскому, главному редактору "Даркера", они очень мне помогли — сборник одобрили к публикации.

— **Какой вышла «Тёмная сторона дороги»? Чем она привлекает читателя?**

— Насколько мне известно, ее еще нет в продаже — мы буквально со дня на день ее ждем. Но первые читатели у книги уже есть — это наши друзья, любители хоррор-литературы, знатоки жанра. Пресс-прочтение первое состоялось, и первая рецензия уже есть в "Даркере", авторства Максима Филатова, скоро должна еще одна появиться на "Зоне ужасов".

Что мы ценим в дорожных ужасах вообще? Страх неизвестного. Стоит выйти за порог — и никто не знает, что ждет человека там. Проклятые дороги, таинственные, пугающие попутчики, необъяснимые, загадочные приключения... Все это в самых разнообразных вариантах, увиденное глазами разных авторов есть в "Темной стороне Дороги". Думаю, если вы прочтаете книгу — вы задумаетесь потом, стоит ли садиться в машину к незнакомому бомбиле, не раз и не два окинете опасливым взглядом обычную городскую маршрутку или троллейбус... Не говоря уж о тоннелях метро, где ревет то ли ветер, то ли неизвестное науке чудовище. Попутно заинтригую: в книге, помимо обычных людей, канонических призраков и демонов, вы встретите и оживших мертвецов, и странные сказочные персонажи, о которых с детства позабыли, и совершенно необъяснимые со-



Художник В. Гусаков

здания вроде Бога тошноты, полуживотного-полу-Деда-Мороза, и киллеров из другого измерения. Скучать на нашей Дороге не придется никому!

— **И тут же плавно перейдём к «Тёмной стороне Интернета». Я знаю, что набор уже закрыли, рассказы получены. Как оцениваете присланный материал? Есть ли намётки, сколько текстов может войти в сборник?**

— Мы ориентируемся на волшебное число 25. Но, если в издательстве косо не посмотрят, может быть, и больше рассказов войдет. Материала собрали довольно много: я даже вынуждена была под конец привлечь к работе помощника, чтобы не затягивалось дело. Автор, журналист, блоггер Зоны ужасов Валерий Галатинов помогал мне читать присланные тексты. Могу сказать, что общий уровень работ был достаточно неплохой. Конечно, были слабые вещи, но очень мало. Откровенно школярских работ вообще ни одной не было. Видимо, мы сумели найти наиболее подходящие

Представляем

площадки, чтобы разместить свое объявление. Так что всем, кто сделал репосты — в частности, порталу "Мастерская писателя", мы признательны. Благодаря вам нам удалось расширить круг авторов, даже при том, что самая, конечно, обширная аудитория у нас была на странице проекта "Самая Страшная Книга-2015".

— В цикле «Городские легенды» у вас три книги. Над какой было работать интереснее всего?

— Над первой. Потом над второй. И над третьей тоже. Но по-разному. Первую книгу я писала немного по-лихачески — и страшно, и весело, потому что первый большой проект доверили. Вторую книгу писала с огромным интересом, потому что, будучи уроженкой Москвы, влюбилась в Питер и очень хотелось поглубже влезть в его историю, понять характер этого города, попасть в его стиль.

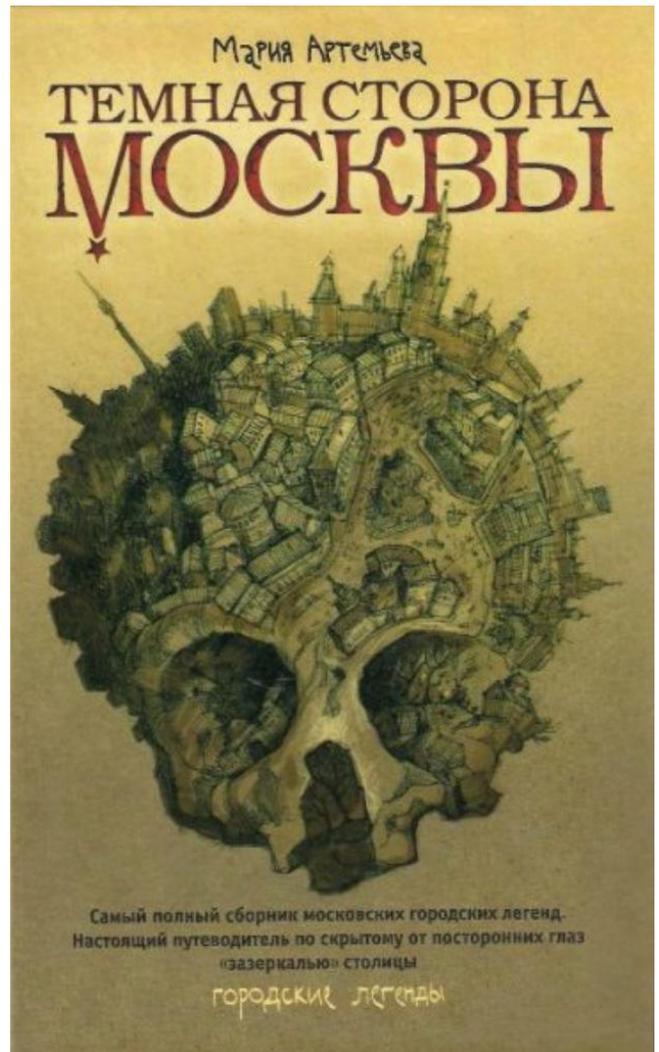
А третья книга для меня самая дорогая, потому что в нее вошел весь мой предыдущий опыт поездок по стране, занятия альпинизмом, походы — горные и подземные, речные, пешие, на байдарке; общение с множеством людей из разных городов. У нас в стране очень много интересного! Иногда смотришь на все это уникальное богатство — и природное, и фольклорно-историческое и обидно делается — ну почему у нас так плохо развит туристический сектор? Нам стоит знать свою страну, нам имеет смысл общаться — у нас замечательные люди и много любопытного.

— Как складывается общение с редактором? Много ли приходится вносить правок и каким образом это происходит?

— Замечательно складывается! Мы с уважением относимся друг к другу. Уважение — залог любых хороших отношений. Не только с редактором!

— Какой читательский отзыв на ваши работы запомнился больше всего?

— Два первых. Один был чудовищно плохой, отрицающий меня вообще как автора. Другой — исключительно хороший, я такого и не заслуживаю на самом деле. Первый на неделю вогнал меня в жуткую депрессию. Второй — спас. Некая Ольга Попова — да, имя помню — написала этот отзыв на сайте книжного магазина "Лабиринт". Я этот отзыв сохранила. Как лекарство.



Художник В. Гусаков

— Чёртова дюжина 2014. Чего вы ожидаете от этого конкурса как судья?

— Потрясающе интересных рассказов в жанре хоррор! Думаю, будет круто. В этом году наши мэтры, возвысившись духом, решили кинуться в стихию творчества. Аудитория конкурса будет шире. Так что человек, который в этом году выиграет конкурс, с моей точки зрения, заслужит медаль размером с тарелку. Как минимум! Конкурс изначально строился как широкий, с демократическим подходом, оригинальный по форме и при этом еще вполне профессиональный. Буду прилагать со своей стороны все усилия, чтобы не уронить репутацию нашего конкурса, наоборот — упрочить ее. Очень хочется, чтобы у авторов, пишущих хоррор в нашей стране, был свой солидный и уважаемый конкурс. Глядишь, и до собственного конвента и литературных премий дорастем!

— Что значит — быть счастливым?

— Как правило, чтобы чувствовать себя счастливым, человеку достаточно нравиться самому себе. Чтобы нравилась своя внешность, свое состояние организма. Чтоб был доволен тем, что задумал и сделал, своим окружением... Быть в мире с миром и собой. Это просто и понятно: надо только иметь правильное воспитание и хорошие привычки.

Но бывают с человеком и более странные вещи: предчувствие счастья. Вот ничего такого рядом и вдруг — на тебя будто теплым солнечным ветром подуло. Улыбаешься, не зная чему. Мне кажется, это просто ощущение любви — кто-то или что-то где-то тебя любит — и ты это всей кожей ощущаешь. Вот такое бывает иногда счастье. Интересное.

— Много ли задумано проектов? Что хочется написать ещё?

— Я сейчас для себя решила одно: хватит рассказов. Мысли-идеи-сюжеты по-прежнему приходят, но я не стараюсь их тут же реализовать. Хочу поработать над большой вещью. Начала писать роман. План расписан, три главы сделала, как дальше пойдет — посмотрим. Объем меня не пугает. Мне интересно — удастся ли удержать читательское внимание и сделать книгу по-настоящему увлекательной. Вот эту высоту мне хочется взять!

Беседовала Сворн Турайсеген

Мария Артемьева
delfin-mart.ru/about

Сворн Турайсеген
writercenter.ru/profile/Erat/whois/





Дайте мне точку опоры!

Точка опоры у каждого своя. Для кого-то это любимый человек, для кого-то собственное жилье или машина, для кого-то работа, для кого-то семья, для кого-то собственная внешность, а для кого-то даже просто деньги. И чтобы жизнь рухнула, не обязательно должна случиться война или стихийное бедствие. Для этого можно всего лишь потерять свою точку опоры.

Я не спорю, есть люди, которые могут сосредоточиться на других проблемах, абстрагироваться. Бросил любимый – он был меня недостойн! Умер близкий человек – «там» ему будет легче! Потеряно все, что копил долгие годы – еще заработаю! Это, конечно, здравая позиция, но, согласитесь, много ли вы знаете таких людей?

А для остальных жизнь превращается в руины. Повыше или пониже — зависит от характера и темперамента человека. Не хочется ни бороться, ни верить, ни искать новый смысл жизни. Руки опускаются, пропадает желание жить, и человек полностью сосредотачивается на своей потере.

И не обязательно для этого человек должен быть слабым, внушаемым или меланхоличным. Вспомните себя в детстве.

Как у вас потерялась любимая кукла. Как симпатичный одноклассник, за которым вы вздыхали не один год, пошел на свидание с вашей подругой. Как умер, пусть и от старости, любимый кот. Как вы узнали о том, что ваш друг растрепал всем о вашем секрете. Да даже вспомните на секундочку тот день, когда мама, не предупредив, пришла

поздно ночью с какого-нибудь празднования на работе!

Какая же это точка опоры, скажете вы. А ведь для вас тогда это было более чем глобально. Это материальные, нематериальные и «живые» точки опоры для ребенка/подростка – кукла, кот, влюбленность, дружба. Они такие же, как и теперь у вас взрослых. Мы цепляемся за «якоря», за привязанности, за мелочи, которые позволяют нам почувствовать себя нужными, любимыми, собственниками, наконец.

Подумайте о том, чего вы боитесь больше всего на свете. Думаете, пауков или высоты? Нет. Вы боитесь что-то или кого-то потерять. Правда. Даже если себе в этом осознанно и не признаетесь. Представьте свою жизнь без любимого мужа. Комфортно? Представьте себя бездомным. Мурашки побежали? А, может, вас бросит в дрожь от мысли, что с вашей коллекцией бабочек случится какая-нибудь локальная катастрофа.

И когда такой привычный и надежный стержень ломается, не важно, взрослый вы или ребенок, то жизнь становится серой и беспросветной. До тех пор, пока мы не найдем другую опору. Пока не научимся жить по другим правилам. Кто-то быстрее выходит из этого состояния, кто-то медленнее. Но никогда не делает это без последствий. Кто-то черствеет душой, кто-то начинает смотреть на жизнь по новому. А кто-то и не выходит — просто сходит с ума.

Мать, потерявшая одного из детей, скорее всего, сосредоточит всю свою жизнь на оставшемся ребенке. Разбивший любимую машину со временем купит другую, скорее всего не менее любимую. Похоронивший боготворимого кота заведет нового. Потерявший бизнес начнет все заново. А быть может, все произойдет с точностью до наоборот. С утратой ребенка женщина вообще откажется от мысли о новых родах. Водитель после аварии никогда не сядет за руль. Кошатник заревется иметь какую-либо животинку.

У каждого своя реакция на потерю главного в жизни. Те, кто не справился с ситуацией, решают все кардинально. Вы знаете, сколько человек покончило с собой, когда умер Майкл Джексон? Десятки. А сколько суицидов было во время кризиса

2008 года? Я знаю одну девушку, которая всерьез задумывалась о самоубийстве после того, как на ее руках умер четырехлетний сын. И только самоотверженная любовь молодого человека помогла ей выкарабкаться из апатии и безнадежности.

Людам, которые только что потеряли опору в жизни, больше нечего терять, кроме самой жизни. Причем необязательно своей. Вы наверняка прекрасно знаете, что большинство убийств и искалечиваний совершаются не просто знакомыми, а чаще всего близкими людьми. В лицо предавшей плещут кислотой, отрезают изменившему мужу его достоинство, расстреливают из специально купленного оружия бывшую жену, а заодно и всех, кто оказался в этом момент рядом... Всего не перечислить. И это достаточно частое явление.

Вы считаете, что так сделать могут только сумасшедшие? Хм... Вы даже не сможете точно предсказать свою реакцию, а уж о ваших близких и говорить нечего. Все только на практике познается. Только по жизни. Только в реальных эмоциях. Жалеют или не жалеют — уже потом. А в сам момент весь мир сужается до той боли, которую причинили. До той растоптанной и искореженной «точки опоры», которая еще вчера казалась незыблемой.

В секты очень часто приходят люди, которым по какой-то причине нужно что-то, на что можно опереться. Кто-то, кто скажет, что делать. Нужны единомышленники, родственные души, простые взаимоотношения и цели. Чаще всего эти люди не имеют своей точки опоры, и религия становится для них большей частью жизни. Именно поэтому так тяжело вытаскивать из секты. Человеку там хорошо. Он нашел то, что искал. Веру, учителей, друзей. По-своему они очень даже счастливы. Пусть и за счет равнодушных к ним людей.

А есть люди, которых потери толкают на свершения. Доказать предавшей любимой, кого она лишилась. Заниматься изобретением лекарства от какой-нибудь страшной болезни, унесшей жизнь близкого человека. Потратить средства умершего мужа на то, что для него при жизни было небезразлично. Вылить свои страдания в музыку или художественное произведение. Да и просто открыть для себя, что жизнь не закончилась и нужно ценить то, что есть, пока это с нами.

© Меллори Елена

Меллори Елена

writercenter.ru/profile/Mellory/whois/

Художник Cyril Rolando

aquasixio.deviantart.com



Шевцова Анастасия

Новолетие

Разбивая год посередине, разрывая день напополам,
Билось небо в тонкой паутине, раздувая ветром зеркала.
Босиком ступая по осколкам, разрезая в кровь свои ступни,
Облачалось лето алым шелком... Не спугни мгновенье... Не спугни!
Я пройду до тонкой нити света, не касаясь крыльями зари,
И, лучами теплыми согрета, оторвусь с дождями от Земли.
Осень, осень, радость обновленья! Тянут ветви к небу тополя —
Торжество и смерти, и рожденья — вечный круг земного бытия.
Пусть леса искрятся листопадом — отдождят до снега и уснут...
Холодов последнюю преграду птицы к югу в крыльях унесут.



Зауэр Ирина

Баллада конца

Нам так обещали: в Конце — ни войны, ни чумы,
А правда и ложь наконец примириться сумеют,
Обрушится небо, но вряд ли почувствуем мы,
Ведь боли не станет, и чувства уйдут вместе с нею.
Какая, наверно, настанет тогда благодать —
С чужими чужим нам не будет уже одиноко...
И вот Обещанье Конца я припомнил опять,
О том пожалев, что не названо точного срока.
Мы проще хотели. И стали давать имена.
Сказали: вот Зло, вот Добро. Многоцветие — ересь...
... Рассвет слишком блеклый, и слишком глуха тишина,
Но это не важно — цвета все и звуки приелись.
Услышать хотел бы я цокот алмазных копыт:
Тех всадников четверо, так Обещанье сказало.
Отчаянье всех впереди, но оно не спешит,
А конь его бурый, конечно, а, может, и чалый.
И Зависть на пегом за ним. На нее бы взглянуть,
Хоть видел не раз, но в лицо все равно не узнаю:
Меняет обличья она, как меняет и суть,
Прикинется другом, врагом, то поет, то взывает...
Одно Равнодушие торопит гнедого коня:
Спешит показать — здесь любой его воле покорен.
Но три эти всадника так не пугают меня,
Как та, что за ними, и конь ее бел или черен.
Надеждой зовется. Но в мире, где все решено,
И души-сироты друг в друга всё тычутся слепо,
Зачем напоследок нам встретиться с нею дано,
Дано перед тем, как на землю обрушится небо?
Что нам обещали, конечно, исполнится в срок,
И сбросим с себя наконец мы и жизнь, и усталость.
...Я семя чудное нашел — неизвестный цветок,
А может, сорняк — меж страниц оно в книге лежало.
Его посадил я. Хоть всхода дожждаться не цель,
Но все-таки жаль, если время закончится прежде.
И кажется, понял, зачем нам Надежда в конце.
Но разве не поздно поверить последней надежде?

Шевцова Анастасия

writercenter.ru/profile/Tasula/whois/

Зауэр Ирина

writercenter.ru/profile/Lita/whois/

Художник Cyril Rolando

aquasixio.deviantart.com





Анна Пан

Китайская легенда

Давным-давно, в каком-то прошлом веке,
В деревне Ляо у горы Уй-тя
Вдруг пересохли рисовые чеки-
Всё лето в Ляо не было дождя.

Шаман велел всем жителям деревни
Три дня лежать на площади ничком.
Тогда, мол, некий дух, ужасно древний,
Одарит землю проливным дождём.

На третий день, наевшись вдоволь пыли,
Того шамана люди, не шутя,
Бамбуковыми палками побили...
Всю осень в Ляо не было дождя.

Пришёл монах в оранжевой кашае,
И всем велел молиться день и ночь.
Мол, духи — предрассудки, я-то знаю.
Один лишь Будда сможет вам помочь.

Монаха бить, конечно, не решились.
Но, татхагатагарбху строго чтя,
Его послали к Будде. Или к Шиве...
Всю зиму в Ляо не было дождя.

Тут как-то мимо шёл седой бродяга,
Старик, беспечный, как сама весна,
Узрел поля, сухие, как бумага,
И всем велел готовить семена.

— Никак смеёшься ты над нашим горем!
И сам, поди, не знаешь, что плетёшь!
Бродяга молча в лес ушёл, на гору...
На третий день на Ляо хлынул дождь.

И вся деревня вышла на дорогу,
Когда старик спустился к ним с горы.
— Какому, странник, ты молился богу?
Какому духу приносил дары?..

— Я не молился — лишь встречал рассветы,
И слушал в чаще, как трава шуршит,
И радовался. И с вселенной этой
Делился я гармонией души.

И мир услышал. Инь обнялся с Янем.
Поют согласно струны бытия...

И поклонились мокрые крестьяне
Седому заклинателю дождя.



Правильный человек

Криштул Илья

Алексей Чижов был очень правильным мужчиной. Уходя, он гасил свет, водоёмы не засорял, мусор всегда сортировал, а отработанные энерго-сберегающие лампы сдавал в специализированные организации для переработки и обезвреживания. Он, кстати, был единственным россиянином, который знал адреса этих специализированных организаций. Алексей не купался в водоёмах, в которых купание запрещено, и не ходил по газонам, никогда не заезжал в магазины на роликовых коньках и уж тем более не выходил в двери, на которых написано «Выхода нет». В страшном сне он не мог себе представить, что поставит сумку на витрину или перейдёт дорогу в неположенном месте, попросит справку там, где справок не дают, а размена там, где размена нет. Однажды Алексей увидел человека, заходящего в зал после третьего звонка и ему стало так плохо, что ни в какие залы он больше не ходил. И, разумеется, он не трогал руками экспонаты, не заходил ни за какие ограждения, ежемесячно оплачивал по ЕПД сумму платежа, указанную в графе «Итого с учётом страхования», и хранил все квитанции в течение трех лет с момента оплаты, для чего даже выделил отдельную комнату в своей двухкомнатной квартире.

И в это утро всё было так, как всегда. Алексей собрался на работу, проверил, не оставил ли включёнными электро— и нагревательные приборы, вытащил все шнуры из всех розеток, перекрыл газ с водопроводом и только после этого покинул своё жилое помещение. Подойдя к лифту, он нажал кнопку вызова аппарата и посмотрел, загорелся ли индикатор. После автоматического

открывания дверей, убедившись, что кабина находится перед ним и что это действительно кабина, а не её имитация, Алексей зашёл внутрь и нажал кнопку нужного ему этажа.

На улице, в ожидании подвижного состава трамвайного парка и имея при себе предмет со световозвращающим элементом, Алексей минут двадцать обеспечивал видимость этого предмета водителями транспортных средств, за что много раз был этими водителями матерно обруган. К ругани в свой адрес Алексей давно привык и не обращал внимания, к тому же ему было не до ругани — невдалеке он заметил агрессивную настроенную группу граждан и стал искать сотрудника полиции, что бы немедленно сообщить ему об этом. Сотрудника полиции поблизости не оказалось, но, к счастью, члены агрессивной настроенной группы граждан оказались пешеходами, которые хотели стать пассажирами какого-либо маршрутного транспортного средства и выражали своё негодование по поводу невозможности этого сделать.

Вскоре долгожданное средство городского наземного транспорта, оборудованное системой АС-КП, подошло, наконец, к посадочной площадке, и Алексей, дождавшись полной остановки средства, вышел на проезжую часть с целью посадки. После валидации проездного билета Алексей не стал держиваться возле турникета, а прошёл в середину салона, где начал заблаговременно готовиться к выходу, искать оставленные другими пассажирами вещи и во избежание травм держаться за поручни, одновременно проверяя, не загрязняет ли его одежда одежду других пассажиров. За этими делами время пролетело незаметно, и транспорт-



ное средство общего пользования, двигаясь по специально проложенному маршруту, прибыло на конечную станцию. Заранее подав сигнал водителю нажатием кнопки звонка и услышав в ответ опять что-то нелицеприятное, Алексей покинул подвижной состав и направился к наземному вестибюлю станции метрополитена.

Люда сидела на газоне напротив входа в метро и пила пиво. Глаза, распахнутые серые глаза насмешливо взирали на торопливых суетящихся людей, но людям, опаздывающим на службу, было не до чужих глаз. Насмешливый этот взгляд заметил только Алексей, и у него вдруг так занула душа, так застучало сердце, что он забыл и правила пользования метрополитеном и даже с какой целью он хотел им воспользоваться. Никогда, никогда раньше Алексей не видел таких глаз. Он не мог больше находиться в условиях увеличенных пассажиропотоков и, впервые в жизни пройдя по газону, он подошёл к Люде и молча присел рядом. «Хочешь пива», — то ли спросила, то ли приказала она. «Пива хочу», — то ли согласился, то ли попросил Алексей. Потом они курили, потом, нарушая все правила дорожного движения, перебежали улицу и покупали ещё пива, потом он рассказывал ей свою жизнь, а она хохотала. А потом пошёл дождь, и солнце играло на каплях, и были мокрые волосы, и через весь город перекинулась радуга...

На окраине Москвы, под мостом через реку, живут два счастливых человека. Им никогда и никуда не нужно являться в течение трех рабочих дней. За их вещи, не сданные в гардероб, не несёт ответственности никакая администрация. Они никого и ни о чём не обязаны в 10-дневный срок письменно уведомлять. Их исключили из списков для голосования, к ним не приходят агитаторы, а полицейские не требуют показать паспорта. Они не знают, кто мэр их города, и даже путаются в президентах страны. Им не нужно в течение недели оплачивать всякие задолженности. По утрам они смеются, а по вечерам смотрят на воду и лес напротив. Лишь иногда, в полнолуние, один из этих счастливых людей просыпается от собственного крика. Он смотрит в испуганные серые глаза



by Ben Heine

и виновато шепчет: «Опять этот кошмар...» Уже давно в каждое полнолуние ему снится один и тот же сон, жуткий сон про размагничивание проездного билета от того, что он хранился рядом с ключами и другими металлическими предметами. Он долго сидит и курит, отгоняя страшные мысли о последствиях размагничивания, а потом засыпает, запутавшись в волосах своей любимой. До следующего полнолуния ему ничего не будет напоминать о прошлой жизни...

«Может быть, жить нужно именно так, по своим правилам?» — подумал я и, ощущая себя бунтовщиком, не поднял полы длинной одежды при входе на эскалатор. Мой бунт, бессмысленный и беспощадный, был задушен в зародыше. У меня больше нет одежды с длинными полами, а эскалатор, даже не заметив этого, всё также бежит вниз, увозя куда-то людей, стоящих справа, лицом по направлению его движения... И никогда никто из них не бросит на лестничное полотно и балюстраду никакого постороннего предмета...

Интересно, а брошенная жизнь — это посторонний предмет?..

Криштул Илья

writercenter.ru/profile/3674721/whois/

by Ben Heine

benjaminheine.blogspot.de

Лучшее время

Зауэр Ирина

Вы слышали тысячу таких историй. Или — ни одной похожей. Просто эта сказка не даст мне покоя, пока не поделюсь ею с другими.

В королевском замке у царственной четы родился мальчик — долгожданный наследник престола. Как водится, к нему позвали со всех мест и краев магов и колдунов, чтобы они высказали мнение о судьбе ребенка и наделили его волшебными и не очень дарами, которые пригодятся в жизни. Маги, занятые люди, не очень охотно принимали такие предложения, и далеко не всегда те, кто принял, творили волшебство для новорожденного. Многие отдаривались вещами — и даже не волшебными. А

другие преподносили артефакты, быстро терявшие силу — чародеи не хотели брать на себя ответственность за то, как их используют. Но король и королева все-таки надеялись на полезный подарок и потому пригласили всех, кого могли.

И, как тоже нередко случается, они забыли про одного чародея — этот юный маг недавно окончил волшебную академию и не успел прославить себя ни добрыми делами, ни злыми, и потому о нем мало кто знал. Он ждал приглашения во дворец больше остальных волшебников, вместе взятых, а не получив его, страшно рассердился. И все-таки пришел — незванным.



Художник Лев Елена

Появлению молодого мага обрадовались и королева, и король. К тому времени все волшебники уже успели вручить малышу подарки — и мало среди них оказалось полезных, так что еще одного чародея приняли в замке очень хорошо. Окруженный вниманием и почетом, он мог бы перестать сердиться, если бы был старше и опытнее. Но юность не дает так быстро забыть обиду. И вот, когда его позвали к колыбели младенца, волшебник взглянул на ребенка, улыбнулся чуть отрешенно и сказал:

— У него будет все...

Король и королева громко и счастливо вздохнули, а маг закончил:

— Все, кроме любви — пока не придет лучшее время для нее. А оно не придет, пока я не решу!

И после этого у него достало гордости уйти, хотя очень уж хотелось остаться. Молодому магу нравилась пышность дворца, музыка и ощущение праздника, какого он был долго лишен в академии, сурово воспитывавшей своих учеников. Но что поделаешь, если ты уже сделал все, что мог, а большего не простил бы самому себе?

Слова чародея исполнились в точности. У принца в самом деле было все, но никто никогда его не любил, кроме родителей. Да и они постепенно остыли к сыну — может, так действовало волшебство. А может, это случилось, как случается многое в жизни — своим порядком. Зная о своем проклятии, мальчик — потом юноша, а после мужчина — отчаянно страдал и все искал, искал то, чего для него не существовало. И поначалу верил каждому, кто говорил ему о любви, и однажды даже женился, но на следующий же день узнал, что жена мечтала не о нем, а о власти — и немедленно развелся с ней. Он мог принимать любовь женщин и отвечать на нее, но не знал того — особенного — чувства, о котором так страстно пишут поэты и поют менестрели, и страдал от этого.

И так прошло много лет. Не скажу сколько, но принц, ставший королем после смерти родителей, уже был немолод, когда в замок снова пришел тот маг. И если иней седины лишь чуть припорошил волосы короля, то голова волшебника побелела совершенно, и даже лицо его казалось тусклым, как старая монета. Любопытно, посмотрев на чародея, понял бы: этот человек несчастлив и, скорее всего, никогда не был счастлив. В замке к тому времени осталось мало людей: редкие слуги и служанки, стражники да несколько человек, считавших себя друзьями короля. Наверное, они ими и были: ведь они не покидали своего сюзерена, хотя тяжело жить

рядом с тем, кого невозможно любить и кто отчаянно хочет этого больше всего на свете.

— Ну что же, — сказал чародей, встав перед королем, а тот сидел у окна и смотрел наружу, в мир, затянутый тучами, как вся его жизнь. — Пора закончить начатое.

Король удивился: он впервые видел этого человека.

— О чем ты говоришь? — спросил правитель, вставая навстречу гостю.

— О нас с тобой. Я тот, кто наложил на тебя заклятие нелюбви, — старик хрипло, коротко рассмеялся, как старый ворон на ветке, с которой его пытается сдуть ветер, а за окном — словно в ответ — громыхнул гром. — Но я и сам попал под его действие. Если бы знать заранее, что так будет... Юному выпускнику академии не хватило опыта... Все эти годы я пытался держать лицо и убедить всех — и себя самого — что могу прожить без любви... Но не смог. И пришел к тебе, чтобы объявить: время настало — самое лучшее время.

Король потрясенно пошатнулся:

— И это все? Теперь я смогу найти ту, которая полюбит меня?

— Не все так просто, — вздохнул маг. — Этот мир слишком привык к нам, таким, какие мы есть; ни мы, ни он не можем сразу измениться. Пройдет, я думаю, десять лет, прежде чем мир примет нас новыми, и лишь тогда в нашу жизнь начнут приходить любящие женщины. Наверное, это будет поздно для тебя и уж точно поздно для меня. Поэтому предлагаю тебе другое. Я позову сюда пять женщин из других миров, не знающих ни тебя, ни меня и не имеющих отношения к нашим делам и нашим заклетьям. И среди них ты сможешь выбрать одну, а она выберет тебя. А другая — меня. Согласен ли ты на это?

— Конечно, согласен! — воскликнул король. — Для чего ты спрашиваешь?

— Ты мог захотеть отомстить мне и прожить оставшиеся дни без любви только для того, чтобы и я никогда не узнал ее...

— Чушь и ерунда! — отмахнулся король, и его глаза сияли. — Твори скорее свое волшебство!

И чародей немедленно творить волшебство: просто и безо всяких особых эффектов, лишь произнес пару заклинаний и обошел зал по кругу. За спиной волшебника медленно поднялись из пола высокие, с полукруглыми арками, двери.

— Теперь будем ждать, — сказал он. — Если не трудно, прикажи принести чаю: ожидание может оказаться долгим...

Проза. Сказка

Король кликнул слугу, и тот принес им обоим чаю и сам остался в комнате: на случай, если им понадобится еще что-то.

Прошел, может быть, целый час. За окном бесновались ветер и дождь, и король почти уже решился начать вежливую беседу с магом, хотя совсем не знал, о чем и, главное, как с ним говорить. И вот одна из дверей открылась, и в залу шагнула девушка в поцарапанных латах с длинным тяжелым мечом в руках. Дверь за ней захлопнулась; гостья огляделась, устало вздохнула, прислонив меч к дверному косяку, стащила с руки латную перчатку и провела ладонью по лицу, как человек, который только что проснулся. Она принесла с собой запахи пыли, дыма и боя.

— Неужели все закончилось? — спросила девушка и посмотрела на короля и мага, словно они и только они могли ей ответить.

— Да, закончилось, — ответил чародей и улыбнулся. — Но лишь для того, чтобы начаться снова.

— Война? — устало и тихо спросила пришедшая. — Снова война?

— Нет, — на этот раз король опередил мага с ответом, — любовь. Если ты сможешь или захочешь полюбить кого-то из нас...

Казалось, гостья услышала только часть ответа.

— Значит, не война. И мне не придется снова быть в первых рядах, вести всех и вдохновлять, обещая победу и помощь Небес. Значит, я теперь свободна выбирать...

И только потом она посмотрела на того, кто ответил на ее последний вопрос:

— А что такое любовь?

Волшебник нахмурился:

— Разве ты не знаешь? Это когда ты счастлив, только если рядом с тобой другой человек...

— А если он не человек? — спросила гостья. — Это считается?

— Конечно, — кивнул маг и торжественно выступил вперед, ради такого случая перестав считать себя человеком. — Еще как считается!

На улице снова гроыхнуло. Чародей поехал и сделал шаг подальше от окна, разом забыв про торжественность.

Девушка печально улыбнулась:

— Тогда я знаю, но все же не могу выбирать, потому что люблю. Потому что вряд ли мой избранник захочет быть со мной...

— Почему? Он не любит тебя?

— Думаю, что любит — так, как его, ангела, научил бог. У него есть лишь такая любовь, а у

меня — только война. Та, на которую он позвал меня когда-то.

Король ощутил, как комок подступил к горлу. Он всю жизнь считал себя самым одиноким человеком на земле, потому что никогда и никто не любил его. А теперь видел человека еще более одинокого, любовь которого должна остаться неразделенной навсегда.

— Но может быть, ты спросишь у него? — заметил король. — Может, его ответ будет другим?

Девушка усмехнулась:

— Пожалуй, я спросила бы. Теперь, после всех моих битв, я не побоюсь задать такой вопрос ангелу. Но где найти его?

Король вопросительно посмотрел на волшебника:

— Ты можешь это?

Маг поджал губы. Он терпеть не мог, когда кто-то сомневался в его силе.

— Думай о нем, — попросил он девушку, развел руки в стороны и топнул ногой.



Пол замка задрожал, стены пошли рябью, и в зал прямо сквозь крышу спустилось сияющее существо, прекрасное, как надежда. Белоснежные широкие крылья, синие глаза и лицо, полное огня и вдохновения. Вряд ли кто-то мог бы не полюбить его.

Ангел опустился на пол и сложил крылья, совершенно сухие, несмотря на ливень снаружи. Взглядом нашел девушку и улыбнулся ей.

— Это ты, — прошептала она, бессознательно подалась вперед — и тут же отступила, словно остановленная ангельской улыбкой. В ней была любовь, но — король и сам теперь видел — совсем не такая, не человеческая. На понимание этого ему хватило знаний и опыта.

— Да, — сказал ангел, — это я. Ты позвала меня?

— Я хотела, чтобы ты пришел, — поправила его девушка. — Хотела спросить тебя о любви.

Ангел слегка шевельнул крыльями:

— Ты знаешь ответ. Я люблю всех.

— И меня?

— И тебя, — крылатый снова улыбнулся. — Создатель не разрешает мне исключений.

Девушка-воин судорожно вздохнула и снова вытерла лицо рукой — но на этот раз стирая бжежавшие по щекам слезы. Ангел словно и не заметил этого.

— Теперь ты сможешь отдохнуть, — сказал он и огляделся. — Правда, все должно было закончиться иначе, но так лучше.

— Лучше для кого? — с горечью спросила девушка и обернулась к королю:

— Есть тут где-нибудь война?

— Нет, — ответил король, — я давно уже не веду войн, или, скорее, никто не хочет драться со мной, потому что я никому особенно не нужен и не интересен. Но у меня есть стража и армия.

— Тогда я поступлю к тебе на службу. Но не сейчас, а немного позже. Хочу пожить мирной жизнью и узнать, а вдруг у меня это получится. Попробую поверить в жизнь без войны, — она снова взяла в руки меч, слишком тяжелый для девушки. — Сражаться и верить — лучшее, что я умею. Скажи, куда мне идти?

Король кивнул на дверь:

— Туда...

И приказал слуге:

— Проводи ее.

Тот открыл дверь перед девушкой и вышел вслед за ней.

Ангел проводил ее взглядом и снова улыбнулся.

— Чем ты так доволен? — спросил чародей почти зло.

— Итогом, — ответил ангел. — Ибранница должна была умереть, а теперь будет жить.

— Может, лучше умереть, чем жить так, как станет она, — проворчал чародей, но никто не успел ему ответить — из второй двери в зал вышла еще одна девушка.

Она была красива — красотой жгучей и вызывающей. Нельзя было отвести от нее взгляд, но и нельзя долго смотреть на нее. Слишком яркий взгляд, слишком яркое платье, слишком яркие губы. И когда новая гостья сделала шаг, по залу разлилось благоухание духов и запах грозы, словно она принесла ее с собой.

— Кто из вас, — спросила она с вызовом, — будет очередным моим мужем?

Король нервно подался назад, и даже волшебник отшатнулся:

— Демоница!

Девушка расхохоталась:

— Да! Меня сделали такой, когда снова и снова продавали замуж по праву власти и за власть, а потом травили моих мужей!.. У внебрачной дочери Иерарха Церкви нет другого пути в жизни, кроме этого — подчиняться и вести собственную игру. И, попробовав жить так, как я, вы стали бы еще хуже, чем я!

— Пстой! — попросил ангел и подошел к девушке невозможно близко, словно не боясь обжечься ее яростью и красотой. Приподнял крылья, точно хотел обнять, защитить, закрыть от всех и всего. — Ты никогда не знала любви?

— Знала, — ответила красавица, — но моего второго — любимого мужа тоже убили, чтобы снова сделать меня свободной.

— Мне жаль, — сказал ангел. Свет его стекал на пол, истаивал, исчезал.

— Тебе — жаль? — воскликнула девушка и шагнула к нему. — Тебе, ангелу? Одному из тех, кто служит Богу, допустившему все это? Богу, который, в конце концов, примет меня в один из своих монастырей — потому что рано или поздно я постарею и перестану быть полезна моим патронам?

— Да, — ответил крылатый, — и я хочу предложить тебе немного тепла.

— Мне и так не холодно, — резко бросила красавица, — и я не понимаю, о чем ты.

— Думаю, что понимаешь, — сказал ангел, и его крылья тоже начали исчезать, стираться из реальности. — А теперь и я понимаю. Любить всех — значит, не любить никого. Любить одного — больше, чем любить всех.



Художник Лев Елена

Он умолк и ничего больше не говорил, просто смотрел на девушку, а она на него. И, наверное, взгляды эти были наполнены смыслом, непонятным тому, для кого не предназначались. Даже дождь за окном, казалось, стал успокаиваться, как человек, который хочет прислушаться, чтобы понять.

И девушка стала вдруг не такой яркой и вызывающей — словно лишняя красота стекла с нее, как свет с ангела. Гостья протянула руку тому, кто был когда-то крылатым, а теперь превратился в обычного мужчину с очень простым лицом и синими глазами.

— Пойдем, — попросила она. И через минуту они, держась за руки, покинули залу.

— Ну и ну! — сказал король, качая головой. — И такое бывает на свете — и такая любовь?

— И такая, — кивнул чародей. — И думаю, мы с тобой еще многое узнаем, прежде чем закончится этот день — самый лучший день для любви!..

Вспышка молнии осветила залу — гроза продолжалась.

— Ты уверен, что этот день лучший? — спросил король, глядя за окно, по которому хлестали отчаянные струи дождя, словно просившего впустить его в комнату.

— Конечно, уверен! — нетерпеливо и раздраженно сказал чародей. — Именно моя уверенность сделала этот день подходящим!

В этот миг открылась еще одна дверь — третья. Из-за нее вышла девочка лет четырнадцати: маленькая красавица с черными волосами, в пышном платье и с книжкой в руках. Легкий сквозняк из-за двери принес запах цветущего жасмина.

Девочка тут же прямо и очень серьезно посмотрела на короля и мага:

— Вы тоже будете задавать мне вопросы? Экзамен еще не закончен?

— Экзамен? — переспросил волшебник. — Никто не собирается экзаменовать тебя, дитя.

— Но я готова отвечать, — девочка гордо вскинула точеный подбородок, — о чем бы вы ни спросили!

Гром привлек ее внимание. Гостья посмотрела за окно с интересом.

Скрипнула дверь залы — вернулся слуга. Вернулся и издал удивленный вздох.

Король обратил на него внимание:

— Что такое?

— Она так похожа на мою умершую дочь, Ваше Величество, — сказал слуга.

Чародей фыркнул:

— Совпадение. Бывают совпадения такого рода — и даже чаще, чем можем себе представить. А скажи-ка, дитя, ты не хочешь замуж?

— Нет! — тут же ответила девочка и покрепче сжала свою книгу. — Нет, не хочу!

— А о любви ты когда-нибудь мечтала?

Девочка посмотрела на него темными, не детски серьезными глазами, и ничего не сказала.

Маг вздохнул и обернулся к королю:

— Она слишком юна и для замужества, и для любви, — заметил он. — И значит, не подходит ни мне, ни тебе! К тому же, у нее кажется, совсем другие желания...

— Я хочу учиться, — подтвердила девочка — ее лицо уже не было таким суровым, и на нем появилась мечтательность. — Столько, сколько живу...

Слуга снова тихо охнул:

— Так же говорила и моя дочь!

Девочка наконец поглядела на него:

— А в вашем доме есть книги?

— Мало, — признался слуга, — но это лучшие книги, которые я смог купить для моей дочки. К сожалению, она не успела прочитать их все.

Девочка немного подумала и подошла к нему.

— Ты покажешь мне эти книги? — спросила она.

— Покажу, — ответил слуга взволнованным, дрожащим голосом и поднял взгляд на короля. — Можно мне уйти сейчас, Ваше Величество?

Правитель кивнул, понимая, что толку от получившего неожиданный подарок слуги не будет никакого.

— Тут, в замке, богатая библиотека, которую редко читают. И ты можешь прийти в любое время, — сказал он девочке.

— Спасибо, — улыбнулась черноглазая. — Спасибо, что понимаете!..

И вместе со слугой покинула залу.

— Ну вот, — разочарованно вздохнул волшебник. — У нас с тобой осталось только две возможности. Надо было создать больше, чем пять дверей.

— А ты не сможешь это повторить? — спросил король.

— Не смогу, — развел руками маг. — Я уже выбрал лучший день — сегодня, и второго лучшего не может быть...

Очередная дверь отворилась — и из-за нее прилетел голос, поющий странную, грустную и одновременно веселую песню о том, что человек рождается, как птица, живет, как птица, и умирает, как птица. Через несколько минут в дверном проеме появилась и поющая.

Никто с первого взгляда не назвал бы эту женщину красавицей — и уж точно не после того, как услышал ее голос, который был по-настоящему прекрасен. Но потом становилось ясно — одно неотделимо от другого: это усталое лицо с яркими глазами, странное платье без одного рукава и песня, рвущая сердце. Как гроза и дождь, гром и молнии...

Женщина замолчала, закончив песню. Посмотрела на короля и чародея, но ничего не сказала. Но потом певица подошла к магу и коснулась кончиками пальцев его седых волос.

— Ты напоминаешь мне кого-то, — сказала она.

— Правда? — ответил он, оживляясь. От женщины пахло чем-то настоящим и вкусным, как пахнут свежеспеченные булочки с корицей или бодрящий шоколадный напиток.

— Конечно, правда! Я так и не научилась лгать и не собираюсь учиться теперь!

Певица огляделась:

— Что это за место?

— Королевский замок.

— Но ведь ты не король? — улыбнулась женщина — и в ее улыбке не было разочарования. — Когда-то я мечтала о том, что буду богатой. Маленькая девочка, не нужная никому, кроме себя и женщин, продающих любовь, которые заботились о ней больше, чем ее собственная мать. Эта девочка не понимала, что уже богата. Когда-то со мной происходило много чудес... Мне кажется, ты — одно из них...

— А тот, кого я тебе напоминаю, — перебил маг взволнованно, — он хороший или плохой?

Гостья упрямо тряхнула кудрявой головой:

— Про человека или про чудо нельзя сказать, хороши они или плохи, пока они не уйдут. Но ты спросил так, что я понимаю — ты чего-то ждешь от меня. Чего же?

Маг явно хотел сказать прямо, но слишком долго собирался с духом и не успел. Женщина ответила раньше, за него:



Проза. Сказка

— Я поняла. Ты ждешь любви.

— Ты сможешь полюбить меня? — с надеждой спросил чародей.

— Пока не знаю. Это не всегда случается с первого взгляда. Но что-то в тебе привлекает меня... Мне кажется, ты, как и я, знал разные времена и понимаешь, что такое настоящее чудо!

— Иногда я даже делаю чудеса своими руками, — почти с гордостью признался волшебник — и тут же покраснел, устыдившись собственной похвальбы.

Женщина засмеялась. Смех у нее был очень красивый.

— Значит, ты тот, кем мне показался, — сказала она.

А потом предложила: — Пойдешь со мной?

— Пойду... Нет, погоди. Давай побудем тут еще немного. Мне хочется знать, кто достанется моему другу.

Он посмотрел на короля, и тот кивнул — может, раньше они не были друзьями, но сейчас стали ими.

Гроза, кажется, утихла.

Певица подошла к окну и открыла его — настежь, впустив в залу свежий воздух и запах влаги. Долго-долго она смотрела на что-то там, снаружи, а потом обернулась к своему избраннику:

— Знаешь, когда видишь настоящее чувство со стороны, сложно его не узнать... Там, во дворе, девочка в доспехах беседует со старым воином. И хотя дождь еще идет, и оба промокли насквозь — им, кажется, все равно. Думаю, это любовь... Хотела бы я так же точно сказать о себе и тебе. Впрочем, не знать — интересней.

Чародей хотел ответить — но последняя, пятая, гостья, выбрала этот миг, чтобы появиться. Она появилась в дверях — и все пять пропали, исчезли, истаяли, как крылья ангела и его свет. Как все ненужное.

Новая пришелица была... Король смотрел, и ничего, кроме того, что она женщина, не мог сказать сейчас. Ее присутствие осветило замок светом, не сравнимым даже с ангельским — более глубоким и чистым. Она была проста обликом, не пела, и платье ее выглядело обычно, а руки явно знали всякую работу, даже очень тяжелую. Но входя, она улыбалась хорошей, светлой улыбкой, хотя для радости пока не было причины — по крайней мере, внешней. Женщина сразу же подошла к королю, принесла с собой запах свежести и весны.

— Здравствуй, — сказала она. — Ты ждал именно меня?



— Думаю, да, — пока еще не очень уверенно ответил правитель и тоже шагнул к ней навстречу. Ему хотелось получше рассмотреть гостью; для этого обычно надо отойти подальше, но он не мог себя заставить отдалиться от нее.

— Хорошо, — сказала женщина. — А для чего?

— Для счастья, — уверенно ответил король. Теперь он видел, что гостья не так молода, как предыдущие, но ему уже и не хотелось, чтобы она была молодой.

— О, это хорошо, — заметила женщина, — и надеюсь, ты хочешь того же и для меня. Я не заставлю тебя долго ждать счастья и надеюсь, что мы понимаем счастье одинаково или похоже. Это случалось со мной слишком часто — ожидание и непонимание. Женщинам вообще часто приходится ждать — то одного, то другого... То корабля, то Бога, то чуда... Но жизнь все-таки состоит не только из чудес. И когда отдаешь часть себя в руки другому — а он уходит навсегда, просто потому

что вы с ним верите в разные вещи — то не понимаешь, чего теперь ждать и зачем. Сможешь ли ты это? Сумеешь ли верить во что-нибудь вместе со мной?

— Смогу, и... — начал король, но гостя перебила его:

— Прости, я все говорю и говорю, бессвязно, как ребенок... Словно во мне оживают мифы или сказки, или чьи-то жизни-истории, приукрашенные многими пересказами. Но они не мои. Я хочу жить собственной, выращивать цветы, алые и белые розы — и никакая стужа, и даже ожидание и непонимание не смогут погубить то, что ты держишь в своем сердце. Любишь ли ты розы?

— Я люблю их, — уверенно ответил король и услышал смехок чародея. — Что такое?

— Все-таки тебе досталось лучшее, — сказал маг, — потому что досталось все. Пусть это будет моим подарком, хотя цена его выше, чем я думал. И мне, и тебе придется научиться любить, верить, понимать — а это не так просто, как жить без всего этого, хотя может казаться наоборот. Прощай же. Но, наверное, мы еще встретимся, ведь нам есть о чем поговорить.

И он тоже ушел вместе со своей избранницей, а король остался со своей.

Так закончилась эта история. Но лишь для нас, узнавших ее вот только что, а где-то там продолжается. Для каждого, чье «здесь и сейчас» — лучшее время для любви.



Зауэр Ирина

writercenter.ru/profile/Lita/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/



Ловец ветра

Бунингит

Леттисе пришла, когда Элиджио уже не спал, но еще и не проснулся. Стук дверного молоточка долго не мог разбудить его, сливаясь со звуком капель все еще снившегося ему дождя.

Открыв дверь, он понял, что девушка — именно та, что ему нужна. Её своеобразные темно-светлые волосы были наполнены южным ветром, а протянутая ладонь пахла высокой травой.

— Доброе утро. Это вы — художник, которому нужна натурщица?

Голос девушки был ему хорошо знаком, этим голосом в снах Элиджио его окликала покойная мать. Юноша посторонился, приглашая девушку войти, и тут же, на пороге, попросил ее остаться навсегда.

Леттисе оказалась превосходной моделью. Она знала, как втирать в кожу лучи заката, умела смотреть одновременно во все стороны света и улыбалась так, будто рассматривала птичьи сны. Волосы ее меняли цвет от кораллового до шоколадно-черного, в зависимости от мыслей Элиджио, а все, на что она бросала взгляд, тут же приобретало оттенок ее фиолетовых глаз.

Рисуя ее, Элиджио не понимал, где кончается вдохновение и начинается любовь, так как прикасаясь кистью к телу Леттисе на холсте, юноша одновременно испытывал и душевный и телесный экстаз точно так же, как во время слияний с ее живой плотью.

В перерывах между любовными играми и домашними хлопотами Леттисе занималась приго-

товлением красок и льняного масла. В кобальт она роняла счастливые слезы, и краска начинала светиться и пахнуть морем. В умбру и краплак Леттисе добавляла несколько капель своей ежемесячной крови, и темные тона приобретали глубину бархата. Выжимая масло, девушка тихонько напевала, и мелодия ее голоса смешивалась с тягучей жидкостью, заставляя пейзажи Элиджио звучать. Из своих волос Леттисе делала кисти, послушнее которых художнику прежде не доводилось держать в руках.

Мастерство и любовь Элиджио росли вместе, как брат и сестра, и в конце концов достигли совершенства. Наступил момент, когда любить сильнее было уже невозможно, а писать лучше можно было бы, лишь став богом.

Однажды, выставив несколько еще сырых работ на крыльце, Элиджио увидел, как проходивший мимо мужчина остановился и долго плакал, глядя на полотна. Сгорбленная старая женщина, поравнявшись с крыльцом, подняла голову, будто откликнувшись на зов, посмотрела на картины и вдруг расправила плечи и помолодела.

В тот момент Элиджио понял, что искусство его обладает властью над людьми.

Знание это породило беспокойство, которое вскоре сменилось неудовлетворенностью и недовольством. Элиджио перестали радовать ласки Леттисе, он становился все более хмурым и замкнутым. Леттисе старалась утешать Элиджио, как умела. Превращая свои тревоги в цветы, она



срезала их, собирала в причудливые букеты и дарила их ему, пока не заметила, что цветы стали увядать от одного лишь равнодушного взгляда Элиджио. Художник все реже замечал красоту самой Леттисе, и чем меньше он смотрел на нее, тем тусклее становились ее волосы, тише ее пение, слабее ее травяной аромат.

В один из сентябрьских четвергов, рассеянно посмотрев на Леттисе, Элиджио подумал, что заслуживает большего. Поймав его мысль взглядом, девушка заплела в тугую косу ставшие в один миг пепельно-серыми волосы и ушла.

А в пятницу на пороге дома Элиджио появилась Клио. Стук в дверь не был похож на звук дождя, Клио стучала так, как будто забыла ключи.

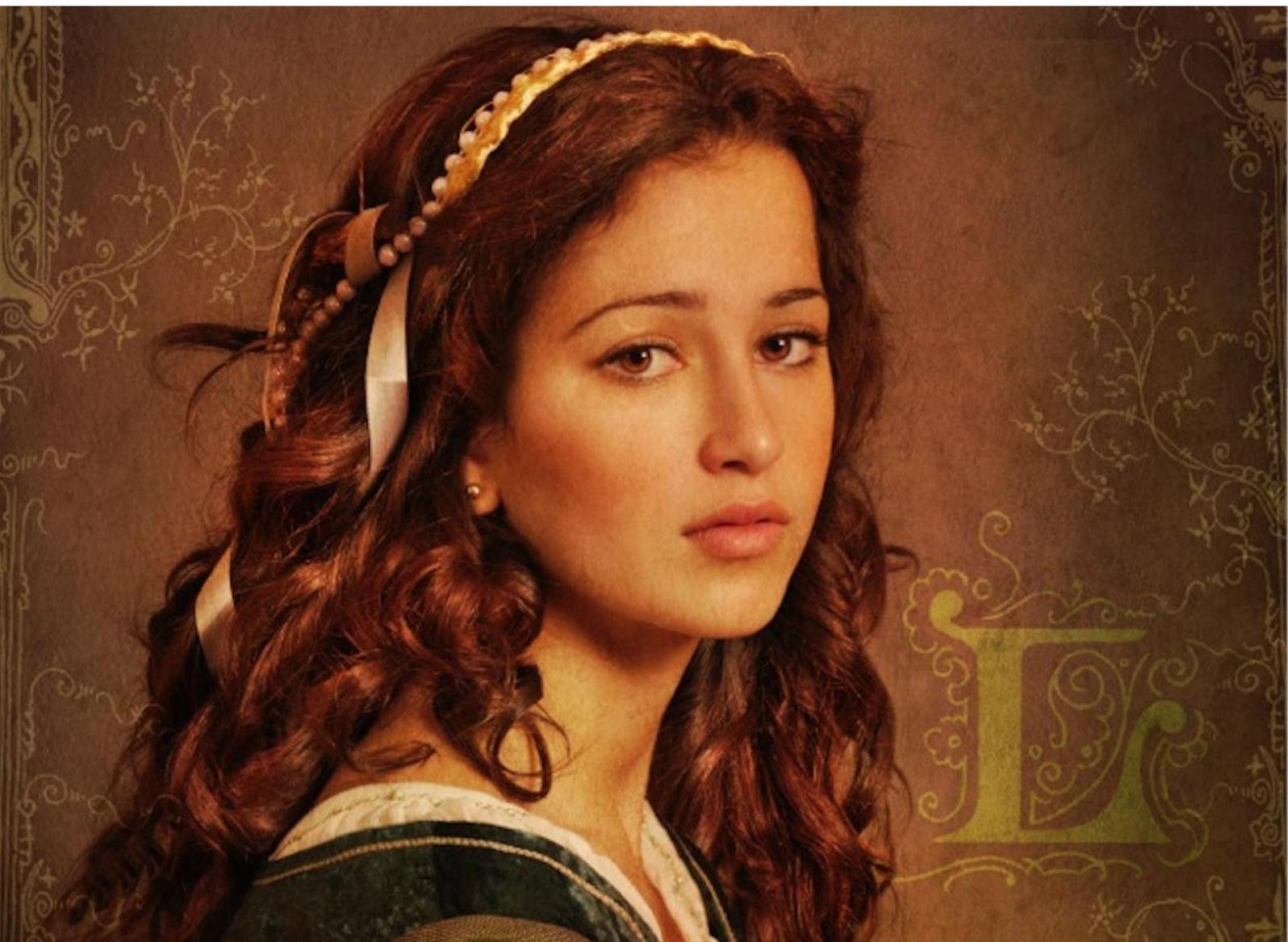
Художник Ульяна Колесова

— Это вы — тот самый Элиджио, картины которого заставляют мужчин выплакивать всю свою вину и злость, а женщин — находить в своем лоне жемчуг?

Ее запястье было тонким, как лесья, волосы пахли северными звездами, а глаза вытягивали мысли и плели из них убеждения.

Любовь Клио была соткана из света комет и обещаний, она не насыщала, но манила, садилась на плечо райской птицы, позволяла коснуться искристых перьев, и тут же снова взмывала ввысь.

Желтоволосяя Клио не умела петь и смешивать краски, но могла взглядом разжечь камин и громко смеялась, занимаясь любовью. Кроме любви она дарила Элиджио причудливые и дорогие подарки: кисти с черенком из древнего янтаря, пигменты редких красок из Египта и Месопотамии, цена за унцию которых равнялась стоимости самой юной и светлокожей наложницы.



Проза. Сказка

Клио приводила в дом множество друзей и знакомых, без устали показывала и восхваляла картины Элиджио, искусно сплетая вокруг художника ореол славы. Не прошло и года, как известность Элиджио распространилась сначала за пределы города, а за тем и государства. Художника узнавали на улицах и, кланяясь, называли не иначе, как Элиджио Гениальный. Ценители живописи из разных стран съезжались на выставки художника, народ выстраивался в очереди, чтобы взглянуть на его полотна. Самые богатые коллекционеры приобретали его картины, влиятельные вельможи заказывали у него портреты жен и дочерей.

Элиджио работал днями и ночами, стараясь угодить всем своим заказчикам и получая за это щедрое вознаграждение. Знаменитый художник

был так занят, что постепенно разучился смотреть по сторонам. Он не замечал, что люди уже перестали плакать и смеяться, глядя на его картины, теперь они лишь удовлетворенно кивали головами.

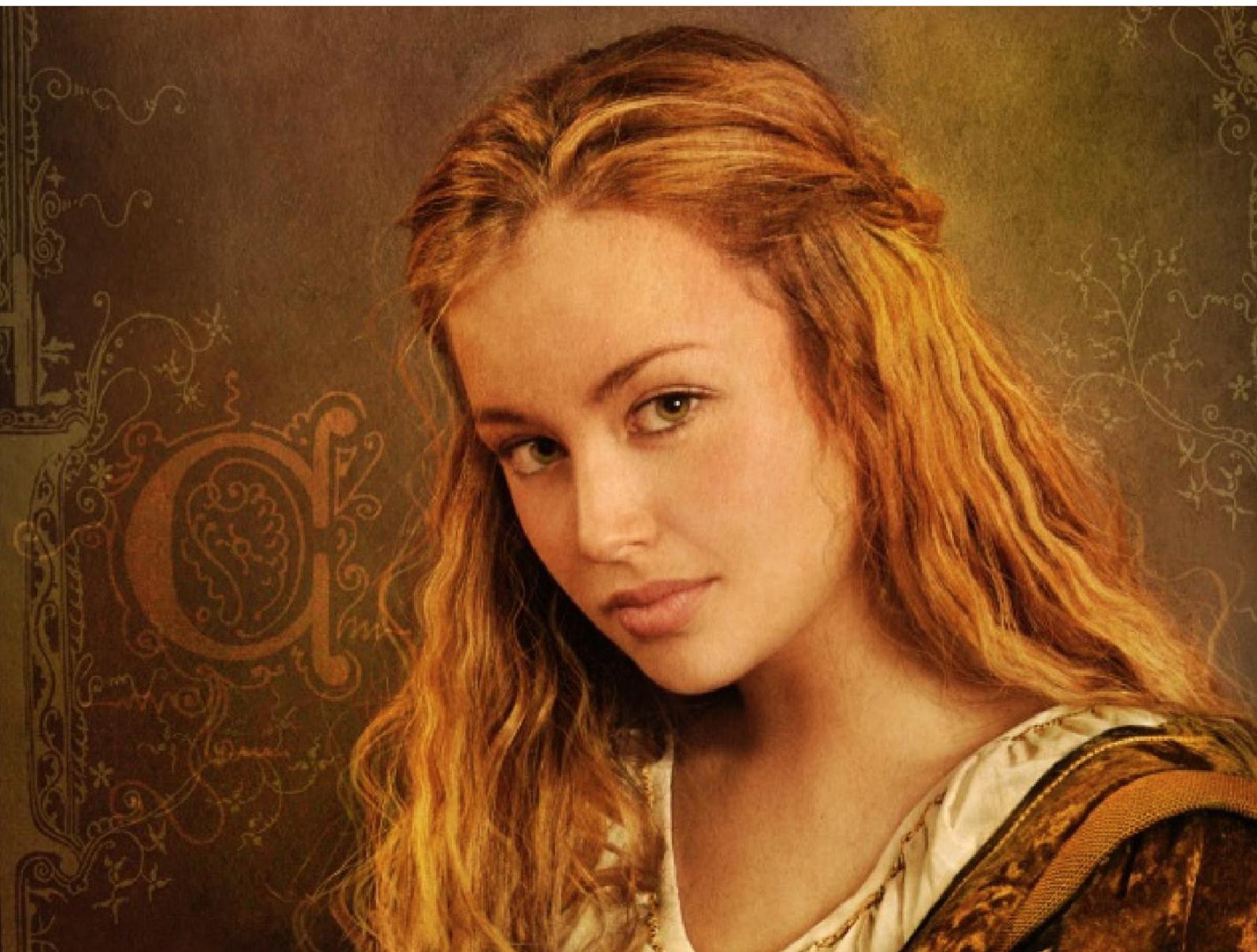
Клио все еще продолжала хвалить работы Элиджио, но похвала ее больше не взмывала в небеса, рассыпаясь искрами. Едва слетая с ее губ, она оседала не полотнах тусклой каждодневной пылью.

Однажды, пройдя мимо новой картины, Клио и вовсе ее не заметила. В ответ на упрек Элиджио женщина лишь пожала плечами.

— Не моя вина в том, что ты утратил свой дар.

Только сейчас Элиджио заметил, что камин в их доме уже давно отвык от огня а золотые волосы Клио развеваются чужой ветер.

Художник Ульяна Колесова



Проснувшись на следующее утро, Элиджио понял, что Клио больше нет. Она ушла, оставив после себя лишь затерянные в углах мелкие осколки давно разбитых звезд.

Посмотрев на свои работы, художник и в них не увидел ничего, кроме лживых иллюзий. Мастерство, с которым они были выполнены, лишь добавляло коварства к обману.

Неспешно разведя огонь в камине, Элиджио одно за другим сжег свои полотна, молча наблюдая за тем, как сгорает время.

Когда последняя картина превратилась в пепел, Элиджио навсегда вернулся в прошлое. В то утро, когда Леттисе дождевыми каплями постучала в его дверь.

Он и по сей день сидит в своем кресле-качалке перед открытым окном, стараясь не пропустить южный ветер. Наполнив им комнату, Элиджио закрывает ставни и засыпает. Ему снится дождь. Он просыпается и долго прислушивается, стараясь уловить в нем стук дверного молоточка.

«Этот старик — бессмертен», — шепчут друг другу горожане, проходя мимо окна Элиджио.

«Надежда его сильнее смерти», — отвечает южный ветер.



Бунингит

writercenter.ru/profile/Buningit/whois/

Художник Ульяна Колесова

www.shannonassociates.com/artist/julianakolesova



Правдивые глаза

Stanovoi Marika

В одной доброй и дружной семье родилась хорошенькая девочка. А что? Сказку надо же как-то начинать? И все знают, что маленькие девочки всегда хорошенькие. Пока маленькие. И пока тихо спят в своих уютных спальнях молочными зубками к стенке.

Ой! Простите!

Начну-ка я еще раз с самого-самого начала.

Однажды зимой в тихой деревеньке на самом краю леса, когда все мужчины, кроме уж совсем старых и немощных, были далеко-далеко на заработках, а женщины, чтобы скоротать долгие зимние вечера, плели кружева, у плотника Вальтера и его жены Марты родилась прелестная голубоглазая девочка, и родители назвали её Эльза. Самого Вальтера дома тогда не было, но никто и не сомневался, что он отец Эльзы, ведь она смотрела в мир таким же искренним взглядом чисто-голубых глаз, как и ее отец Вальтер. А как Эльза была похожа на свою милую трудолюбивую маму! У Эльзы были такие же прекрасные волнистые волосы, и она заплетала их в длинную косу, почти такую же длинную и толстую, как у мамы Марты.

— Эльза просто вылитая Марта, — добавляла соседка Вильма. — Особенно если вспомнить, какие роскошные волосы у неё были до замужества!

Эльза росла на радость своим родным и близким. Родители очень любили свою дочурку и души не чаяли друг в друге. Мама Марта часто рассказывала Эльзе, что когда папа Вальтер ухаживал за ней, то, делая предложение, подарил золотое колечко, спрятанное в огромной, просто необъятной корзине цветов!

Правда, после рождения Эльзы Марта много болела и стала хуже видеть. А бесконечные стирки — ведь маленькие дети постоянно пачкаются — искалечили ее умелые руки. Пальцы Марты огрубели, суставы опухли, и она уже не могла так ловко вязать узелки и перебрасывать коклюшки из руки в руку. Коклюшки в ее пальцах уже не летали шустрými веселыми воробушками и не пели "тлаки-тик-тики-тлак!", а грустно стучали печальными дятлами: "Тук-тук. Тук." Кружева потеряли нежность и не ложились в корзинку сказочными воздушными снежинками, а обыденно складывались слоями грустных одинаковых узоров из нитей и пряжи.

Эльза подросла и, помогая маме, тоже начала плести кружева. Эльза старалась изо всех сил, но коклюшки выскальзывали из её еще неумелых пальцев, нитки путались и рвались, кружево портилось, а мама так расстраивалась!

— Эльза, какая же ты неумеха! Ведь я сколько раз тебе говорила, нельзя так дергать нитки, — говорила ей Марта.

Эльзе было обидно: она ведь так старалась! И она плакала:

— Ты меня не любишь! — горько всхлипывала она.

Мама обнимала её и говорила:

— Эльза, глупенькая, не плачь! Я тебя люблю, но кружевам нужно терпение! Распускай и переделывай!

В конце недели Эльза относила готовые кружева на другой конец деревни к тете Маргарите. Маргарита была белошвейкой, и каждую субботу



рано утром она запрягала маленькую гнедую лошадку в крытую повозку и ездил в город на рынок.

— Ты такая хорошенькая, прямо как сестрица Марта, когда та была еще молода, — говорила Маргарита, пересчитывая кружева и складывая их в корзинку.

— А мама и сейчас красивая! — обижалась Эльза.

— Конечно, малышка, конечно, — соглашалась тетя и гладила жесткой рукой девочку по голове, цепляясь дорогими перстнями и нечаянно выдергивая волосы. — Но если бы она не родила тебя, то могла бы жить в городе, и там ее кружева всегда были бы нарасхват! А сейчас посмотри, какой неровный рисунок!

— Это делала я, — краснела Эльза.

Однажды в понедельник Марта пошла к сестре за деньгами, полученными от продажи кружев, а также узнать, есть ли весточка от Вальтера. В го-

роде, по дороге на рынок, Маргарита заезжала на постоянный двор "У трех дорог" к старому трактирщику Карлу, которому Вальтер, пользуясь оказиями, передавал письма или деньги для семьи. Эльза была на огороде, когда увидела, как мама, пошатываясь и с трудом переставляя ноги, вернулась домой. Эльза бросилась следом помочь и поддержать её, но не успела, и Марта упала сразу за дверь. Эльза помогла маме дойти до постели и уложила ее.

— Что с тобой, мама? Что принести тебе? — волновалась Эльза. Но Марта только неразборчиво бормотала и отмахивалась, пытаясь отвернуться и закрыться одеялом.

Эльза испугалась, выбежала вон и постучалась в окно к соседке:

— Моей маме плохо! Она совсем не может ходить! И не может говорить!

Художник Stanovoi Marika (Akrotiri)



Проза. Сказка

Соседка только засмеялась: "Да, я видела! Дурочка Эльза!" и захлопнула окно.

Эльза побежала на другой конец деревни к тете Маргарите и, вытирая слёзы, закричала:

— Мама заболела! Она упала прямо у двери и не может говорить!

— Успокойся, дуреха, она просто пьяна, — сказала ей тетя Маргарита. — Твой отец опять не прислал денег и уже не вернется — он остался у своей первой любовницы. Бедняжка Марта! Я налила ей немного вина — надо же ей как-то утешиться. А теперь не позорь мать, не кричи и не бегай по деревне, а лучше дай Марте поспать, хоть так она забудет свою испорченную жизнь. А ведь она могла бы стать первой кружевницей в городе! Но вот сдуру забеременела и вышла замуж за твоего бестолкового отца! Так хоть не мешай ей выспаться! А пока Марта спит, лучше сплети несколько воротничков, чтоб был и от тебя какой-нибудь прок!

Эльза заплакала ещё горше и убежала. Но куда? Домой она не пойдёт! Она просто не может сейчас идти домой! Все ложь! Кругом все врут! И Эльза побежала в лес. И бежала, и бежала, пока у нее не подкосились ноги и она не упала на маленькой полянке, уставшая и совершенно несчастная. Её сердце болело и, как тяжеленный камень, давило и прижимало к земле.

— Почему ты плачешь, девочка?

Эльза подняла голову. На краю полянки у мшистой ели стояла сгорбленная старушка.

— Ты заблудилась?

— Нет, я не заблудилась. Мне просто... — и тут Эльза снова расплакалась. — Меня просто все обманывают! Я их любила, а мне лгала даже мама! Я думала, она заболела, а она просто напилась! Почему я раньше не увидела правду?

— Хочешь, я тебе помогу? Я могу снять паутину лжи с твоих глаз, и ты всегда будешь видеть, что человек думает на самом деле, что бы он ни говорил тебе! Ты всегда будешь видеть истину за любыми словами, и тебя никто не сможет обмануть!

— Вы можете так сделать?

— Конечно, могу! Но ты должна заплатить чем-то своим. Хотя бы чем-нибудь совсем не нужным.

— А чем я заплачу? У меня ничего нет!

— У тебя сейчас очень болит сердце, это болит твоя раненая любовь. Любовь к тем, кто обманул тебя. Отдай мне её — и боль пройдет...

И Эльза отдала свою любовь. Зачем она ей сейчас? И ей сразу стало лучше. Горе ушло. На сердце было легко и спокойно. Ничто не тянуло ее к

земле. Она встала, поблагодарила старушку и пошла домой.

Поздно ночью Эльза вернулась в свой дом, приготовила себе немного еды и села ужинать, слушая, как спит мать за перегородкой спальни. Сон у Марты был беспокойный: она ворочалась с боку на бок, громко вздыхала и храпела. В доме пахло перегаром и затхлостью. Эльза огляделась новым, очищенным лесной старушкой взглядом. Голый деревянный стол в тесной кухоньке, выцветшие занавески и старенькая мебель. Бедность, серость... И ложь!

Эльза встала, собрала котомку и разбудила мать.

— Я не хочу жить с тобой и ухажу навсегда, — сказала она.

— Куда? Зачем? — встрепенулась Марта. — Нам надо плести кружева, у нас есть заказ!

"Я останусь одна!" — увидела Эльза. "Этот бабник Вальтер бросил меня! Он и женился на мне только из-за ребенка и никогда меня не любил! И Эльза вся в него — тоже уходит! А я не успею выполнить работу одна! Кто мне подаст воды или кусок хлеба, когда я постарею?!"

— Вы лгали мне! — закричала Эльза. — Ты не любишь отца! Ты не любишь меня! Я тебе нужна только для того, чтобы кто-то плел твои кружева! Вы все лжете, и только тетка Рита сказала мне правду!

Она схватила котомку и убежала. Эльза задыхалась от слёз и за деревней уже не смогла бежать. Она могла только быстро шагать. Прочь! Скорее прочь! Она не будет жить во лжи и со лживыми людьми! Она уйдет и найдет себе новый дом! Там, где люди не будут лгать! Сердце у нее болело, но совсем немного, гораздо меньше, чем до встречи в лесу. Эльза была даже немного довольна — она боялась, что ей будет гораздо хуже вот так, впервые уйти — совсем уйти! — из дома. И бросить маму.

В городе Эльза быстро нашла работу кружевницы в мастерских на улице ткачей.

— Где ты училась? — спросила хозяйка мастерской госпожа Кирхе.

— Я дочь кружевницы Марты из деревни Пяти Псов, — ответила Эльза.

— Хорошо, я возьму тебя, но не рассчитывай, что я буду платить тебе, как твоей матери! И к тому же ее кружева уже не так хороши, как бывали!

"Как раз у меня есть одно свободное место,



Клара вышла замуж и уехала. И раньше Марта плела изумительные кружева, теперь-то они никуда не годятся! Но, может, дочь унаследовала умение матери?" — увидела Эльза и согласилась на невысокую оплату.

На чердаке мастерской госпожа Кирхе сдавала дешевые комнаты для одиноких работниц. Эльза поселилась в общей спальне с двумя мастерицами — Катрин и Бетти. Но Эльза не прожила там долго.

Эльза очень старалась и все свободное время, когда ее соседки гуляли по набережной или бежали на свидания, Эльза учила новые, все более сложные узоры. Не прошло и года, как её кружева стали гордостью мастерской госпожи Кирхе. И совсем вскоре Эльза уже могла переселиться в собственную квартирку. К тому же она рассорилась с обеими девушками.

Квартирка была небольшой, но зато там не было завистливых сожительниц, а Эльза уже не была вынуждена видеть чужую ложь, когда она хочет и не хочет. Лжи ей хватало на работе.

Однажды Бетти начала просить госпожу Кирхе:

— Госпожа Кирхе, разрешите мне уйти с работы! Я пойду к аптекарю — у меня невозможно сильно болит голова и так ломит спину, что я не могу сидеть!

Эльза посмотрела на Бетти — та прямо чуть не плакала! Хотя на самом деле у Бетти ничего не болело. Но сидеть она и правда не могла — она торопилась к своему ухажеру Оливеру, но не в аптеку, а в порт! Оливер был матросом на корабле и сейчас уходил надолго в море... Но зачем лгать? И Эльза прямо сказала, что на самом деле Бетти не собирается идти к аптекарю, а хочет идти совсем в другую сторону — на пристань к своему ухажёру! И если бы это было только однажды! Но люди слишком любят лгать! Ложь была везде и кругом!

А потом этот Хайнрих, с которым встречалась Катрин! Она видела его! Однажды Катрин позвала ее с собой на прогулку, а Хайнрих так и норовил запустить руки Катрин под юбку, когда они кормили уток на набережной! Смотри, вон плывет лебедь! А сам раз — и хватает Катрин за бедро и только и думает, как незаметно задрать ей юбки! Эльза, конечно, сразу же сказала подруге, о чем думает Хайнрих, но вместо благодарности эта доверчивая дура насмерть разругалась с Эльзой!

Эльза не замечала, как с каждым днем все более легким становилось ее сердце. Она не замечала, что с каждым разоблачающим словом у нее отрывается и умирает маленький кусочек её живого сердца. Что с каждым жестоким словом она отравляет чужие сердца, запуская туда невидимые, но ядовитые семена зла. Она все чаще и более охотно общалась с холодными и равнодушными людьми, уж они-то никогда не обманывали её. По ее мнению, только они всегда говорили правду. Да, правда не всегда приятна, и это же не она придумала, что правда может быть и жестока! Ее подруга Ильке была также суха и противна и не скрывала своего отвращения к людям. Эльза и Ильке по пятницам встречались за угловым столиком кафе и жаловались друг другу на окружающих и таких испорченных жителей городка. И с каждым правдивым словом их сердца становились все легче и легче.

— Ты посмотри, вон идет Ганс со своей женой, а помнишь, он ухаживал за тобой!

— А, этот Ганс! — отвечала Эльза. — Он принес мне конфеты к чаю, но на уме был совсем не чай! Я прогнала его! А помнишь Юргена? Ты представляешь, я с ним встречалась всего неделю, а он думал только о моей заднице!

Когда умерла ее мать, она не поехала на похороны. Зачем? Человек уже мертв, а видеть всех этих бывших знакомых, соседей и тетку Риту совсем не хотелось.

Эльза так и не вышла замуж. Как можно с кем-то жить, когда вроде бы приятные люди почти сразу начинают лгать, а правдивые так грубы и холодны?

Однажды, заметив, что нарядное платье Ильке совершенно не подходит к ее сморщенному лицу, Эльза вместе с этими словами незаметно выплюнула последний крошечный, но живой кусочек сердца, что ещё бился у неё в груди. И умерла. Ведь без сердца жить совершенно невозможно...



Зауэр Ирина

О романах и принцессах

Придумывать мир — это просто. Листок, карандаш...
Леса нарисуешь и гор неприступных отроги.
Всему, что ты создал, названья немедленно дашь,
И повесть напишешь, где будут герои и боги...

И вложишь, конечно, хотя бы немного души,
Хоть это опасно — делиться с другими душою:
Твои персонажи, обретшие право на жизнь,
Получат и выбор и смогут поспорить с тобою.

Сегодня с утра со скандалом Принцесса моя,
(роман про нее еще пишется, долго и трудно):
— Ну сколько же можно? Ты ищешь свой «смысл бытия»
В лесах и болотах... Но нет там его, абсолютно!

Зачем ты гоняешь меня по подобным местам,
Где вороны с лешими вечно дают мне заданья?
Уж если так надо — броди по развалинам сам!
И дай отдохнуть мне, хоть раз прояви состраданье!

Мне даже и стыдно. Права же, и что тут сказать?
Когда-то богаты казались сюжет и идея.
Сейчас же... Ну просто хочу я роман дописать,
И замуж Принцессу за Принца отдать поскорее.

Но лишь заикнулся об этом, себе на беду,
Она посмотрела, как будто я глупый мальчишка:
— Его не люблю и за Принца вовек не пойду!
Води по болотам, но замуж вот так — это слишком!»

И это не первый и вряд ли последний наш спор,
Друг друга понять не помогут болотные квесты.
— Чего же ты хочешь? — я кончить решил разговор
И так написать, чтоб возник интерес у «невесты».

Пусть все не по-моему, лишь бы, роман не губя,
Сюжетную линию вывести к радостной ноте.

Принцесса сказала:

— Я встретить хочу там тебя,
Неважно, когда или как, пусть бы даже в болоте.

Ты главное — встретиться, бродягой приди к огоньку,
Мальчишкой бездомным, чудовищем или злодеем.
Как только узнаю — то замуж сама побегу,
С любимым, единственным, милым венчаться скорее.

— Ты любишь меня?

Отвечает лишь взглядом на взгляд,
И кроткой улыбкой, какой не видал я доньне.
Чудесная девочка, как же терпела ты ад
Любви безответной, что хуже болот и пустыни?

И к черту все планы. Я автор, иначе решу,
Исправлю сюжет, ради цели простой и чудесной.
На чистом листе я историю так запишу:
«Ее он окликнул, и голос был тих и надтреснут:

— Пожалуйста, дай мне напиток, я слаб и устал,
Три тысячи миль прошагал, ночевал у обочин...
Тебе подарю я... — ромашку он тут же сорвал, —
Вот этот цветок, или просто возьми, если хочешь».

Я сам бы так сделал... Но в мире реальном моем
Законы другие, принцессам ромашек не надо.
Но будет иначе в романе — и счастье вдвоем,
И сладость прохладной воды — им обоим награда.

У автора тоже свои есть святые права:
Любить всех героев, отчаянно и без ответа.
И все же любовь — это больше чем просто слова,
И все наши правды не стоят единственной, этой.

Зауэр Ирина
writercenter.ru/profile/Lita/whois/



Businka MR

Спичка

Спичка, зажатая в пальцах, танцует вертляво.
Верит бедняга, что пламенем синим любима.
Скучная жизнь и вдруг — вспышка! Да здравствует слава!
Яркая суть под завесой вонючего дыма.

«Что значит всё? Присмотритесь, я медленно тлею.
Теплится робко надежда остаться вам нужной.
Может, я стану волшебной и вызову фею
Или согрею ладони в свирепую стужу...»

Если со мной говорить, то я стану подругой,
Если в кармане носить, то вернётся удача.
Выбросить в форточку? Можно, но это же грубо...
Есть у вас сердце? Достаточно горько я плачу?»

«Тлеет она, — прошипел ей плевок, подлетая, —
Явно желает пожарным прибавить работы.
Эта сгоревшая щепка к тому же кривая,
Мнит из себя, как назло, нереальное что-то...»

Верь

В момент, когда реальность на куски
Рассыпалась и превратилась в пепел,
Держись, не отпускай моей руки.
Ты не один. Я здесь и верю слепо

В единство душ, любовь и доброту,
В молитвы, проступившие сквозь слёзы.
Кошмарный сон — агония в бреду...
Рассвет... И в вену — новой боли доза...

Иди на свет. Я знаю, там тепло,
там нет беды, там май цветёт, как прежде.
Пусть то, что в сердце скорбью проросло,
Растает в светлом облаке надежды.

Согреются ладони и глаза,
Увидят небо чистым и огромным.
Пусть побелеет жизни полоса,
И счастье вновь найдёт дорогу к дому.

Ты только верь, ты только очень верь,
Каким бы не казался мир наш страшным.
Так нужно быть нам сильными теперь...
Услышь меня, прошу...
Мне это важно...

Грань

Судьба меняет чёт на нечет,
Провозглашая: «Время лечит!»
Под ноги падает, звеня,
Любви залог — разменный грошик.
Не на удачу жребий брошен,
Шагов фатальность — западня.
В порыве праведного гнева
Не различаешь цвета неба.
Но, презентуя шанс прозреть,
Сжимает сиротливость ночи
Твой мир до клетки одиночной.
Терзает душу грусти плеть.
Под утро от бессилья гадко.
Свечой сгореть бы, без остатка,
Очиститься святым огнём.
И возродиться, словно Феникс,
Иным. А после на коленях
Рыдать, вина себя во всём.
«Прости!»
Молотит пульс под двести.
«Люблю! Хочу с тобою вместе...»
Мороз по коже.
Тишина...
Прощальный крик пронизан болью:
«Мой Бог!
Я ей не нужен больше!»
В ответ лишь эхо:
«Не нужна...»



Точка опоры

Хорунжий Сергей

Вовка был занят важным делом...

В маминой комнате, у большого зеркала, он корчил рожи.

Обычно сюда его особо не тянуло.

Чего тут интересного?

Большая кровать, здоровенный шифоньер, трюмо, два пуфика и... всё! Ни тебе компьютеров, ни игрушек, в общем, ничего, на что стоило тратить время.

Правда, была пара таинственных мест...

Одна из дверок шкафа и выдвижной ящик прикроватной тумбы почему-то не открывались.

Вовка, конечно же, сомневался, что там могли храниться несметные пиратские сокровища или какие-нибудь инопланетные артефакты, НО... чего ж они тогда заперты, а?

Мысль про космический тайник закралась ему в голову совсем недавно.

Они с папой ходили в кино, смотрели «Звёздные войны», и Вовке после этого как-то само собой подумалось, что в доме у них все-пременно должны быть какие-нибудь внеземные штучки.

А почему бы и нет?



Bankoboev.R



Он стал внимательно приглядываться к родителям.

Может батянька — это опальный Дарт Вейдер, а мама... — хорошо замаскированная принцесса Лея! Вот было бы здорово!

Фильмы и мультики на космические темы теперь просматривались ежедневно и не по одному разу.

И всюду Вовке грезилась инопланетные монстры или их следы...

Живущий в аквариуме профессор Бурль или Буль, который был гостем не то у Алисы Селзнёвой — «Гости из будущего», не то у Нии из фильма «Через тернии к звёздам», мерещился ему даже в унитазе, и Вовка в последние дни писал туда с большой опаской. А вдруг осьминожье щупальце выметнется из воды и ухватит его, чтобы утащить за собой. Ладно, если зацепит за руку там или за шею, а если за писюн? Дед его, конечно, успокоил по этому поводу, дескать, другой отрастёт, как у ящерицы, но Вовка-то знал, что к этим юрким длиннохвостым созданиям он точно не имеет никакого отношения. Приглядывался, ища сходство. Примерялся. А ничего и в помине такого не было: ни жёлтого пуза, ни чешуи.

Да и дед, похоже, смеялся над ним, хоть и говорил вроде серьёзно.

Потому Вовка и мучился все последние дни...

Вскрыть ящик и дверцу смелости не хватало. Папа его как-то предупредил, чтоб он даже не думал совать туда свой нос, и посмотрел так, что у пацанёнка сразу попа зачесалась. Вот и приходилось до всего доходить своим умом и готовиться... к встрече с братьями по разуму.

А как тут подготовишься?

У кого ни спрашивал, все на него смотрели, как на малахольного: родители хмыкали и отмахивались, дед — отшучивался, дружки же... разве им такую тайну можно доверить?

Да ни в жисть!

А вдруг его отец и впрямь Тёмный Властелин, а он — его сын, которых послали на Землю с тайной миссией. Вот выдаст он друзьям страшный секретный секрет, а они его р-раз — и предадут, вызовут сурового участкового дядю Митю и он... их заругает, как бабку Нюру за козу, которая слопала всю зелень на соседском огороде.

Вот делов то было-о!

Вовка тогда, сидя с дружками за забором в высокой траве, вообще думал, что строгий лейтенант за такую провинность застрелит вредную старушечку из пистолета или чего хуже... заберёт с собой и посадит в «обезьянник».

Кстати, у них потом целый день голова пухла, зачем в полиции клетки для мартышек?

А спросить ни у кого не решились. Додумались только, что раз построили, значит — надо!

Так вот, Орешкин-младший туда точно не хотел.

Потому и приходилось тренироваться... перед маминим трюмо.

Во-первых, здесь места было побольше, а во-вторых, само зеркало было таких размеров, что в него помещалась не только мальчишечья голова, но и всё его худосочное тело: в майке на лямках и в трусах, которые он натянул по обыкновению до самого подбородка, чтоб взбодрить себя для пущей важности.

Впрочем, сконцентрироваться и принять суровую воинственную позу у него никак не выходило. Мешали все эти мысли в голове: про инопланетян, папу — Дарта Вейдера, бабку Нюру с её козой — будь она неладна! А ещё не давали сосредоточиться спрятанные в ящиках сокровища и обезьяны, которые в них же и сидели.

В общем, как он ни пытался — ничего не получалось!

По крайней мере, на полу.

На глаза попался мамин пуфик: на нём он тоже смотрелся совсем не страшно. В дело пошла одна из тумбочек, на которую мальчишка взгромоздил хоть и небольшую, но весьма увесистую мягонькую табуреточку. Кое-как, кряхтя и потев со страху, Вовка взобрался на эту хлипкую пирамиду, напыжился, принимая позу «космического лорда» и... наверхнулся вниз.

Николай Васильич, Вовкин дед, как раз открывал входную дверь, вернувшись из магазина, когда услышал грохот на втором этаже, и, как был — в сандалиях и с сумками, набитыми едой, ринулся наверх, спасать внука.

То, что виновником подозрительных звуков был малолетний непоседа, он даже не сомневался: заглянул сначала в Вовкину комнату, потом в кладовку и уже в последнюю очередь — в спальню родителей.

Пацанёнок лежал вверх ногами, придавленный пуфиком, и не шевелился...

Дед с перепугу отбросил съестное, не обращая внимания на колбасу и конфеты, которые покатились в разные стороны, и кинулся спасать от прыска.

— Вовка, туды твою в качель, ты живой? — при этом дрожащие руки лихорадочно ощупывали

Проза. Реализм

внука. Тот же, приоткрыв один глаз и сообразив, что колошматить его пока не собираются, всё-таки изобразил страдание на лице и даже попытался зареветь. Правда, деда Орешкина трудно было провести, и он сразу же пресёк маленькую «военную хитрость».

— Слышь, Гагарин, руки-ноги целы, всё в порядке, так что ты давай, прекращай сырость разводить и скажи лучше, чего тут произошло?

Вовка, поняв, что разжалобить деда не удастся — это не мама, решил выложить всё начистоту, в том числе и про инопланетян.

Дед, сидя на полу, слушал и не перебивал, только уточнял детали...

Про Дарта Вейдера — кто это такой? Про дядю Митю и его обезьян, которых тот выращивал у себя в участке. Про бабушку Нюру, козу, профессора Бурля или как там его, Алису, Нию... В конце же глубокомысленно изрёк:

— Ну и каша у тебя в голове, мил человек! — и раздумчиво так подытожил: — Надо чё-то с этим делать.

— Ч-чего? — опасливо отодвинулся от старшего Орешкина внук.

— Ч-чего-ч-чего, — передразнил Вовку Васильич. — Растолковать тебе, садовой голове, что и как! А то ведь так недалеко и до настоящей беды. Кто его знает, куда тебя в следующий раз нелёгкая вознесёт.

Мама, придя с работы, так их и застала в своей комнате ползающими на четвереньках...

И очень удивилась происходящему.

Никто и не собирался прибирать устроенный погром: перевёрнутая тумбочка, пуфик, лежащий на боку, конфеты, разложенные в виде каких-то странных фигур, пакеты с молоком и сметаной, выстроенные в пирамидки, обсуждались на очень повышенных тонах. При этом слова, которыми оперировали мужчины, были из категории «высших материй», а на возмущённый вопрос «Что тут происходит?» разгорячённые переговорщики отмахнулись и попросили не мешать.

Она пожала плечами и молча пошла готовить ужин.

Фото Жданович Елена



Через полчаса дед и внук, ещё не остывшие от недавнего разговора, прискакали на кухню, дожёвывая колбасу, не дотянувшую до холодильника, и попросили чайку, дескать, всухомятку не пролазит. Но натолкнулись на суровый мамин взгляд, требующий немедленного разъяснения ситуации.

За дело взялось, конечно же, более умудрённое в таких делах старшее поколение.

Василич начал издали...

Зачем-то приплёл к делу Макаренко с Ушинским, полез в «воспитательные дебри» — запутался, раскраснелся... а потом, видать, решил не умничать и уже без всякого перехода «врезал» по астрономии, законам физики, в частности по тому разделу, который отвечает за притяжение Земли и то, как оно влияет на подрастающий, ещё не окрепший молодой организм.

— Па-ап, — терпеливо выслушав весь этот бред, с подозрением обратилась к нему дочка, — раз вы науку штурмовали заодно с педагогикой, почему тогда Вовка окривел на один глаз? Это что — какой-то новый метод быстрого усвоения материала?

— Ну, так про то и разговор вели... — снова зарделся от неловкости старший Орешкин. — Про точку опоры — туды её в качель! И что от этого бывает, когда её теряешь не только в голове, а и в реальной жизни...

— Во-овк, — не дослушав объяснение отца, нахмурила брови мама, — а ты чего молчишь?

— А я чего? — зашмыгал носом мальчишка, пытаясь спрятать за своего защитника ту половинку лица, которая уже прилично опухла, обещая на следующий день расцвести фиолетово-багровыми тонами. — Я ничего! Дедуня правду говорит. А потом, понимаешь, мам, когда смотришь на этого профессора Бурля и сравниваешь его шупальца с папиными руками, прям в голове не укладывается — и как такое могло в мозг всплыть! Ведь Дарт, ну то есть Тёмный Властелин — это жить не поправдышнему...

Похоже было, что Вовкины слова ещё больше запутали дело, и Василич решил снова вмешаться:

— Мань, да не переживай ты — всё нормально! Мальчишки — они ж такие фантазёры, что ты, не знаешь, что ли?

— Ой, пап, да в том-то и дело, что знаю. Емуть всего ничего лет, а вы про какую-то физику с астрономией уже завелись...

— Ма-а! — возмущённо высунулся вперёд Вовка. — Ну ты даёшь! Что я, маленький, что ли? Деда мне всё популярно объяснил на фюзическом языке, конфетках и молоке, чего может произойти, если потерять... пресс... прус... — мальчишка наморщил лоб, а потом обрадовался вспомненному, — ...пространственный ориентир, вот!

— Ну-у, вы даёте-е-е...

— А чего-о! — захорохорился Вовка, почувствовав, что «грозовые тучи» окончательно прошли стороной. — Мы с дЕдой ещё и не такое разузнаем, скажи жить...

— Скажу-скажу, — вмешался в разговор, подопевший к ужину папа. — Вовка, откуда бланш?

— С дедом физику учили, — сразу попыталась смягчить ситуацию мама.

— Ну и как? — заинтересовался отец. — Вы учили?

— Да кто ж её за один-то день осилит, — снова шмыгнул носом Вовка и на всякий пожарный задвинулся подальше за деда, поплёскивая оттуда подбитым глазом.

— Вовка-а-а! — испуганно протянула мама.

— Да ладно вам, молодёжь! — напомнил о себе Васильич. — Себя забыли?

— Па-а-ап...

— А чего пап? — утвердительно моргнул старший Орешкин. — Пока Вовка со мной, можете быть спокойны — мы с ним все науки выучим. Скажи, внук?

— Ага! — радостно подтвердил кривой улыбкой дедовы слова пацанёнок.

— Ой, мамочки, — обречённо прижав руки к груди, осела на табуретку мама.

— А чего ты, любимая, волнуешься? — встал на «мужскую сторону» папа. — Парень ведь у нас растёт — понимать надо! А мы ребята все такие... естествоиспытатели, — и, неожиданно подмигнув сыну, закончил: — Пока на своей шкуре не попробуем, что и как, — никому не верим!



Новая Зеландия

Разов Олег

Я сижу уже восемь лет и, кажется, не будет этому никакого конца. Сажу на одном месте не двигаясь, как истукан с острова Пасхи. Время придавило меня, ссутулило мои плечи, согнуло мою шею. Усадило на низенькую табуреточку в стеклянной колбе песчаных часов и принялось сыпать сверху песком секунд, дней, месяцев. Я сижу неподвижно — по грудь засыпанный песком времени — а сверху, падая мне прямо на темя, всё течёт и течёт по крупицам отведённый мне срок. И даже когда время песчаных часов завалит меня с головой, когда мне станет трудно дышать под его толщей — даже тогда назначенный мне срок не истечёт, а будет всё сыпать и сыпать, аккуратно разравнивая над моей неподвижной стриженной фигуркой зыбкие тонны песчаного кварца. И тогда я стану совсем как древний потерянный город, увидеть и пройти по которому можно, только затеяв длительные археологические раскопки.

Я и чувствую себя древним. Городом. Который никто никогда не раскопает. Сажу неподвижно, смотрю в зелёную, облезлую стену — а вижу его красивые мощёные улочки, допотопные дома, каменные площади и повозки, их наполняющие... А ещё базарников, погонщиков, зазывал, мельников, медоваров, ткачей, корчмарей, сапожников, пекарей... Нет в моём городе только нищих. И солдат тоже нет. Не от кого им охранять...

Я люблю свой придуманный город. И знаю точно — в определенные моменты он становится материален. Вокруг меня ничего нет — лишь зелёные голые стены и мёртвая тишина. Зато внутри кипит жизнь, бьют фонтаны, звучат песни, и маленькие людишки, принадлежащие мне целиком без остатка, со всем своим скарбом, домишками, жёнами и детишками, спасают меня от пустоты и бездействия. Мой внутренний мир, мой каменный

город внутри меня не даёт утонуть, поддерживает, как последняя соломинка, держит меня на плаву. А больше мне не за что зацепиться, больше у меня ничего нет. И, наверное, уже никогда не будет.

Конечно, я не всегда сидел таким истуканом и смотрел в зелёную стену. Поначалу я сохранял жизненную инерцию, пытался что-то делать. Я пёк хлеб, строгал доски, клеил бумажные пакеты, сбивал тарные ящики из дощечек... Сейчас я сижу. Я очень устал. Я не хочу больше ничего делать. Пропасть лежит между мною, сколачивающим ящики, и мной, сидящим неподвижно напротив зелёной стены. Пропасть настолько глубокая, что можно прыгнуть в неё и лететь вечно, так и не достигнув дна.

Я помню самое начало, как я медленно выходил из забытья, придавленный случившимся, как бетонной плитой — так что ни вздохнуть, ни пошевелиться. А чужая, прерванная мной жизнь, схватила крепкой пятернёй моё сердце и не давала очнуться. Как в дурмане я отвечал на какие-то вопросы, подписывал бесчисленные бумаги, а старенькая мама, одураченная адвокатами, твердила на свиданиях, что всё будет хорошо. Она продала телевизор и ещё одолжила у соседей, а я даже не мог собраться с мыслями, чтобы запретить ей делать это. Потому что я тоже хотел верить, что всё будет хорошо.

Как странно вспоминать сейчас об этих жалких надеждах. Какого чуда я ждал? Прощения? Признания меня невиновным? "Собирайся, Серега. Высокий суд во всем разобрался — это был несчастный случай. Иди домой, честно трудись, воспитывай детей и оплакивай покойника, каким бы дрянным человеком он не был при жизни...". Смешно. В такое чудо не верят даже самые отпетые романтики, хотя бы вскользь столкнувшиеся с





Художник Ульяна Колесова



Проза. Реализм

реалиями судебной практики. А я верил, потому что, видит Бог, я никого не хотел убивать. И кстати, если Бог все видел, почему же он допустил такой исход? Почему не вмешался своей Божественной волей в судьбу детей своих, одному сохранив жизнь, а другому свободу? Или раб Божий на то и не достоин Божьего участия, потому что — раб?.. Не знаю... Да и ладно. Бог с ним, с Богом, разговор сейчас не о нем. Разговор обо мне.

А я к тому времени ослеп — ничего не видел, был оглушен, разбит и разобран. И очнулся я много позже, спустя длительное время. А где-то позади — в тумане — остались нечеткие скудные воспоминания, в которых женщина-судья монотонно, как газету, долго и непонятно читает приговор. Воспоминания о белом мамином лице, порывы хватающем ртом воздух, и единственная мысль, что жена так и не пришла. Не пришла.

Да, очнулся я гораздо позже. Сознание понемногу свыкло с предстоящим мне будущим. Я выглянул из-под глыбы приговора и увидел, что вокруг меня обыкновенные люди. Такие же, как я. Воры, убийцы, мошенники, грабители. Что они разговаривают, смеются, едят — и даже толстеют. Что они живут. И я тоже начал жить — опять начал жить, медленно привыкая ко всему.

Как можно привыкнуть к тому, что ты убийца? Очень просто. Я посмотрелся за эти годы на убийц всех видов и мастей, и ни у одного из них не заметил я на лице печати содеянного, налета скорби, раскаяния, сожаления. В чужую душу не залезешь, и что снится им короткими тюремными ночами — я не знаю. Может, кто-то и видит ночные кошмары, лики убиенных, окровавленные орудия преступлений и прочие детали содеянного... Не знаю. Мне не снится ничего. Ни свои, ни чужие покойники меня не беспокоят. Если толковать сновидения уголовным кодексом, то, может, так и должно быть: совершил умышленное преступление — получай кошмары по ночам, неумышленное — спи спокойно, набирайся сил, обдумывай будущее. Ведь будущее, как бы ни был строг приговор, — впереди. Нужно только до него дожить. А покойники — они в прошлом. Покойников больше нет.

Или есть? В светлой памяти близких, в разных там старинных семейных альбомах, на овальных фотографиях могильных ухоженных плит... Черт его знает. Или Бог его знает — как кому ближе, у всех по-разному. Хотя, наверное, именно эта разница влияет на спокойный сон по ночам. Да и ночи-то все короткие, мгновенные какие-то. Закрыл

глаза, открыл — и уже другой день. И дней этих много, и все они серые, одинаковые, длиннющие, как погребальные песни. И сколько книжек ни прочти, сколько ящиков ни сколоти, сколько чаю ни выпей, — ничего не поможет подтолкнуть, убыстрить ход времени. На воле, помню, вот только-только председатель про посевную вводную давал — а уже поземка по двору стелет. Вот только-только после зимы все пораскисало, а уже смотри ты — желтым-желто вокруг, и жена грибы с картошечкой на кухне жарит.

И с дочкой та же история. Вот ведь на колечках по коврику ползала, мамку кушала да пустышку сосала, а потом — хлоп! — и школьница уже. Голову опустил, под комбайн залез — зима прошла. Голову поднял, в комбайн забрался — лето пролетело. Стаканчик пропустил, картошечку с грибами скушал, вот на секундочку остановился — а дочь уже губы помадой красит. И грустно было немного, потому что знал — вот так и жизнь пройдет. А оказалось вон что... Не так пройдет жизнь-то. Не так. Радоваться надо было, а видишь, грустил за жизнь свою. Дурень. Думал, улетает она. Точнее — пролетает. А она просто была, жизнь-то. А здесь что? Здесь разве жизнь есть? А вот и есть, как выясняется. Везде жизнь есть, даже, говорят, на Марсе. Значит, и здесь жить можно. Везде люди живут. Просто она тут не такая — другая, медленная, как зима, резиновая, как статья за убийство. От шести до бесконечности. Как решат. С какой ноги судья встанет, как следак подсуетится, как звезды укажут, как карта ляжет. Жизнь тут тянется — не перетянешь... Можно только втянуться, учиться не думать ни о чем и ждать писем.

Ко мне письма не приходят.

Мама писала первые годы — кто еще напишет, как не мама. Из ее писем я узнал, что жена с дочкой уехали из совхоза, что дочка совсем выросла, но давно уже не виделись. Жена дочку к ней не пускает, а самой съездить повидаться уже сил нету.

Я просил не о письмах, передатках или посылках. Я просил только об одном: мне нужна была только дочкина фотокарточка. Господи! Маленький прямоугольник плотной глянцевой бумаги, который не стоит почти ничего: ни по деньгам, ни по времени. Я верил, что могу рассчитывать на такую малость. Просто обыкновенная фотокарточка моей дочки. Я почти год ждал ее. Я все продумал: если карточка будет маленькая — сделаю медальон и буду носить на шее, если большая — повешу в уголок, как иконку. Буду смотреть на



нее, засыпая, и видеть ее, проснувшись. Почти год... Целый год. И полтора. И два, и дальше по счету. Она сказала маме: "хорошо, я все ему вышлю, только больше нам не звоните...". И ничего не выслала. И три года прошло... И четыре... Я понимаю жену, но не могу ей простить. Я не понимаю жену, но все ей прощаю. Я умер для нее вместе с моим покойником, так она сказала на единственной нашей свиданке. А если я умер — кто ж мне будет посылать фотографии?! Мы ведь уже выяснили: покойников нет, они в прошлом. А в прошлое никто не шлет писем и телеграмм. С тех пор я надеюсь и думаю только об одном: что, умерев для жены, я не умер для дочери. Ведь я точно знаю: она запомнила меня веселым, улыбающимся, несущим ее на плечах.

— Какие наши правила, дочура?

— За волосы не делгать!

— Так, а еще?

— На сею не давить! За усы не хватать! — и тут же ухватывалась за уши и волосы своими маленькими ладошками...

Она уже большая сейчас, выросла, превратилась в девушку. Я силюсь представить ее лицо, каким оно стало, но не могу вспомнить даже лицо той маленькой девочки, какой я ее видел и знал. Какой я носил ее на плечах... А потом она начала красить губы помадой и потихоньку удаляться от меня. Стеснялась моих промасленных рук, уворачивалась от моих поцелуев. А потом меня не стало.

Я долго думал о странностях жизни, извивах судьбы, благо, для этого занятия здесь созданы все условия. Сначала, конечно, я был убежден в великой несправедливости. Со временем засомневался — а сейчас почти уверен, что все так и должно быть. Но не было дня, когда бы я не думал о том, как моя участь повлияла на дочкину жизнь. Что бы поменялось в ее судьбе, будь я рядом? Или судьба — на то и судьба, что никак и ничем ее не изменишь?..

Три года назад от мамы было последнее письмо. Сетовала на здоровье и одинокую жизнь, а в самом конце — как что-то совсем малозначительное — дописала несколько строк: "Внучка выходит замуж. Муж из Новой Зеландии, по объявлению. Уезжают через месяц." Этой короткой припиской, даже не назвав дочку по имени, мама сполна передала все свои разочарования, обиду и боль. Но меня эти строчки в конце письма не разочаровали и не обидели. Они сожгли меня целиком, словно напалмом. Все мои мысли о судьбах и взаимосвязях были скомканы, как бумажные листоч-

ки, и превратились в пепел. Все мои желания, надежды, путеводные звезды скрылись в далеких далах навсегда. И даже мой воображаемый город закрыл до единой все ставни и замер, как в трауре. Что-то надломилось во мне. Какая-то нить порвалась, и связать ее уже никогда не получится. Слабая надежда на то, что моя дочь повзрослеет, во всем разберется и захочет увидеть меня. Слабая надежда, что она поговорит со мной и простит.

Слабая надежда, она все равно — надежда. Она укрепляет и вытягивает, но даже если ты перестал барахтаться — все равно она держит тебя за шиворот, не дает утонуть. Там, где я нахожусь — без надежды никак нельзя. Да только время показывает, что и без надежды — можно. Время показывает, что человек — бездонная емкость, в которой для всего найдется место. И если будет холодно — человек привыкнет к холоду, а если жарко — к жаре. А если человека бить постоянно — то он привыкнет и к боли. Я это знаю точно, все испытано на себе. И без надежды дыхание не прекращается, и сердце бьется по-прежнему. Так что же горевать о ней — о надежде — наличие или отсутствие которой ничего не меняет? Где я и где эта Новая Зеландия? На разных полюсах. На максимально возможном друг от друга расстоянии. Что я знаю о Новой Зеландии? Почти ничего. Я знаю только, что это несколько островов в океане, где-то на краю света... Что еще? Пожалуй, это все. Остальное я могу только представить или придумать.

Когда я работал в совхозе — крутил гайки в двух "убитых" комбайнах — мне выдалась случайная командировка, странным образом связанная с Новой Зеландией. Дело было зимой, все повально болели: кто гриппом, кто простой деревенской болезнью. И я оказался единственным, кто был в состоянии свозить бухгалтершу в город. Аж в самую столицу! Да к такому начальству за такими документами, что обязательно нужно было ехать на председателевой "Ниве". А мы что? Наше дело маленькое: сказали копать — копаем, сказали везти — везем.

Бухгалтерша — женщина крупная, с высокой прической на голове — всю дорогу грузила своим образованием, пыталась, читаю ли я книжки. А кончилось все равно тем, что набрала в магазине две сумки колбасы! Образованная женщина, институт народного хозяйства...

Но Бог с ней — с этой колбасолюбивой бухгалтершей! Ведь мы подошли вплотную к Новой Зеландии! Вот она, здесь! Здесь было наше первое свидание: в этом огромном магазине, в котором

Проза. Реализм

все ходили с тележками на маленьких колесиках. Бухгалтерша тоже схватила тележку, включила кнопку на пузе и улетела в неизвестном направлении, крикнув напоследок, что встречаемся через час у входа. Удивительно, но с ее уходом, а точнее, побегом, мне стало почему-то неуютно и одиноко. Вокруг было полно людей, все были такие красивые, столичные, уверенные в себе, с тележками, полными разноцветных товаров. Я захотел уйти в свою "Ниву", но вдруг потянулся за маленькой корзинкой, схватил ее крепко за пластмассовые ручки и ступил в яркое пространство, где, казалось, были выставлены на продажу все вещи мира. Я сейчас думаю: что заставило меня, желающего спрятаться в машине, все-таки зайти в этот огромный зал гипермаркета, в котором я был чужим и попросту неплатежеспособным? Может, это Новая Зеландия меня поманила тогда?

Я медленно шел меж нескончаемых рядов и корил себя за то, что не взял деньги. Но я же не знал, что окажусь посреди такого Клондайка! Я думал, поглазею еще чуть-чуть и пойду в машину — как вдруг увидел на одном из ценников интересную вещь. Сейчас не помню точных цифр, помню только название: "Анкор". Речь идет о простом сливочном масле. Масло под названием "Анкор" стоило почему-то ровно в пять раз дороже, чем наше, отечественное. Я приблизился к ярко освещенной витрине холодильника и взял блестящую пачку в руки. Фольга была непростая, как бы рифленая, а на ней на всю ширину был нарисован луг и корова. Корова была такая красивая, что я даже загляделся. И окрас у нее был какой-то необычный — я бы сказал, веселый. И морда наглая и счастливая в своей наглости и осознании собственной красоты. У нас в совхозе таких коров не было. Я покрутил пачку в руках, всюду было написано "Анкор" и "Сделано в Новой Зеландии". Я стоял в своем бушлатике, заляпанных грязным снегом и солью ботинках, крутил в руках пачку диковинного масла и думал, что в Новой Зеландии сейчас тепло и красиво, и коровы там красивые, и масло вкусное, раз стоит так дорого... А потом очнулся — и мне показалось, что окружающие смотрят на меня. Все смотрят на меня: кто снисходительно, кто насмешливо. Мне казалось, все понимают, что это масло слишком не по карману для меня: дорого и недоступно, как сама Новая Зеландия. Тогда я отвернулся ото всех, нашарил в кармане деньги, пересчитал — и с облегчением понял, что на "Новую Зеландию" хватает. Я повернулся ко всем лицом, небрежно

бросил искристую пачку себе в корзину и, больше не обращая внимания на переполненные стеллажи — будто уже взял, то что искал — напрямик пошел к кассам.

В машине я достал масло из фирменного гипермаркетского пакетика и долго смотрел на самодовольную новозеландскую корову, пока масло не согрелось в моих руках. Оно было упругим под фольгой и мягким в тех местах, куда я надавливал подушечками пальцев. Я глядел в заиндевевшее окно и думал, что Новая Зеландия — это теплое, беззаботное место. Желанное — почти рай. Мои ассоциации были просты, как я сам: "Новая" — это что-то свежее, молодое, "Зеландия" — красивое, зеленое... Бесконечные цветущие луга, вечное лето, никакой снежной каши под ногами. И еще коровы, вальяжно жующие и глядящие куда-то вдаль. А вдали шумит океан. Коровы смотрят на океан и выделяют из себя вкусное, но дорогое масло. А потом совхозный водила на другом краю земли покупает его и сидит обалдевший, словно посетил какой-то увлекательный аттракцион...

На обратном пути бухгалтерша не спрашивала меня про книжки. Из ее сумок, что стояли в багажнике, на весь салон растекся густой запах копченостей, а в такой обстановке вести разговоры о литературе — как-то не очень... Я был совсем молодым тогда, только после армии, но отлично видел, в какой томительный резонанс попали эта копченая колбаса и внутренний мир начитанной бухгалтерши. Сначала она не подавала вида и, должен признаться, сперва действительно даже вкусно было от этого запаха. Но километров через пятьдесят у меня заболела голова, и я стал порыться открыть окошко. Бухгалтерша стоически молчала. Я видел, как ей неловко: хотя — что тут такого? Но нет, было кое-что... По пути в город она была точь-в-точь как та напыщенная новозеландская корова: важная, видевшая океан. А обратно возвращалась обычная наша коровка: некормленная, недоенная, с двумя сумками колбасы. Вот и вся литература!..

Еще километров десять бухгалтерша молчала, а потом вдруг сказала:

— Слушай, не хочешь перекусить?..

Я говорю:

— Колбаской, что-ли?

Мы переглянулись — и рассмеялись. Нормальная тетка оказалась эта бухгалтерша. Свойская. И кстати... Когда меня "закрывали" — она единственная хлопотала вместе с мамой, писала какие-то ходатайства...



Мама в письмах передавала от нее приветы, пожелания, а однажды написала, что бухгалтерша переехала в город. Больше я о ней никогда не слышал, но часто вспоминал нашу зимнюю поездку, огромный магазин, дорогое масло и запах копченой колбасы. Особенно запах... Здесь таких запахов нет.

Исчезла из маминых писем сначала бухгалтерша, потом моя дочь, а потом и вовсе исчезли мамины письма. Значит ли это, что исчезла моя мама? Три года без ее весточек — это много. За такое время некоторые успевают отсидеть и освободиться по сроку. Мне должны были прислать какое-то уведомление, но, видимо, что-то засбоило в государственной машине, и уведомление затерялось или ушло в никуда. Да мне и не нужно никаких уведомлений! Я старый ЗК и многое понимаю в жизни. Время идет, мы не молодеем, а мамы умирают. Вот такой расклад. Тут впору снова вспомнить о надежде, придумать, что мама жива, хворает, писать не может, но жива — жива! И ждет меня, но я не питаю иллюзий. Как сказал один персонаж Стивена Кинга, старый зек с пожизненным сроком: "Надежда — опасная вещь", и я, по прошествии лет, с ним абсолютно согласен. Далекой зимой в председателевой "Ниве", когда дело коснулось литературы, но еще не дошло до масла и колбасы, бухгалтерша сказала мне: "Читайте книжки, Сергей! В них много интересного". То ли от обилия свободного времени, то ли в благодарность за составленные ходатайства, я послушался совета бухгалтерши и много читал в первые годы. Это в книжках зеки роют ходы, обретают свободу и живут потом спокойно на берегу океана. В жизни все совсем по-другому: лишь зеленые облезлые стены, отсутствие писем и роковые ошибки, которые уже не исправить. Как говорят здесь: за косяки нужно отвечать. Но никто не сообщает, сколько могут стоять эти ответы. Мне мои ответы и мои косяки обошлись слишком дорого: гораздо дороже, чем целый контейнер новозеландского масла "Анкор". Хотя не ясно, в каких деньгах и по какому прејскуранту оценить время, улетевшие годы и поломанную жизнь?

Но как все происходит? Как мы попадаем в переплеты? Да очень просто! Доверчивость, нерешительность, вспыльчивость, гордыня, ярость — любая ошибка может подвести нас к самому краешку. А потом ты смотришь снизу — уже спокойный, остывший, но уже ни в чем не уверенный. И жалеешь, что не остановился за пол-шага до края.

Еще под следствием, в СИЗО, когда я написал

"касатку" и надеялся на пересмотр дела, сокамерники ко мне долго приглядывались, изучали, и даже "петух" из-под нижней шконки все время выглядывал, как зверек из своей норы. Про места лишения мы все знаем примерно одинаково: из фильмов, блатных песен и рассказов старого рецидивиста дяди Васи, совхозного забулдыги-сторожа. Но если даже вы не слушаете Радио "Шансон" и никогда не обсуждали с дядей Васей перипетии семи его ходок, даже тогда несложно догадаться, что статья за убийство — авторитетная в зоне статья. Не то, чтобы я гордился составом преступления, но я чувствовал себя выше "бакланов" и воришек, что сидели вместе со мной, и это была первая точка опоры в моей новой жизни. Я старался говорить мало, бросил курить, стал много отжиматься и качать пресс. Поддержание физической формы стало второй точкой опоры для меня. Соканерники ехидничали, когда я отжимался от шконки, но я не обращал на них внимания. В местах лишения нельзя показывать свое раздражение, нужно уметь шутить и отшучиваться, и никогда не показывать своих слабостей и переживаний. Любое чужое слово должно отскакивать от тебя, как болванка от танковой брони, иначе — съедят — и не заметишь.

Время шло, потихоньку я стал в камере "своим". Компания подобралась разномастная: таможенник-коррупционер, менеджер-наркоман, безработный-бандит да я, совхозный комбайнер-убийца. Да, был еще "петух", жил на полу, все время мыл-подметал и молчал. Гораздо позже я с удивлением узнал, что на воле он был компьютерщиком. А сидел он, как и я, за убийство: ударил ножом любовника. Заревновал, значит. Вот какие, оказывается, у пидоров страсти кипят! Драмтеатр. Как там?.. "Театр начинается с вешалки"? А заканчивается поножовщиной, вонючим матрасом под нижней шконкой и званием "осужденный с низким статусом". Это вам не Шекспир.

В остальных соседях ничего театрального не было, а было обыкновенное широкоформатное кино: у одного мелодрама, у другого комедия, у третьего боевик. Таможенник был честный, менеджер — глупый, а Леха-бандит — веселый и наглый. Леха мне сразу понравился беспечностью нрава, нескончаемыми байками, остроумными прибаутками, уверенностью и высокомерием в обращении с тюремными сотрудниками. Он рассказывал про свою жизнь, а я словно читал увлекательный роман, удивляясь богатству событий. Пока я ковырялся в совхозных комбайнах, мой почти ровесник

Проза. Реализм

прожил четыре жизни в промежутках между тремя отсидками и "малолеткой". Ласковые красавицы, верные кореша, далекие города и длинные дороги наполняли Лехину жизнь. Все, чего у меня никогда не было. Дочка и мама — оказалось, только это у меня есть, и я рассказывал в ответ про них. И, кстати, ни мамы, ни дочери у Лехи не было, так что мы были квиты. Тюремная жизнь сближает людей порой самых непохожих и разных. Лехина жизнь отличалась от моей, как отличаются передние и задние колеса трактора "Беларус". Но с Лехой было так легко, будто был он закадычным другом детства, с которым я когда-то выкурил первую сигаретку или получил в драке со старшими пацанами первый синяк. Мы пили крепкий тюремный чаек из одного "кругаля" и делились салом и переживаниями. В какой-то момент мне показалось, что наша встреча не случайна, и Леха должен сыграть в моей судьбе определенную роль. Собственно, так и случилось, а предчувствие ли это было или мистический всплеск предвидения — какая теперь разница? Что об этом рассуждать? Все в жизни взаимосвязанно, а судьба лишь контролирует эти взаимосвязи и предлагает нужные варианты. Меня судьба-злодейка свела с Лехой-бандитом — веселым, нагловатым парнем, который стал моим "семейником". "Семейник" в зоне — помощь и опора, самый близкий человек в новой жизни. Почти год мы прожили бок о бок и делились всем, чем было. Судьба позаботилась, чтобы здесь рядом со мною оказался такой человек. А когда мне принесли постановление, что дело пересмотрено и приговор оставлен без изменений, Леха улыбнулся и сказал:

— Серега, братан, не парься... Зато скоро на этап, а в зоне, по-любому, лучше, места больше и воздух свежий. Не то, что здесь: полчаса в сутки прогулка. Я тебе как раз вот чего скажу! Прикинь, короче, сон в руку, и тебе — прибыль... Серега, братан, я, короче, заснул сегодня — сон увидел. Типа мы с тобой в нарды на интерес шпилим. Я, короче, прикинь, те зарики на продол швырнул — так не перло! Сука, ни одного "куша", ни одного "камня"! Два-один, два-один всю игру! Короче, вломил ты меня на сотку бакинских по ходу...

Тут Леха отвернулся от глазка в двери, снял носок и откуда-то из-под большого пальца, как фокусник, достал маленький свертыш. Снисходительно поглядев на всех, он развернул целлофанчик — и на божий свет, тусклый от единственной лампочки, показалась виртуозно скрученная американская купюра. Леха расправил ее и, как бы

прячась от "продольного", притаившегося за дверью, быстро вложил купюру в мою руку.

Я даже не нашелся сразу, что сказать, так неожиданно все произошло.

— Леха... Ты чего?.. Да не надо! — успел протянуть я, но Леха вытаращил глаза и громко прошипел:

— Спрячь! Бегом! Счас пропасут — всех вы... ут из-за тебя... Серега, братан, не будь мертвым, шевелись! Шевелись!

Я поспешно засунул американскую денежку в носок и подумал, что как-то тяжело стало мне сидеть на своей шконке, как будто гнет тяжелый на плечи положили.

Сверху со своей "пальмы" закричал дядя Вова.

— Повезло тебе, Серега, с семейником... Такие сны по ночам смотрит.

Леха, как тень, скользнул к дяде Вове, лежащему на втором ярусе, и лица их оказались вплотную друг к другу.

— Ты, старый герострат, что такое "повезло" мало знаешь, — зашипел, как змея, Леха. — "Повезло" — это когда ты дачу соседу спалил, а сам не "спалился". Так что не хрен базарить! Слазь давай, партейку сделаем.

Дядя Вова послушно слез со своей "пальмы". Он заехал вместо таможенника и ждал обжалования приговора. Пять лет за поджог соседской дачи — сурово ли это? Если учесть, что сосед строил дачу всю свою жизнь, то вроде нет. А если подумать, что, судя по возрасту дяди Вовы, эти пять лет могут оказаться последней пятилеткой его жизни, то, может, и да... Но это, по большому счету, не наше дело. Слава Богу, мы не суд — что нам до этого? Пусть у судейских болит об этом голова. А душа у них не болит, потому что нет ее у них, души-то. Факт. Им пишут — они щедро отмеряют. И щедрость у них особая, судейская, исчисляется годами. Если в УК сказано от двух до пяти, можно не сомневаться — в приговоре будет пять.

Дядя Вова не поделил с соседом полметра общей части периметра, а за спорные территории воевали всегда и во все времена. Ну, и дядя Вова с соседом, конечно, тоже, причем с самого начала — со дня выделения участков.

Сосед был громкий, энергичный, наглый. Быстро поставил забор — и полметра участка по всей длине у дяди Вовы как не бывало! Но как же так?! Разве так можно?! Простой советский праведник дядя Вова от всей души не понимал, как человек вот так вот нагло, у всех на глазах может совершить такую подлость! Конечно, беззаконие тво-



рится повсеместно — об этом дядя Вова слышал не раз. Не с Луны ведь прибыл. Но тут не "кто-то" и "где-то", а свой личный клочок земли! Он никак не мог смириться, писал во все инстанции, но когда понял, что все без толку, никто разбираться не хочет, а сосед все "улаживает", при любом случае называет его кляузником и смеется в лицо, — решил расставить все точки по-мужски. Так и сказал жене: "Все! Пойду набью ему морду!". Казалось бы, все закономерно, давно и пора было, но жены — такие люди, они иногда очень хорошо смотрят вдаль. Жена сказала ему: "Не ходи!", они поругались, и он все равно пошел. А сосед был моложе, выше и шире, встретил дядю Вову радушно, потому что ждал эту встречу очень давно — еще с того момента, как забетонировал первый заборный столбик. Он сказал: "Ну что, Вовик? Приперся?!" — и широкими мазками, как художник-маринист, разукрасил лицо дяди Вовы сиреневым и голубым.

Дядя Вова не нашел в себе силы пойти обратно в свой родной щитовой домик — ведь там ждала его прозорливая жена — а побитой собакой потрусил к ручью, что петлял вокруг дачного кооператива, где, как маленький мальчик, проплакал до самого заката.

В дальнейшем война перешла в позиционную затяжную стадию. Каждый окопался на своей территории, возвел блиндажи и доты, изредка проводя артобстрелы, показательные маневры и прочие удаленные мероприятия. Дрались, в основном, только по праздникам, когда, разгоряченные застольным алкоголем, выбирались из своих укрытий и шли в рукопашную. Причем особо яркие битвы выдавались на майские — девятого числа.

А потом у дяди Вовы померла жена, и как-то все утихло. Нет, забор остался на прежнем месте, просто дяде Вова некому стало доказывать, что он еще не капитулировал. Огонек войны вроде бы начал затухать, но, как оказалось, не до конца. Он тлел в груди одинокого вдовца, как глубинный торфяной пожар, и однажды вырвался наружу. Одним махом дядя Вова разрешил все споры.

Погожим сентябрьским днем приехал он в свой щитовой домик. Крепко помянул жену. А проснувшись — и глазам не поверил: за пограничными кустами смородины — пепелище, а под яблоней возле калитки — "воронки".

— Собирайтесь, Николаевич, — устало сказали ему два милиционера. — Теплые вещи берите, мыльное-брильное, если есть...

— Что мне будет? — спросил дядя Вова, который

в этот момент больше всего на свете хотел пить.

— Суд решит, — был ему ответ.

Суд и решил. "Пятерочка! В студию!" — так называл это мой веселый семейник Леха-бандит. У него на все были свои названия. Люди, предметы, действия имели свои "погоняла", определения и формулировки. Он говорил, как воду лил из лейки: гладко, складно. Говорил вроде русскими словами, но в таких комбинациях, что обыкновенному человеку не удалось бы понять и половины смысла его "фени". И то, о чем с ходу не дано догадаться пенсионеру-дачнику или простому совхозному водиле, я думаю, тоже имело свое название в широком Лехином лексиконе.

Я смотрел, как дядя Вова с Лехой рассказываются за игрой в нарды, и не думал ни о плохом, ни о хорошем. Лишь чувствовал какие-то странные сигналы: видел застывшее кольцо сигаретного дыма, пульсирующий уголок Лехинога глаза. Слышал осторожный шорох петуха на полу... Что-то начало происходить, а я никак не мог уловить — что. В моей душе образовалась гнетущая тяжесть и никуда не исчезала. Если бы я был чуть опытней и смысленей — все сложилось бы по-другому. Все-все в моей жизни было бы совсем по-другому...

Я подходил к Лехе еще несколько раз, но он то играл в нарды и говорил: "Серый, под руку не базарь, счас масть отвернется!" — то уходил на "очко" со словами: "Серый, ну ты момент выбрал...". А когда я попытался решительно отдать ему сотку, он потерял терпение и свое обычное лицо:

— Вы, первоходы, дохлого достанете! Ты, Серега, еще не расчехлился, в систему не въехал — так сиди тихонько и вникай! Я сам долги отдаю и другим не прощаю! А ты хочешь, я понял, чеб потом за меня по всем хатам гоняли, че я фуфло задвигаю! Ты че, первоход, ох... ел?! За меня мазу потянут и на воле, и в зоне и в крытке — везде! А если я долги гасить не буду — кто со мной дела будет иметь?! Все, бля! Базар окончен!

Мне нужно было положить его сотку ему на шконарь. Или выкрутить ему руку и воткнуть в зажатую ладонь. А лучше — бросить ему прямо в лицо, как камень. Но я уже говорил про доверчивость и нерешительность, качества, не позволяющие избежать ошибок. Я лег на свою шконку и, как в сказке про Иванушку-дурачка, подумал: утро вечера мудреней.

Утро в тюрьме начинается рано, вместе с гимном. Я открыл глаза и посмотрел на сокамерников. Дядя Вова неподвижно глядел в потолок, "отса-

Проза. Реализм

женный" тихонечко лежал в своей норке, а Леха, закуривая сигарету, широко улыбался. Как акула.

— Ну что, петушарня! — гаркнул он. — Давай, бля, быстро порядочек! Влажным веничком пройдишь!

"Петух" выполз на свет Божий, принялся скрести веником. Я свесил босые ноги и облокотился локтями о стол. Леха сидел напротив и, прищурившись от сигаретного дыма, глядел на меня.

— Я говорю, мозг человеческий — уникальный все-таки орган. Как член. Никогда не знаешь, че от него ждать, — улыбнувшись сказал он. — Вот видишь, какая делюга, Серый: опять я сон увидел. Тока тут все в обратку пошло — мне масть покатила, а от тебя отвернулась. Короче, Серега, братан, херовые дела... Выставил я тебя на три тонны бакинских, по ходу. Не знаю, как ты со мной рассчитываться будешь, но сроку тебе — неделя. Ты дней через десять на этап уйдешь, так неделя тебе в самый раз будет. Пиши маляву маме, женке, корефанам, кто там у тебя на бабле сидит. А я своим черкну, чеб за расчетом подъехали. Адресок я твой знаю, так что за это не беспокойся.

В камере на секунду повисла тишина, а потом "петух" снова начал скрести веником по бетонному полу. Я увидел глаза дяди Вовы: круглые, как два блюдца. Он неуверенно кашлянул и тихонечко спросил:

— Леха, ты ведь шутишь сейчас?..

Я сидел неподвижно и глядел на свои ладони. Я уже все понял.

— Какие шутки, пацаны? Вы че? — Леха по-прежнему улыбался, но это была уже другая улыбка. — Я вчера проиграл и рассчитался. А сегодня я выиграл и требую, чеб рассчитались со мной. Какие вопросы?

Дядя Вова — неисправимый борец за справедливость — потерял свою обычную робость и воскликнул:

— Так он же тебе деньги хотел обратно отдать!

— Хотел бы отдать — отдал бы. И был бы тогда совсем другой базар. А сейчас скажи мне: где деньги? Может быть, у меня? — вкрадчиво спросил Леха.

Дядя Вова молчал.

— Чего утих? Бабло, говорю, где?! У меня или у него?

— У него, — ответил дядя Вова.

— Ну так, бля, в чем вопрос? — спокойно сказал Леха, но вдруг неожиданно быстро, как вчерашняя тень, скользнул к дяде Вове, так что тот даже вздрогнул. — А ты скажи — кто? — зашипел

Леха прямо в глаза старого пенсионера. — Ты тут третейский охрененный, или че?! Смотрящий, бля, или че?! Ты поджигатель чужих домов, герострат херов, сиди тихонько и молчи в тряпку, пока не запаковали! Вы, бля, землячки, я гляжу, че-то попутали! Забыли, где сидите?! Вы че, у себя в колхозе на завалинке сидите, семки щелкаете?! Вы в тюрьме находитесь! Расслабились, бля! По шконарям залегли, вату катают, книжки читают! В нарды шпилят! Нормальный ход! Че не сидеть! Пожрал, поспал, срок прошел?! Короче! Через неделю включаю счетчик, перед этапом — отсаживаю под шконарь к этому: в голубятню! — Леха кивнул на "петуха". — И малява за тобой в зону пойдет, чеб "рабочим" оформили! Все! Сиди — пиши, если не хочешь себе этих рамсов на задницу!..

Да... Вот так моргнул, закрыл глаза, открыл — а уже все перевернулось с ног на голову.

Куда подевался мой веселый семейник Леха-бандит? Сколько времени я пригревал змею у себя на груди, делился своими сомнениями, печалью, разочарованиями... Мама за последние стариковские деньги покупала мне сало и печенюшки, а я делил их пополам и отдавал ему... Почему-то именно эта мысль сильнее всего зацепила за самую тонкую натянутую струну. Мама выбивалась из сил, а я кормил этими силами и маминой болью такого уroda.

Я сидел словно в ступоре и чувствовал, как набухают мышцы, словно я подтянулся на перекладине сорок раз. Внутри, в животе, появилась еле уловимая боль, совсем как тогда — в моем подъезде — когда я выкинул с лестницы своего потерпевшего. Я зажмурился, чтобы услышать хоть какой-то внутренний голос, который приказал бы мне не двигаться, остаться на месте, вернуть все обратно, но услышал Леху-бандита:

— Серега, братан, ты не въехал? Пиши давай! Тебе карандашик дать?

— Я тебе не братан, — медленно проговорил я.

— Ой-ей-ей! — улыбнулся Леха-бандит. — Во как заговорил. Тихий такой колхозничек, а тут — на тебе! Во как забазарил! Ты че, в отказ пошел? Дык я за твою судьбу похлопочу. Последнее с себя снимать будешь — оп! — а уже поздно. За косяки отвечать — это тебе не алкашей жмурить. Вы, бля, ни хера, сука, не фильтруете! Такие лошки, сука, типа тебя, косяков напорят, а потом начинаются эти малявы: мама, корову больше не дои, она уже не наша, в доме тоже больше не подметай, он тоже больше не наш... У мамы дом-то дороже трехи



тянет? А, Серега? Че молчишь? Да ты не парься: мы маме че-нибудь подыщем! Под открытым небом не оставим. Подселим куда-нибудь — не кипиши! Мама — это святое, маму мы трогать не будем. Мы жену трогать будем. За все места. Она за тебя все долги отдаст. Или вот еще вариант. Гляди: ты говорил, дочка у тебя. Губы, говорил, помадой красит. Сколько ей, Серега, братан? Губы красит, значит, выросла баба, раздуплилась. Небось, с мальчиками уже целуется. Мои корефаны это дело тоже любят. Она у тебя как? Красивая? Серега, братан, че язык проглотил? Красивая, говорю, дочка у тебя?! Вот, бля, правильно ты говорил, что жена твоя — сука, фотку так и не прислала. Ниче! Мы ее и за долги спросим, и за фотку. Это тебе от меня подарок будет. Бонус такой. А дочку придется вживую смотреть... Так что, пиши давай, маляву, чтоб баблосы готовили. Маму не жалеешь, хоть дочку пожалей!

В моих глазах давно уже было темно. Босыми ногами я уперся в холодный бетонный пол, но холода не чувствовал. Мне было жарко. Маленькая девочка в косыночке хлопала лопаткой по перевернутому ведерку. Прямо перед моими глазами. Маленькая девочка — мой маленький ангел. Я не спускал ее с рук и мог часами наблюдать, как она лепит куличики. Я целовал ее пухлые щечки и не мог надышаться запахом ее кудрявых волос. Боже мой, а как она произносила слово "папа": будто мед проливался на мое сердце. К черту помаду и трудности переходного возраста! В моей душе она навсегда останется маленькой девочкой с лопаткой и ведерком... Леха что-то говорил, не переставая, поток слов слился в одну черную массу и наполнил собою всю камеру: от бетонного пола до продымленного потолка. А девочка перед моими глазами, выронив из рук лопатку, закрыла ладошками испуганные глаза. "Не бойся, милая", — прошептал я ей. — Все будет хорошо...".

— Че ты там шепчешь, Серега, братан? Слышь, Николаевич, по ходу твой подзащитный косить начинает! — Леха глубоко затянулся сигаретой и повернулся к дяде Вове. Вот тут я и рванул вперед. Пробив руками черноту слов и пелену табачного дыма, я схватил Леху за горло и дернул к себе. Я все сделал быстро, как хотел, рывком втащил его на столешницу, а сам уперся ступнями в забетонированные ножки. Мой ангел, моя маленькая девочка отвернулась от нас, но я знал: ей больше нечего бояться. Никто не придет к ней и не сделает ничего плохого. Я все устрою. Все в моих руках.

В моих руках Лехино горло надулось, выперли жилы и вены, а сам он обмяк. Тогда я ослабил хватку и полупшепотом, склонившись к самому уху, начал говорить, что выколую ему глаза, отрежу нос и хер с мошонкой, в общем, все то, что слышал когда-то в американских боевиках. Но то были не "понты": я верил в то, что говорил — я всегда говорю только то, во что верю. Жизнь состоит из слов и поступков. Я знал, что в случае с Лехой одних слов не хватит: все равно нужен будет поступок. Тут так принято. И если ты сказал "А" — нужно говорить "Б". Если достал перо — режь, а волыну — стреляй. По-другому — никак, иначе не жить мне в спокойствии за дочку и маму.

Я ждал ответных действий, чтобы закончить все прямо сейчас. Ведь Леха — бывалый уркаган, он не пустит дело на самотек. И я не ошибся на этот счет: чудес на свете не бывает. Я не учел только одного, что Леха-бандит — старый фокусник-иллюзионист. Опять откуда-то из другого измерения Леха выхватил "сотку": только это была уже не американская денежка, а остро наточенный гвоздь. Боль прожгла где-то слева и отхлынула на задний план. Я вцепился в горло с новой силой, но Леха успел перевалиться через стол ко мне на шконарь. Кровища мгновенно пропитала майку. Леха махал слабеющей рукой, как полыманным крылом, метил мне в голову, но попадал то в подставленный локоть, то в плечо, то в бок. А потом и вовсе начал промахиваться.

И тут, как резаный, заорал "петух": словно это его кололи гвоздем или душили. А — может быть — он орал с самого начала? Странно, я не слышал его крика, а слышал только причитания дяди Вовы: "Ребятки... ребятки..." — и еще Лехин хрип. В распахнувшуюся дверь по одному влетели контролеры и начали махать дубинами, не разбирая. Мы скатились со шконки на рыхлый бетон пола, я ловко прикрывался Лехой от машущих дубинок, но тут меня схватили за ноги и выволокли на продол. Сбоку захлебывалась от лая собака, дубины мелькали, как вертолетные пропеллеры, и контролерские ботинки врезались в меня тупыми носами, но Леху я не отпустил. Я здоровый дядька. Дед у меня был кузнец, отец был кузнец, и сам я в одиночку меняю "раздатку" на 131-ом ЗИЛе. Так что — дури хватает. Меня волокли по бетонному полу, а за мной прицепчиком на жесткой сцепке тащился мой семейник Леха-бандит. Пальцы, сомкнутые на его шее, свело какими-то судорогами: я даже вспомнил кино про войну, как у раненого бойца после боя не могли вырвать оружие из скрючен-

Проза. Реализм

ных рук. Я вообще многое вспомнил в эти мгновения. Жизнь пролетела перед глазами, как будто я уже умирал: от школьной скамьи до скамьи подсудимых... Старенькие парты, многослойные сколы краски на которых были, как годовые кольца спеленных деревьев; школьный палисадник, незатейливо засаженный «коготками»; пьяные провода в армию, дембель, такой же, как провода; свадьбу, от счастья плачущую маму; мой комбайн — с вымпелом в кабине; а вот я маленький — качусь на велике по лесной опушке, и мне навстречу по ржаному полю — огромный лось, как корабль в море колосьев... И все время рядом — девочка с ведерком. Смотрит, смотрит. Я говорю ей: не бойся. А она не отвечает. Просто смотрит. И больно было очень поначалу, когда по рукам дубинами молотили и сапогами, и гвоздь Лехин из плеча торчал, как из старой доски. А потом все притупилось, и тогда я впервые увидел свой город: красивый, нарядный, с мощеными улочками, площадями, скверами, фонтанами. Небо над ним было свинцовое, ветер рвал листву на каштанах, хлопал незакрытыми фрамугами. Маленькие горожане высыпали на улицы, суетливо бежали к городским стенам, что-то кричали, а на самой главной башне взметнулся непокорный гордый флаг. Я отчетливо видел, как тысячи маленьких ладошек уперлись в мою кожу изнутри, чтобы смягчить удары дубинок и сапогов, чтобы отразить вражескую атаку. С городских стен сметало отважных защитников, однако новые и новые бойцы поднимались им на смену. Словно Наполеон, я стоял над битвой и смотрел на своих маленьких воинов, пока вражеские атаки постепенно не пошли на убыль. А когда все стихло, мои маленькие человечки устало, но дружно взметнули вверх руки, празднуя нашу маленькую победу. Ведь это была победа, правда?

Я уже говорил вам про точки опоры. Придуманный мною город стал третьей такой точкой для меня, а как известно еще со школьной скамьи — через три точки можно провести плоскость. Я ощутил под ногами плоскость и крепко встал на нее, хоть и лежал в тот момент на бетонном полу где-то в глубоком цоколе ниже уровня земли, ниже уровня жизни. Ниже уровня всего... И редкий для этих мест грохот стоял в длинном коридоре с множеством железных дверей, в каждую из которых барабанили и кричали злые уставшие люди.

Что было дальше? А черт его знает, что было дальше. Как-то все в пелене и дымке.

Я долго гулял по своему городу. Держал за руку девочку. Или нес ее на плечах. Я был счастлив

и улыбался. Кто-то что-то говоил мне и спрашивал, но я не отвечал. Просто гулял по кривым улочкам, тенистым скверам, и спал где хотел: прямо на скамеечках под каштанами или в домах у радушных хозяев.

А потом ко мне вернулась боль. Вокруг было тихо, покойно, белым-бело — лишь иногда быстрые шаги гулко проникали за мою ширму. И девушки — настоящие, с запахом духов и локонами волос из-под белых колпаков — останавливались прямо возле меня. А в глазах у них — ужас: поскорее сделать укол чудовищу и бежать, не оглядываясь.

А кто я есть, прикованный наручниками к больничной кушетке? Лежащий здесь, в конце коридора, под присмотром вооруженного мента? Кто я, отгороженный ширмой от всего мира? Я и есть чудовище, получается так. Только свою Красавицу я никогда не дождусь: не в сказку попал...

А еще от меня воняло, как от паршивого старого пса — мент в сортир пускал редко, видать, боялся, что сбегу. Я терпел, конечно, но отбитые почки работали плохо, или что там еще отвечает за недержание. Медсестры подходили совсем близко, приносили таблетки — а мне было мучительно стыдно, что я источаю такой смрад. Это были самые тяжелые дни во всей моей тюремной жизни. Такой парадокс. В "вольнячей" больничке без глухих стен и решеток я мучительно ждал, когда меня отвезут обратно. Убогое "очко" с вонючим "чопиком" в углу камеры казалось неким освобождением по сравнению с больничной "уткой", с которой я никак не мог справиться одной рукой. Мент, глядя на мои неловкие копошения, улыбался: "Эй, ссыкун, хошь: я тебе и вторую руку прикую?..".

Я знаю: этот приковал бы — не будь рядом сердобольных нянечек и сестричек, у которых ужас в глазах, но огонек в душе. Если б не они — я вообще утонул бы в собственных испражнениях. Я понимаю так: если здоровый молодой парень не ищет себе нормальную работу, а идет охранять зеков — с ним что-то не так. Или много били в детстве, или мама не любила. Так что с него, убогого, взять, если он стоит над прикованным, избитым, еле шевелящимся человеком — и радуется, что имеет над ним полную власть?..

Конечно, мне все когда-то зачтется, и Страшный Суд, если он есть, будет действительно страшен. Но этому — в кокарде, что сидел возле меня на табуретке, похлопывал дубинкой, пожевывал булку и читал сборник анекдотов — ему обяза-



тельно все зачтется тоже. Так должно быть. Я верю в это, как в завтрашний восход.

Долго в больничке меня не держали. Подлатали, залечили и, облегченно выдохнув, отправили назад. И все потекло дальше, как по маслу: быстро, без проволочек.

Мне накинули за "нарушение режима", "сопротивление сотрудникам", "хранение запрещенного"... Кажется, я что-то пропустил?.. Да, пропустил. Еще мне добавили новый срок по статье "убийство" — и глыба, лежащая на моих плечах, превратилась в скалу.

Леха-бандит не выжил в то прокуренное утро, которое начиналось по четко написанному им сценарию. Был кто-то еще, все спланировавший иначе и, естественно, я не имею в виду себя. Если бы Лехе сказали заранее, как все будет — его смех был бы слышен даже за высоким тюремным забором. Леха был веселым парнем, любил посмеяться. Я его, конечно, придушил, не спору: за маму, дочку, родной дом я придушу любого. Но долго по "крытке" ходила молва, что в больничке причиной смерти назвали совсем не асфикцию, а перелом свода черепа. Кто-то из контролеров перестарался, махая дубиной, а меня просто назначили ответственным за чужое усердие. Ну в самом деле: ведь не стражу порядка отвечать за смерть безродного зека-рецидивиста?

Моя вина в том, что я был слишком доверчив и близорук, нерешителен, неискушен; что не отдал сразу ту пресловутую "сотку"; что не разгадал этой игры, не поверил предчувствиям...

Всего перечисленного, конечно, хватает для наказания, но все ж недостаточно, чтобы расколоть вдребезги мою и без того треснувшую жизнь. Добавленных лет хватило бы на то, чтобы вырастить сад. Или дорасти до начальника. Или родить ребенка и отправить его в школу. Прокуроры с судейскими нарезают срока, как колбаску, и отправляют людей на съедение времени. Тебе — пятерочка, тебе — восьмерочка, как будто человек живет на свете лет триста. А между тем и год за решеткой для многих — тяжелая ноша. О себе я, понятно, речь не веду — у меня статья другая. Но, если говорить о Лехе — я лучше бы вырастил сад... Я стал бы завгаром и воспитал бы еще одного ребенка. Я смог бы. И гнусная строчка про "жизнь пошла под откос" не крутилась бы в моей голове...

Как много накопилось этих "бы". "Стал бы", "вырастил бы", "воспитал бы"... Лежа на шконке,

упершись взглядом в потолок, я отламывал куски несуществующего будущего и скармливал их оставившемуся времени. У многих принято верить в судьбу, но в такую судьбу я не верю! Это очень странно, если Бог, заглядывая в лицо родившемуся младенцу, решает: "А вот этот пускай повзрослеет — и потом за решетку его, до конца жизни! Он мне не нужен...". Это и называется Божий промысел?! Или как это называется?..

Очень легко верить — и получать подтверждение. Как быть, если все происходит наоборот?..

На этом можно было бы закончить рассказ обо мне.

Я не умер, но меня больше нет. Время, несущее людям перемены, развитие, радости, печали — для меня остановилось. Администрация учреждения перебрасывала меня из "хаты" в "хату", и везде я видел одно и то же. Я знал: множество чьих-то свитеров распустилось по ниточкам на "дороги", и полетели по этим "дорогам" "малявы" обо мне. Кто-то активно принимал участие в моей судьбе, хотел рассчитаться за Леху, но мне было плевать. У меня с советских времен вся грудь в значках ГТО, и в колхозных драках я всегда был на первых ролях... А еще я стал злым. Таким злым, как наша овчарка на "продоле". Так что до суда я дожил в целостности и сохранности, а потом прошла волна о Лехином переломе головы — и меня потихоньку оставили в покое.

На этап я выехал с неподъемным сроком, пустым "кешером" и полной головой черных мыслей. Забрать у человека лучшее, вырвать с корнем, а взамен оставить пустоту... Лучшие годы, пик мужской силы, жажда жизни — все в никуда: в бессмысленное безделие, медленное отупение.

Я видел людей, которые по десять лет смотрели телевизор. Это были не научно-популярные программы, познавательные передачи об истории или искусстве. Нет — с перерывами на сон и "хавку" они смотрели музыкальные каналы. Бесконечные ротации клипов, лучшие десятки, лучшие двадцатки, лучшие сотни... Одни и те же песни, одни и те же лица, а, точнее — те же трусы и лифчики. Изо дня в день, из месяца в месяц они сидели и ждали наизусть выученные моменты: удачный наклон тела, крупный план попы или губ, особо выдающийся бюст или колено в чулке.

Опоздавший к началу мог зайти и спросить:

— Моя уже была?..

А ему могли ответить:

— Подвинули твою... Андрюхина обскакала.

Проза. Реализм

— Я б с Андрюхиной тоже кувыркнулся...

— Да ну на... Худая больно...

— Не гони! Нормальная телка!..

Кто-то качал себе битку, кто-то читал книжки, кому-то с воли прислали самоучитель английского языка — но все это были сидельцы с малыми сроками, год-три. Те, что годами сидели перед телевизором и пристально следили за сиськами певицек, имели сроки от восьми лет. И это был мой уровень — только моя ноша была на порядок тяжелее. Когда я смотрел на эту группку людей, меня охватывал страх: я боялся стать овощем. Я хотел побороться за свою жизнь, не чувствовать себя вычеркнутым, хоть как-то участвовать. Так начался период строгания досок, склейки бумажных пакетов, сбивания тарных ящиков.

После работы я до изнеможения тягал железо в спорт-городке или занимался быстрой ходьбой по "локалке". Сто пятьдесят шагов — туда, сто пятьдесят — обратно. Я нахаживал по десять километров в день: четыре — утром, до подъема, шесть — вечером, перед отбоем. Я давным-давно дошагал до родного дома, пересек границу, дошел, как дед, до Берлина, и уже уходил все дальше и дальше.

За пачку "двушки" мне подогнали простыню со списанными подушками, из которых я сделал себе боксерскую грушу. Какое-то время мне удавалось выколачивать из нее перья, песок и свои черные мысли. Но когда долгие годы перед тобой один и тот же вид, и этот вид — не поле с лесом, не море с шезлонгом, не горы, не город, а решетки между "локалками" соседних отрядов, а в них все злые лысые зеки в убогих клифтах и телагах — постепенно забор все равно исчезает. Незаметно, как бесшумная снежная лавина, меня накрыла апатия, чувство полной бесполезности существования. А когда исчезли последние крохи: мамыны письма, когда исчезла мама, и я остался один — пропало ощущение смысла. И я остановился. Нет, я не примкнул к сидящим перед телевизором. Я по-прежнему тягал железо и колотил грушу, но делал это уже неосознанно, автоматически, по сформировавшейся годами привычке. В анабиозе я ходил строем в столовку, ковырял кашлю в шлемке и ждал, когда будет отбой. Я очень ждал ночи, потому что все чаще видел во снах свой придуманный город — благополучный, красивый, солнечный, в котором я был самым почетным гражданином. Мне было нестерпимо просыпаться, прерывать чудесные сновидения, я хотел бы спать вечно, хоть и понимал, что вечный сон — это

смерть. Но знаете что, друзья: смерть — тоже ведь не самый плохой вариант?..

И вот, наконец-то, мы подошли к событию, из-за которого я до сих пор не остановил этот рассказ.

Я сидел в лагерной библиотеке и листал подшивку газет. К тому времени я прочитал все книги, имеющиеся в наличии: от тупых детективов до учебника по высшей математике. В газетах не было ничего интересного — я просто убивал время до вечернего просчета. И вдруг я увидел нечто, моментально изменившее все вокруг. Фотография. В газетной статье о конкурсе хорового пения — фотография! Крайняя слева, среди поющих рядных школьниц, была моя дочь! Это точно была она! Я узнал ее! Это она! Это она!

Я вспыхнул, как фонарь милицейской сирены, а пульс в голове, казалось, пробьет насквозь мои виски. Это она! Точно она, ее лицо, я не могу ошибиться...

Я схватился за подшивку, будто кто-то пытался силой вырвать ее у меня, и, честно говоря, я не представляю такого силача, который смог бы сделать это в тот момент. Я не мог контролировать свое возбуждение, но контролировал перемещение всех присутствующих в библиотеке. Забрать себе газетный лист! Чтоб никто не "пропал"! Чтоб ни одна сволочь не заметила, как я вырываю из подшивки это сокровище. Да никто и не посмеет "стукнуть" на меня за это, иначе я, не задумываясь, возьму на себя еще немного — но не прошу такой потери. Семь бед — один ответ...

... Дрожащими руками, в темном бараке, отвернувшись от всех, я развернул аккуратно сложенный лист. В местах лишения все можно вытерпеть, кроме одной невыносимой вещи: ты не можешь остаться один. Моешься ли ты, ешь ли, спишь ли — всегда рядом кто-то есть. Ты заходишь в сортир — а рядом уже кто-то кряхтит: то ли испражняется, то ли дробит... А я хотел бы остаться один в этот священный миг, открывая на обозрение свое сокровище. Я не желал делить свое счастье ни с кем.

Словно солнце вспыхнуло в моих руках и осветило душный кубрик. Это была она. Моя маленькая девочка с ведерком, мой крохотный ангел. Я хотел увидеть ее — и я увидел. Заставил себя не читать статью, не смотреть за какой год и месяц эта газета, чтобы не заметить временной нестыковки. Я точно знал: на фотографии — моя дочь, и, может быть, Бог даже есть, раз спустя столько лет, даже забыв о надежде, я получил в руки свою

мечту! Я ухватился за нее обеими руками, какой бы призрачной она ни была.

Во мне словно смазали все шестеренки, вытряхнули старую батарейку и вставили новую: мощную — из рекламы про зайцев. Как Мюнхгаузен, тянувший сам себя за волосы из болота, я пытался выбраться хоть на какой-то миг из крошечной тотальной безнадеги. Я радостно обманывал себя, отдавая полный отчет в этом самообмане. Придумал, что обо мне все еще помнят, по-прежнему верят в меня и ждут. И раскрывшись немного, выглянув из-за каменных створок, душа полетела в далекий дом навстречу старенькой маме. Навстречу маленькой девочке.

И вдруг, как когда-то в детстве — из меня вырвались рифмы, скупые стихи, лагерная поэзия в действии. Но поверьте, эти строки я писал от чистого сердца, прекрасно понимая, что они даже не дойдут до адресата.

Всю себя от тела отделив
И очнувшись, словно от пощечины,
Ускользнула, иней растопив
На глухом окошке зарешеченном.

И быстрее, чем летят года,
Помня только то, о чем мечтается,
Бестелесой птицею — туда,
Где меня родная дожидается.

В доме, где не празднуют давно,
Где имеет ценность эта весточка,
В доме, где в открытое окно
Грустно смотрит маленькая девочка...

... И в капли теплого дождя,
И в лучах полуденного света,
В шорохах и громе — с вами я
Легким дуновеньем рядом где-то.

А с судьбою — счеты мы свели.
Пусть беда коварна и умела,
Ей на откуп отдано вдали
Без души оставленное тело.

Сами понимаете, если дело доходит до стихов — это очень серьезно...

Когда вокруг одна лишь мрачная проза, и вдруг на смену ей приходит поэзия, пусть даже самой невысокой пробы — это значит, что еще есть варианты. Не все так глухо. Это как у класси-

ка: "Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!..". Это, как у аферюга — "развод", в который хочется верить. Вот такая была у меня ситуация. Кусочек тверди среди непроходимой трясины.

Я летал, как на крыльях, обдумывал будущее. Жизнь — странная. В один миг может наступить разворот. Ведь я еще не старый, когда-то выйду отсюда, и все у меня будет. Я найду свою дочку — в какой бы далекой Новой Зеландии она ни была — и все объясню ей, обниму и скажу, как я ее люблю. И, дай Бог, она меня поймет...

А Бог в это время катался от хохота, поглядывая сверху на мои мечты, ведь я совсем забыл: мы предполагаем, а он — располагает.

Счастливый отрезок промелькнул незаметно, как летние каникулы у школьника. Впопыхах я даже не заметил этих месяцев. А в общей массе моего срока они просто утонули, как щенки, брошенные в реку сердобольным живодером.

Газетная вырезка начала затираться в моем кармане, а на сгибах появились просветы. Из боязни потерять единственную ценность, я перестал носить ее с собой, положил в тумбочку. А однажды захожу в сортир и глазам не верю: как золотой слиток среди дерьма, лежит в урне моя вырезка. В куче использованной туалетной бумаги.

Сердце екнуло. Я побледнел, закрыл глаза.

Помню одну только мысль... Такого. Не может. Быть.

"Крыс" в нашем кубрике до сих пор не водилось.

Как говорил Козьма Прутков: если на клетке слона прочтешь надпись "буйвол" — не верь глазам своим. Я и не верил своим глазам, до последнего не допускал даже мысли о такой возможности. Побежал в кубрик, бросился к тумбочке. Лихорадочно перебрал стопочку маминых писем, но драгоценной вырезки среди них не нашел. Она всегда лежала сверху, как корона, а теперь — нет. Все во мне сжалось, и то, во что я из последних сил не хотел верить, стало обретать реальные очертания. Тогда я вытряхнул из тумбочки все содержимое и разметал по полу, но моей девочки не было нигде. Значит, все... Конец. То, что никогда не может произойти — опять произошло. Вопреки всем понятиям, жизненному укладу, логике, справедливости — вопреки всему.

Я аккуратно сложил все обратно в тумбочку и не спеша отправился в туалет. Я уже был спокоен. Неторопливо выудил из урны смятый обрывок газеты.



Проза. Реализм

Не обращая внимания на дерьмо, которое им подтерли, расправил листок и увидел свою дочь. Поруганная, выпачканная, она глядела на меня растерянно.

Я медленно сложил листочек вчетверо — грязью вовнутрь — и положил в нагрудный карман клифта.

— Прости меня, — прошептал я. — Все будет хорошо... Отвечаю...

Нет такой статьи в уголовном кодексе, и санкций по ней нигде не найдешь.

Какое наказание грозит человеку за то, что он заглянул в чужую тумбочку? Какое наказание за то, что он взял никому не нужный, ничтожный клочок старой газеты? Новый срок? Штраф? Ограничение свободы? Исправработы?..

В зоне за это "опускают". Или делают "конем". Но мне ни "конь", ни "петух", ни любое другое животное были не нужны. Я хотел просто отомстить за свою дочь. Мне нужна была только месть. А месть, я посмею заметить, мощнейший жизненный допинг. Он гораздо сильнее, чем любовь. Жажда мести наделяет самого последнего дохляка недюжинной силой, а смертельно больного — отсрочкой от смерти. Любовь со временем уходит, а месть остается и крепнет с годами, как старый коньяк. Я берег и холил свои помыслы, упоенно фантазировал, как буду вбивать меж зубов оскверненный кусочек газеты. Думал об этом все время, и даже забыл про свой город, где маленькие человечки сиротливо спрятались за глухими ставнями. Мне было не до них, потому что снова появилось некое подобие смысла жизни. Я ощутил даже своеобразный охотничий азарт. Дни потекли быстрее, словно кто-то приоткрыл тяжелую дамбу, и воды хранилища времени шумно устремились вниз, наполнив до краев обмелевшее русло. Я не замечал бега часов, и недели летели за неделями. Под подозрением был каждый. Я отслеживал передвижения всех, кто жил со мной в кубрике, и всех их корешей, заходящих сыграть в нарды или попить чаю. Я вел тщательный учет того, кто купал туалетную бумагу на отоварке, кто пользовался салфетками, кто получал газеты. Четыре месяца я отдал доскональному изучению того, кто как подтирает свой зад. Я выстраивал засады и ловушки, заставлял дневального чаще проветривать кубрик, чтобы, когда все выйдут, дать лишний шанс тому, кого искал; помечал газеты специальными знаками, выкладывал их на свою тумбочку и всегда был рядом. И что-то исходило

от меня в то время... Какие-то тяжелые флюиды, искры опасности. Я и так-то ни с кем не общался, а семейников вообще не имел — Лехи-бандита мне хватило на всю жизнь. А тут вообще стал, как волк, и видел, как все сторонились меня. Я действительно стал одержим. За едой, за ходьбой, на турнике, на шконке: всюду я думал только об одном. Долгая жизнь без какой-либо цели, годы бездействия и душевной апатии как непробиваемым панцирем скрыли все мои чувства. И вдруг — такой неожиданный выброс: как мощный разряд тока, как оголенный нерв! Я просто не мог думать ни о чем другом. Составил списки. Вычеркивал одних, вписывал других, возвращал вычеркнутых... На случай "шмона" привел списки в конспиративный вид: каждого нарек кликухой, каждую кликуху пронумеровал, все номера запомнил наизусть. Любой шпион мог бы перенять мой опыт, любой следак мог бы поучиться у меня ведению дела. Я боялся только одного — не успеть. Вдруг эта сволочь "откинется" раньше, чем я ее найду?! Уйдет "на замену", получит перевод, "сквозанет по сроку"...

Но я успел. Я вычислил эту крысу!

Какой прекрасный это был день! Зимний, солнечный, как День рождения моей дочери.

Он сидел на параше и читал мою газету. Здоровенный быкан: шесть лет за нанесение тяжких телесных. Успел сказать: "Э-э... ты че, рамсы попутал?.." — и захлебнулся. И если с двумя предыдущими произошла чудовищная случайность — а может быть, тонкий расчет предначертанной судьбы — то здесь была совсем другая история. Тех я убивать не хотел, а этого убивал осознанно. Точнее так: я не хотел, чтобы он жил.

Это было мое первое сознательное злодейство в жизни, которое, по сути, ничего в моей жизни уже не меняло. Будущее и так было прозрачно, как пустой аквариум. Две статьи за убийство безосшибочно четко рисовали единственно возможную перспективу. В этой картине не было ни полутонов, ни ретуши, но все-таки кое-что я должен пояснить.

Вы помните: Леху-бандита я не убивал. Меткая дубинка и сапог румяного контролера догнали Леху, а того — первого, с которого по сути все началось — я даже не ударил. Я не хотел вспоминать о нем, но, вижу, никак без этого не обойтись.

Он был загадочным собутыльником покойного тестя. В общем-то, безобидный дядька: не злой, не скандальный. Наоборот — тихий, а что пьет, так пойдди поищи непьющего: все вокруг за воротник закладывают — только держись. Короче, как



все был дяденька: ни лучше, ни хуже. Но, по непонятной причине, не любили его в совхозе. Ни детей, ни родственников — только тесть-вдовец с дочкой были ему, как семья. Сколько помню, с самого утра он — к ним. Острограммятся с тестем — и на работу. Ну и, конечно, рыбалка — сети-удочки. По-моему, он дома у себя ночевал только, а так все время у тестя: прямо член семьи был. Жена, считай, у него на коленях выросла.

А потом помер тесть. Думал я: ну, поживем, наконец, а этот — все ходит и ходит. Я понимаю: старый, одинокий, у него кроме нас никого и не было. Да только такое дело: прихожу с работы — а на кухне дым коромыслом. Тестя поминают. Ну, дело понятное. Я подсел, маханул сто грамм. За тестя — святое дело. На следующей день — та же картина: жена и дед этот — тестев друг. Опять поминают. И дочка чумазая с булкой в руках слоняется неприкаянная. Я говорю: "Друзья, может, хватит поминать-то?". Этот тестев друг давай суетиться: да, да, конечно, мы уж все, да, да, сейчас... Тут жена давай голову подымать: "А ты че тут указываешь?! Мне что — за батьку своего выпить нельзя?!". Ну, понятно, жене: скандал с подзатыльником, друга тестева — взашей. А он все суетится: да я же... мы же... по чуть-чуть... Короче, так и повелось: я с работы — они уже сидят на кухоньке, разговаривают. Я им по новой внушение, жена — в крик, этот — "все, все, ухожу". И вижу: прятаться начали — ко времени только душок неприятный на кухне да от жены винный кумарок. Что же мне — пасти их что ли, как овец? Отловил я его тогда и говорю: "Вот скажи мне, ты ж старый пень уже: ты что, не видишь, что происходит?! Короче, еще раз узнаю, что жене наливаешь — с лестницы спущу, не обижайся!". А он все: "Да куда же я, Сережка, без вас?.. Да мы же, Сережка, по чуть-чуть... винца...". А я гляжу, что жена уже без того винца заснуть не может... В общем, когда в правлении был поставлен вопрос об увольнении жены за прогулы, подкрутил я пару гаек в своем комбайне, подмел в кабине, поправил вымпел и ушел с работы пораньше. Когда тестев друг вылетел из подъезда нашей совхозной двухэтажки, как Леонов с лестницы в фильме "Джентельмены удачи" — было даже немного забавно. Причем он встал, отряхнулся и посеменил домой. А через два часа помер. Судебный медик сказал: гематома в голове от удара тупым предметом. Бабки со скамейки показали, что, когда падал — об землю ударился. Прокурор из тяжких телесных перекалфицировал в убийство. Суд учел смягчающие и

нарисовал семерку с половиной. И всего делов.

Кто бы сказал, что все так просто, на ровном месте — никогда бы не поверил. В лицо бы рассмеялся, ей-Богу. А сейчас я и сам из тех, кто может рассказать, как просто стыкуются сложные расклады. И в лицо никому не смеюсь. Да и вообще не помню, когда я в последний раз смеялся. Хотя нет... Помню. Последний раз я смеялся именно в тот прекрасный зимний день, когда вычислил поганую крысу и засунул ее проломленной башкой в петушиное очко. Я долго с ним возился, но успел выскочить в коридор, чтобы "контрики" не метелили меня на вонючем кафеле сортира. И уже здесь — в коридоре — громко рассмеялся. Дубины махали как-то по-особенному задорно, но мой смех они не остановили. Что мне эти дубинки? Мне не впервой! Я стоял посреди своего города, на самой главной площади — и смеялся. Человечки отчаянно сражались, падали с высоких городских стен, а я стоял далеко-далеко в безопасном месте и слышал звуки раскатов далекой битвы. Мне было плевать на исход этой битвы: я глядел, как кружат голуби над опустевшей площадью, и не мог остановиться от смеха. И было мне так хорошо, потому что маленькая девочка с лопаткой и ведерком подбрасывала голубям хлебные мякиши. "Ты видела: я не дал тебя в обиду!" — говорил я ей и опять смеялся. И смех мой был слышен во всех уголках города и далеко за его пределами. И, если вы думаете, что контролеры махали дубинами только для того, чтобы сделать свою работу — вы ошибаетесь. Они боялись моего смеха и пытались отогнать свой страх. Я знаю: они боятся таких, как я.

Очнулся от холода на ледяном полу ШИЗО.

Снежинки залетали сквозь мелкую решетку проема, медленно падали прямо на меня. Я пошевелился — и моментально оказался опять на главной площади своего города. И снова стало хорошо. Пропали снежинки, летящие сверху, как насмешки. Пропали решетки, сквозь которые могут проскочить лишь снежинки. А если все равно, где таять — пусть я растаю здесь: в своем городе, где так легко и свободно, где я хочу остаться навсегда. Пусть все здесь ненастоящее, созданное болью, вымышленное воспаленным умом: но кто заставит меня отказаться от этого?.. А, может быть — все наоборот? Мой город реален — а там, куда залетают снежинки: все ненастоящее? Стены, решетки, тело, лежащее на бетонном полу? Конечно! А как же иначе? Ведь вот они — маленькие человечки, и я с ними — такой же маленький



Художник Ульяна Колесова

и счастливый, говорю им, что остаюсь навсегда... Каштаны бушуют зеленой листвой, и ветер — теплый, как ранний сентябрь, гуляет по узеньким улочкам. Все самое светлое, что есть на земле — здесь. И маленькая девочка — тоже где-то здесь. Подойдет, заглянет в глаза — и снова уходит. Разве я оставлю ее одну?

Человечки напоили меня водой, дали хлеба. Я разговаривал с ними, слушал рассказы про жизнь, ходил из дома в дом — и всюду мне были рады. А однажды забрался на самую высокую городскую башню и увидел чудо: повсюду за городскими стенами, на сколько хватало глаз — был океан, а на горизонте в искрящейся дымке — зеленые острова. Мир и покой окружали меня, но все же иногда я возвращался в свою оболочку — и тогда видел себя то на бетонном полу ШИЗО, то пристегнутым к кровати в зонновом лазарете, то на этапе в "столыпине". В городе с видом на океан я всегда пребывал в радости и стремился в него всей душой. Но однажды все вернулось на свои места: прекрасные иллюзии стали пропадать, и все больше времени я стал проводить не на городской высокой башне, а в тесной "одиночке", как и когда попал в которую — даже не помнил.

Сопоставляя разрозненные фрагменты, спустя время я сложил приблизительную картину последних событий: треп конвойных про "того самого отморозка", разговоры о больничке, вонючие этапные комнаты, личный кортеж из конвоиров, свет врачебных фонариков прямо в глаза...

"Дурка" запомнилась мне очень чистой, бедной, составленной из бесконечных коридоров, зловещей тишины и внезапных криков. В нескончаемых кабинетах и коридорах мне встречались люди в смиренных рубашках, ведомые санитарями. Я отличался от них только тем, что руки за моей спиной были скованы наручниками, и вместо санитаров меня вел вооруженный конвой.

Я очень хорошо запомнил доктора. Он был похож на коммерсанта с телохранителями: когда сел за стол, а два здоровенных амбала в халатах встали в дверях кабинета. Я долго отвечал на вопросы, писал какие-то задания, ставил плюсики в нескончаемых графах. Этот доктор вывернул наизнанку всю мою душу, расспрашивая о том, что я совсем уже позабыл. Я почти все время молчал, на вопросы отвечал односложно, но все, что дремало внутри, этот врачуга выпустил наружу, как злого джинна. Я никогда не думал, что это может

быть так тяжело: пусть бы лучше меня лишний раз "отходили" дубинами. Каждое утро я знал, что опять повторится какая-то часть моей прошлой жизни. Детство, нахлынувшее запахом летних костров, речка, где я с удочкой сижу затаив дыхание... И отец — еще живой, строгий, близко-близко от меня, и я чувствую его запах — такой родной и далекий. Отец никогда со мной не говорил — и когда брал с собой на рыбалку, я все время пытался догадаться, о чем он молчит. Я очень хотел одного — поймать большую рыбину и услышать, как он скажет: «Молодец, хорошего взял!». Лишь бы только рыбина не сорвалась...

Меня опять водили по коридорам и кабинетам. Я терял счет времени. Доктор исчезал и появлялся, как черт из табакерки. Он был непонятного возраста, наверное, мой ровесник: худощавый, маленький, с колючим взглядом из-под очков. Напоследок взглянул на меня, улыбнулся:

— Ну что, любезный, надоела зона? Хотите поменять условия пребывания?..

Я сидел на стульчике посреди кабинета. Позади — санитары, по бокам — двое конвойных, прямо — "начальник" и врач. Чувствовал себя, как загнанная лошадь, которую "мочат" со всей дури кнутом, а она все равно стоит и не идет. Не падает, потому что сильная, не идет, потому что ничего не чувствует. Я посмотрел на врачу и улыбнулся в ответ:

— А ты, доктор, смешной чел. По-твоему, зона — как баба? Надоела и бросил? Ну-ну...

Солдатики заерзали, а "начальник" перевел взгляд с меня на доктора.

— Зона — как мама, — сказал я. — А маму не выбирают. По крайней мере, я себе зону в спутницы жизни не выбирал... А все остальное — на твое усмотрение.

Доктор кивнул головой:

— Занятно... занятно... Я знаю: заключенные умеют и любят красиво говорить. И вся эта тюремная поэзия... романтика... Занятно...

Он посмотрел на "начальника":

— У меня вопросов больше нет. Вот ваши документы.

Начальник встрепенулся, занервничал:

— Послушайте, доктор... у меня поручение от

руководства. Пообщаться... Он же больной на всю голову! Нам что: опять ждать, пока он кого-нибудь не завалит?!..

— Нет, послушайте лучше вы меня, майор! — перебил врачу. — Ваш подопечный совершенно здоров. Мы не видим никаких оснований для терапии, поэтому давайте не будем перекладывать вашу работу на наши плечи.

"Начальник" побагровел и вскочил со своего места. Костноязычие не позволило ему красиво ответить, но все же он попытался:

— Я служу на военной службе, бль. И выполняю приказы, которые мне приказывает Родина, бль. И тяну свою службу, как положено.

Я запрокинул голову и чуть не свалился со стульчика.

— Родину-у-у, — протянул я. — Во-во, начальник: расскажи, как ты Родину защищаешь! Дубиной за зарплату махать — это до х... делов! Родина тебя не забудет... Защитничек...

Санитары стояли в дверях, как изваяния, не шелохнувшись, когда конвойные начали выполнять приказы Отчизны.

А я уже был далеко. Так далеко, что не видел совсем ни себя, ни врача, ни конвойных. Теплый ветер летел мне прямо в лицо, тугое полотнище флага рвалось в небо над моей головой, а я глядел на далекие острова и улыбался...

Сколько помню себя после этого: ничего хорошего больше не было, а вот — все равно улыбаюсь.

Я гляжу перед собой, но не вижу ни стен, ни решеток.

Я делю свою жизнь меж двумя другими мирами. В одном — маленькие человечки суетятся на улицах старого города. Они любят, мечтают, веселятся и грустят прямо перед моими глазами. И я знаю о них почти все.

В другом — искрится и пенится океан, умывая волнами неведомые острова где-то на краю света. Эти острова для меня, как красивая детская сказка. Или как звезда в небе. Или как свобода... И я не знаю о них почти ничего. Разве только, что там тепло и беззаботно, как в раю...

И еще я знаю, что там — среди зеленых холмов глядящих на океан — живет маленькая девочка с лопаткой и ведерком, мой крохотный ангел, маленькая частичка меня.

Надеюсь, живет счастливо в той далекой красивой стране, которую я никогда не увижу.

Разов Олег

writercenter.ru/profile/ostrov22/whois/

Художник Ульяна Колесова

www.shannonassociates.com/artist/julianakolesova



На обочине вечности

Долматович Евгений

*Пускай восходит день и меркнет тенью бледной.
Для нас, как краткий день зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон.*

Гай Валерий Катулл

1

"Вечность"

Эту ночь я запомню именно как сонм беспорядочных видений и рваных образов, мчащихся сквозь мерзлый декабрьский мрак по запорошенной свежесвыпавшим снегом трассе. Трассе в окружении безмолвных деревьев, вибрирующих на ветру линий высоковольтных передач, и редких встречных автомобилей — суть ослепляющие вспышки света, расчерчивающие полотно изменчивой темноты. А еще бутылка финской ментоловой водки призывно булькает на соседнем сиденье. Откуда-то спереди доносится сонное бормотание Яна, вперившего усталый взгляд в бесконечность дороги, да сентиментальные байки Володи — о фурах, о забугорных копах, о столь любимых им рейсах, о таинственной и недостижимой Норвегии с ее фьордами, дыханием Заполярья и красной рыбой; о чем-то там еще...

— Джонни, проснись.

Вынырнув из тревожного забытья, я ежусь, потираю глаза:

— Что, приехали уже?

— Да не-е, какое там! — отмахивается Володя.

— Пойдем, кофейку хлебнем, согреемся.

Обернувшись, какое-то время смотрю на наш так называемый «груз». Затем выбираюсь из фургона, киваю покуривающему в сторонке Яну и нехотя плетусь за Володей. Перед нами ярко освещенный бревенчатый дом. Не сразу понимаю, что это какая-то дешевая забегаловка на обочине

трассы — одна из многих, призванных радовать проголодавшихся либо же изнывающих без кружки горячего чая водителей. Претенциозное название «Вечность» не порождает никаких эмоций — только если язвительно-грустную усмешку. Вот она — вечность! Беспokoйные всполохи света в шестидесятиваттных лампочках, пронизанные сквозняками волны тепла. Тусклые улыбки молодых уже официанток да фаянсовые тарелки с кучками разваренных макарон и водянистыми сосисками. Что еще нужно посреди зимней ночи? Вокруг же лишь пара-тройка занесенных снегом машин, призрачный огонек сигареты у самой кромки леса да странные люди, на лицах которых залегли глубокие тени, а в глазах — многолетняя усталость. Кто они, жители этого мистического часа, ведомые в неизвестное какими-то своими причинами? Что с ними станет — с этими заблудшими детьми Вавилона? Миг — и они исчезнут, растворятся в вое разыгравшейся вьюги, чтобы уже не встретиться мне никогда. Так или иначе, но я один из них. Впрочем, как и все мы...

Заходим внутрь кафе, и Володя уверенным шагом направляется к стойке. Он молча рассматривает выведенное кривым почерком меню, чешет затылок и роется в карманах.

— Чего тебе? — спрашивает меня.

— Так кофе... кофе...

Нам отводят столик в соседнем зале, где стены



и потолок стилизованы под открытый космос. Работа крайне посредственная, но когда в окна заглядывает взвихренная пургой тьма, это чарует. Складывается впечатление, будто взаправду смотришь в лицо вечности, силишься что-то увидеть, разобрать, а может — и протянуть руку, крепко сжать и попробовать выхватить, выдернуть обратно в наш мир то утраченное, чего уже не вернуть. Увы, все иллюзия — громкие тосты и жалостливые всхлипы, дурацкие ритуалы, в которых лицемерие тесно граничит с состраданием, а еще череда воспоминаний — как долго все это продержится? В конечном счете, больше ничего уже не останется. Человек жив, пока его помнят, но ведь рано или поздно уйдут все те, кто должен вспоминать. Есть ли до этого дело вечности? Хочется верить...

— О чем задумался? — Володя садится напротив меня, достает мобильник и кладет рядом.

К чему бы? Вряд ли кто-то станет звонить в четвертом часу утра. Тем более, сюда — в чарующе-прекрасную пустоту этого мгновения.

— Ни о чем, спать охота.

— Не продрог там?

Я поеживаюсь. Володя же улыбается, сверкает лысиной, попутно высматривая у меня за спиной официантку.



Долматович Евгений. На обочине вечности

— Да задубел, если честно.

— Оно и понятно! Что взять-то с этого драндулета? Он американский, не обшитый. Фуфло, а не машина! Ян сейчас там побродит, поищет картонку для радиатора — авось и теплее в салоне станет.

— Хорошо бы.

— Не дрейфь — все пучком будет, — успокаивает меня Володя, после чего вынимает из-за пазухи бутылку финской водки.

И когда только успел прихватить?

— Давай, что ли, отведаем продукта? Штука, скажу тебе, просто шикарная! У нас такой не продают.

— У нас много чего не продают, — отзываюсь я.

В этот момент приносят кофе — небольшие кружечки с шоколадной густотой внутри, рядом на блюдцах по пакетику сахара и упаковке сливок. А еще блинчики со сгущенкой и запеканка для Яна. Раздобыв где-то пару рюмок, Володя осторожно разливает «продукт».

— Ну что, Джонни, будем, — погрузнев, говорит он.

— Будем...

Не чокаясь, мы осушаем рюмки. Водка приторно-сладкая, словно патока, с сильным привкусом мяты — но глотается мягко, после чего усыпляющей теплотой разливается в животе. Володя не обманул — продукт действительно хороший. Не то, что наша бодяга — убойный микс из тошноты и головной боли. Но сейчас — в этом сюрреалистичном месте, где-то на задворках вечности, у самого порога обители танатоса — я бы выпил все, что угодно. Лишь бы не думать, не вспоминать о промерзлом фургоне и о том, что покоится в его недрах. Нынешним зяблым утром — с первыми лучами бледного зимнего солнца — мы будем уже в столице. Нас встретят люди, дороги и машины; клубы пара и многочисленная реклама на стендах; хрустящий снег под подошвами ботинок — и витрины, витрины, витрины. А еще очереди, регистрация, физиономии работников — столь же безучастные ко всему, как и то единственное лицо, якобы любящее, всепрощающее... Лицо, которое на иконах. От этого же мига не останется и следа. Кафе затеряется в хитросплетениях трасс, среди дремучего спящего леса и запредельно-густой темноты. А ближе к вечеру — когда все уже будет кончено — Ян высадит нас где-нибудь на углу улицы и навсегда исчезнет из наших жизней. Так или иначе, но для него это всего-навсего работа...

Проза. Реализм

Володя пойдет домой — к жене и дочке, поцелует их, съест заботливо приготовленный ужин и, быть может, завалится спать, а то и засядет смотреть телевизор. Исполненная дань уважения; краткий взмах рукой на прощание — нечего больше делать... Через неделю-другую он отправится в очередной рейс — Санкт-Петербург, Финляндия, Норвегия...

А что ждет меня? Мама. Ее заплаканное лицо и трясущиеся руки, ее скрежещущая боль и выматывающее чувство вины... Скопище фотографий, ворохи ненужной одежды, подрагивающий во мраке огонек восковой свечи... Однажды и это пройдет, свыкнется, забудется — маленький дар вечности нам: неугомонным созданиям, так не желающим мириться с установленным порядком вещей.

Но все это случится потом — позже, много-много позже. Пока же есть только кафе, кружки с быстрорастворимым кофе, ментоловая водка и скользящие вдоль стен люди-тени. А еще — фургон, в салоне которого пахнет табачным дымом и ароматизатором: импровизированный ладан повседневности. Прикурив, я на некоторое время задержу крохотный огонек зажигалки: всполох тусклого света, отблеск чьей-то жизни на окраинах равнодушной ко всему вселенной — а то и церковная свечка, выполненная из пластика, с фирменной надписью «Cricket» на боку. Такой символизм удручает — но это лучшее, что мы имеем в данную минуту, как и во все прочие минуты, часы, месяцы и годы — со времен сотворения мира и до нынешних дней. Нет, вспоминая...

2

Грезы Вавилона

...и размышляя об этой давнишней библейской легенде, я никак не желаю соглашаться с ее интерпретацией. Я понимаю суть навязываемой религией морали и якобы заложенного в самом наказании смысла, но так же обнаруживаю и некую скрытую метафоричность описанных в 11-й главе событий. Вавилон в переводе с аккадского — «врата бога», недостижимый и оттого не менее захватывающий рубеж, преступив который можно было сравняться с самим божеством, сделаться равным ему — но только сплотившись, став единым целым во имя осуществления поставленной цели. Что и вознамерились совершить люди из книги Бытия, точно так же, как того некогда жаждали Адам с Евой, вкусив запретного плода и обретя знания о добре и зле, а еще — о собственной

смертности. Это было одно из немногих отличий суетного человечества от усталых и не в меру вездесущих богов; отличие, что мы сумели постичь — может, именно оно и не давало нам покоя? Объединило нас? зародило идею равноправия? Мы боялись, но не хотели бояться; мы страдали, но не хотели страдать. Так или иначе, но, быть может, нам не столько требовалась некая эфемерная власть вкупе с гордостью за содеянное, в коих нас обвинили, сколько банальное избавление от этого архаичного страха — страха перед вечностью? Ведь однажды каждому из нас суждено причаститься этому. Никто не останется в стороне — никто! Увы, вавилонская башня так и не была достроена. Мы потерпели крах, остались наедине со своими страхами. И всяк теперь борется с ними по-разному, возводит свой личный, минимизированный вариант вавилонской башни. Кто-то находит избавление в искусстве, науке, философии; другие — в своих детях; третьи — в работе, в жизни, сутью которой является вызов этому страху; четвертые — в любви...

В любви?

Я помню, как тяжело поднимался по лестнице дед; помню, как он опирался на свою трость, изредка поглядывая на нас с Володей.

— А как там Любовь Александровна? — поинтересовался он, нашаривая в карманах ключи от квартиры. — Чего не заехала?

Мы испугано переглянулись.

— Не очень все хорошо, — протянул Володя.

— Что такое? — дед скосился на него, что-то прочел в его глазах и неодобрительно покачал головой. — Опять хулиганит, да? Ох, беда с нашей бабушкой, беда-беда. Все-то ей неймется, не живет спокойно...

Абсурдность ситуации удручала — еще и потому, что я невольно восстановил в памяти тот случай, когда однажды бабушка усадила меня в машину и повезла в военную академию, где я тогда учился. Бабушка была подшофе — и это еще мягко сказано. Но все рефлексы у нее работали на отлично — пережиток ее лихой молодости, когда она брала первые места на мотогонках. И вот на старой, пугающе дребезжащей «четверке» мы неслись по центральным улицам города, подрезали впереди идущих, проскакивали на красный свет, и — в довершении ко всему — бабушка еще умудрилась махнуть рукой побелевшему гаишнику, проводившему ее растерянным взглядом. «Знакомый мой», — радостно сообщила она. Теперь это веселит, но тогда я лишь равнодушно кивнул в ответ



— подобное для меня было не в диковинку, а знакомых у бабушки взаправду имелось предостаточно. Долгое время прожив с ней под одной крышей, выросший на ее наваристых супах и в окружении ее разношерстных друзей, я знал и принимал как данность ее непохожесть на «классических» бабушек; принимал ее сумбурность, ее эмоциональность, ее бурлящую жажду жизни — все успеть, все попробовать, всего достичь. Этот бьющий через край огонь подчинял, захватывал, а нередко и отталкивал не подготовленных заранее — но бабушке не было до них никакого дела. Так или иначе, но запоминалась она всем. А еще — как я теперь понимаю — этот огонь был ни чем иным, как вызовом неизбежности, рано или поздно должной произойти. Так решила для себя бабушка — так она и жила.

Нервно сглотнув, я шагнул к деду в квартиру. Володя следовал за мной.

— Ведь только ж вчера виделись, — с ленцой в голосе ворчал дед. — И все хорошо было... С чего бы это вдруг она сюрпризы устраивает? Дела, дела...

Увы, такого «сюрприза» никто не ожидал — ни я, сидя с Аней на затасканном диване и обсуждая какую-то ерунду, ни звонившая мне чуть позже мама, ни мирно спящий после долгой командировки Володя, ни тем более дед. А потом была бессонная ночь, рюмки коньяка, следующие одна за другой, грустная музыка на телефоне — неоклассика, эмбиент, минимализм, что-то там еще. И нескончаемые разговоры, разговоры, разговоры... От приторно-сочувственных взглядов тошнило. Но все это было сущей ерундой по сравнению с тем тотальным чувством безразличия, что холодным туманом обволокло мою душу. Я смотрел на сестру, укрывшуюся одеялом и уставившуюся в телевизор — ее лицо ничего не выражало. «Дэнь, ты там как?» — осторожно поинтересовался я, мягко при этом улыбнувшись. Она равнодушно глянула на меня, пожала плечами: «Нормально». От этого стало жутко, потому что в ее глазах я увидел все тот же холодный туман, узнал его и спохватился — может, с нами что-то не так? Почему мы не испытываем того же, что чувствует мама? Почему?!

То и дело порицая неугомонную бабушку, дед поставил на плиту чайник, достал из холодильника колбасу и сыр. Откуда-то с полки вынул хлеб и упаковку пряников. Дед был доволен, что мы его навестили, но ловко скрывал это. Мы же с Володей не находили себе места, тоскливо посматривали на бутылку первоклассного самогона в углу и

думали, как поступить дальше.

А потом — так оно случилось, что зазвонил домофон. Дед раздраженно махнул рукой:

— Кому надо — те мой номер знают. А это наверняка очередную рекламу приперли.

Он выглянул в окно, и на лице его засияла улыбка:

— Ан нет — не прав я. Это ж Любовь Александровна пожаловала!..

Я поперхнулся.

— Да-да — она самая, — сказал дед. — Вон машинка ваша стоит.

Но он ошибался — то была мама, не высидевшая дома — в окружении угрюмых стен — и решившая нам помочь. Встретив ее на пороге, дед был слегка разочарован. Пропустив маму в квартиру, он взглядом искал в подъезде бабушку, тяжело вздохнул и притворил дверь. До самого конца он не понимал, с чего это вдруг мы все разом нагрянули к нему в гости, а мигом позже, уставившись куда-то в пол, с придыханием шептал:

— Чего?! Чего?! Как... Нет, я же... только вчера... вчера!

Но «вчера» от «сегодня» отделяла целая бесконечность — непоправимая, необратимая, равнодушно-неумолимая. Бесконечность с горечью водки на языке и усталым взглядом куда-то в окно — поверх сонных крыш, на сгущающиеся сумерки и порхающие по воздуху снежинки. И мне было страшно, мне было больно смотреть на деда — потому что в отличие от минувшей ночи, в этот раз я все чувствовал и понимал. Я понимал этого растерявшего все волосы, согбенного и морщинистого старика с его подрагивающими в безмолвном плаче плечами и полными неизгладимой печали глазами; понимал его «чего?!», его «как же так?!» — и завидовал ему! Да-да — именно, что завидовал!.. Ведь в его глазах, в его словах, даже в его молчании — громогласном среди голосов и всхлипов — я видел любовь. Чувство, пронесенное сквозь годы, полное терпеливого принятия столь яркой женщины, которую избрало его сердце. Принятия ее неугомонности, ее бескомпромиссности, ее неиссякаемой энергии — а вместе с тем и определенной преданности, своеобразной любви и даже благодарности. Я хотел обладать таким же терпением, ощущать такую же любовь — не важно к кому: к Ане ли — что ждала и всячески утешала меня, не видя моего равнодушия, находя в моей отрешенности некую замкнутость человека, столкнувшегося с дыханием вечности; или же к Даше — с ее взбалмошностью, неверностью, ее нелепым

Проза. Реализм

стремлением сохранить пусть плохой, но все-таки мир в наших противоречивых отношениях, а еще с ее замшелым сочувствием и трогательными попытками как-то поддержать меня, успокоить. А может к Насте — или к Свете, Наде или Марине; а может и еще к кому-нибудь — всех и не упомнишь... Но больше всего я жаждал испытать настоящую любовь внука к своей бабушке — такую, что испытывал в детстве, когда однажды ночью тихо плакал, гадая, что же с нами станет и как быть дальше, если бабушка вдруг умрет. Детство прошло. И того, кем я стал ныне, больше не посещали подобного рода мысли — я знал, что однажды это случится, и мне было все равно. До тех пор, пока, находясь в гостях у деда, я не пожелал, чтоб мне вновь стало больно — не от зависти к деду, а из-за того, что произошло. Я чувствовал себя монстром, и нечто подобное обнаруживал в сестре. И мне было стыдно за это — перед бабушкой, перед мамой, перед всем миром, который рвался соболезновать нам, не понимая, что некоторым из нас соболезнования вовсе и не нужны. Ведь нет никакой боли — только спокойное принятие случившегося.

Так мне вспоминался вечер накануне, когда бабушка всячески пыталась завязать со мной разговор. Я же хмуро уткнулся в монитор, размышляя, какой бы дурацкий фильм посмотреть, и отмахивался от нее, как от назойливой мухи — односложно отвечал, грубо молчал, взглядом указывал на дверь. Лишь позже мне стала ясна одна особенность — тем вечером бабушка совершенно не раздражалась, как оно обычно случалось, если она видела, что кому-то надоедает. Нет, напротив, она сдерживала свой взрывной характер, была мягкая, ласковая — моя бабушка — и ни на что не сердилась. Быть может, она пыталась что-то сказать, донести до меня; быть может, предчувствуя неизбежное, она всеми силами подбирала слова, думала, гадала, но так ничего и не придумала. А я так ее и не услышал. Отказался воспользоваться своей интуицией и распознать тот намек, что дала мне вселенная. Теперь же ничего уже не исправить...

И, если вернуться к библейским легендам, полагаю, что именно в этом и заключалась суть вавилонского столпотворения — то было не смешение языков, но душ, поколений. Рвущиеся преступить за порог вечности люди не столько перестали понимать речи друг друга, сколько разучились слушать и слышать. Тем самым они обрели себя на тотальное одиночество — на ночь за окном и тусклые звезды в небесах, выцветшие,

а то и засвеченные фотографии и никому не нужные тосты, на воспоминания сроком в несколько лет и душевную боль, что неумолимо притупляется, пока не проходит вовсе. А еще на тревожные сновидения, непонятные нам, берущие свое начало в далеком прошлом мечты — грезы о недостроенной башне и том таинственном месте, куда она могла привести; грезы, обернувшиеся проклятием. И — конечно же — на забвение...

Так все мы сделали жителями окраин древнего Вавилона — разросшегося и вобравшего в себя целый мир. Мы же, глухонемые ко всему, стоим ныне в темноте...

3

На обочине

...и нервно курим. Выдохнув в морозный воздух колечко сизого дыма, Ян провожает взглядом несущийся по трассе одинокий автомобиль — еще один отблеск, вынырнувший из тьмы и через мгновение во тьме исчезнувший. Нас же продолжает заметать снегом.

Отворяется дверь кафе, и выходит Володя.

— Ну что — как там радиатор? — интересуется он.

— Да к нему хрена лысого подберешься! — выбросив окурок, разводит руками Ян. — Не знаю я, что с ним делать!

— Ну айда, поглядим что к чему...

И, пока они возятся с фургоном, я, застыв в изменчивом круге света, зачарованно рассматриваю расстилающийся передо мной монохромный пейзаж — тьма, лес, полоса дороги из ниоткуда в никуда. На обочине вечности — вот где мы оказались. Все мы...

И лишь теперь на меня накатывает волна какой-то непонятной тоски — глухой и свербящей, ноющей, лишаящей меня спокойствия, подавляющей все мои мысли. Ведь то, что было вчера и позавчера и в прошлом году — всего это уже не вернуть. Никогда! Вмиг перед глазами проносится вся моя жизнь с бабушкой. Я буквально слышу песни, что мы с ней пели, когда ехали к деду в деревню, и вспоминаю несказанную радость от ее многочисленных подарков — она всегда меня баловала. Я смеюсь, зараженный ее громогласным хохотом, ее обезоруживающей улыбкой. Я помню, каковы на вкус те супы, которыми она меня закармливала, и которые я глотал с нескрываемым удовольствием, толстая и толстая — так, что мама даже пришла в ужас, когда встретила меня после лета в



деревне. Я восхищаюсь бабушкиным лихачеством и смелостью, ее вызовом трусости и жалкому прозябанию; вспоминаю наши с ней поездки на моря и импровизированные путешествия по многочисленным столовым, директором которых она являлась... И много-много чего еще вспоминаю... А в кульминации этого калейдоскопа я словно погружаюсь в картины той жуткой ночи — окутанная подавляющей тишиной комната и торчащая из-под простыни синеватая рука, толпящиеся в коридоре незнакомые мужчины с носилками, и слезы матери, а еще ее вопрос-выкрик — видел ли я маску смерти?! Да, я все видел, мама — в том числе и эту гротескную маску, которая никак не могла быть моей бабушкой... И чуть позже мы сидели на кухне, пили коньяк. Я курил, а мама плакала, плакала, плакала, при этом неустанно потирая ладони, как будто бы смывая с них аллегоричную кровь. «На тебе нет вины», — хотелось закричать мне, но я знал, что она меня не услышит, не поймет — может быть, позже...

— Деду надо сообщить, — спохватилась мама, растирая слезы по покрасневшим щекам. — Но не по телефону. Он старый, наш дед. Я боюсь, а вдруг... а вдруг он...

— Хорошо. Завтра утром поеду к нему.

— И Вове позвони.

— Все сделаю.

Трясущейся рукой мама подносила к губам рюмку, смотрела в стылую тьму за окном.

— Я не могу ее хоронить, Жень. Не могу... опустить в гроб и закопать в ледяную землю... словно хомяка какого...

— Мам...

— Нет, не могу...

Не находя иного выхода, я согласно кивал — даже тогда, когда мама приняла окончательное решение. Мы вместе его приняли...

— Вы должны тоже поехать, — обратилась она к нам с Володей. — Ты ее внук, а ты — племянник. Она любила вас... Вы мужчины, вы обязаны проводить ее в этот последний путь... У нас в городе такого не делают, так что ехать придется в Москву... Вы... вы поедете с ней?

— Обязательно, — согласился Володя. — Обязательно поедем...

И вот каковой мне запомнится эта ночь, эта полная скрытых символов картина последнего бабушкиного пути. Все сонм беспорядочных видений и рваных образов. Сюрреалистический пейзаж, сотканный из вьюги и мрака разворачивается передо мной в виде запорошенной снегом трассы, в окружении безмолвных и безучастных ко всему деревьев, и вибрирующих на ветру линий высоковольтных передач, и редких встречных автомобилей, и бутылки финской водки на соседнем сиденье, и сонного бормотания водителя похоронного сервиса Яна, а еще — сентиментальных баек Володи. И, естественно, в виде обочины у самой кромки леса, с приютившейся здесь таинственной забегаловкой, претенциозное название которой звучит не иначе как — «Вечность».

Вечность...

А может... то было и не наказание вовсе? Может, эта потрясающая воображение сила, названная Господом Богом, лишь попыталась избавить нас от того ужаса, в коем пребывала сама — ужаса бессмертия? Смешав наши языки, души, она обратила наше внимание на нас самих. Сколь бесчувственными мы бы стали друг к другу, имей мы в запасе целую вечность? Разница поколений, возрастов, накопленной мудрости — и все это в совокупности со знанием, что никто не уйдет, не исчезнет, некого будет оплакивать, что можно плюнуть на всех и вся и ни в чем не раскаиваться. Может, горечь смерти — это единственное, что удерживает нас от полного равнодушия? Псалмы и тосты, слезы и болезненные воспоминания. А еще — имена, выведенные на камне, или на дереве, или на керамике урны — и годы жизни. Бесчисленные надписи, где среди прочих можно отыскать и такую:

«Нечаева Любовь Александровна
1938-2013»

Но... мне не известны ответы на все эти вопросы, а посему я достаю зажигалку и чиркаю колесиком. Стою так какое-то время, держа в руке этот трепещущий на ветру огонек. И позже, забравшись в фургон, молча направляюсь дальше — сквозь ночь и зиму еду кремировать мою бабушку...



Снег в тебе

Sinatra

«...Сколько нервов ты тратишь на то, чтоб быть проще, забыть про кофе и реже пить? Но с каждым днем почему-то сложнее становится просто быть.

Говорить простыми словами, не искать высших смыслов — на кой черт бы они сдались? Утром глаза только откроешь — в голове молоточком стучит: «Ну, держись!»

Под глазами — тени непрожитых снов, в крови чуть-чуть алкоголь, от запаха кофе уже мутит. Но что делать? Ведь утром надо иметь бодрый вид, рабочее состояние, заряд на свершения, настрой на задание. Вставать, идти, писать, сдавать, воспринимать, анализировать и успевать. Успевать, успевать, успевать... Как похоже на «отпевать».



Все ходы прописаны, но не тобой. И ты не ноешь, это внутренний вой. Вой, ной, гной — накопилось, пора вскрывать, резать, вправлять и отсекаать. Шрамов видно не будет, они внутри, главное — вытерпеть, доползти, зализать, зарости. Дорости до нового дня, где все проще, легче, где ты сможешь писать — не то, чего ждут, а то, от чего жжет ладони и в пальцах зуд.

Ты еще не утратил чуйку, держишь марку, не пропускаешь удар. И теряешь себя каждый день, размениваясь на азарт и угар. Но мелка монета, в пространстве уже не звенит — зато попадаешь в десятку, заполняешь обойму, и готов ко всему на вид.

Кто бы тебя отменил, обнулил, запретил быть вдвойне и втройне... Жизнь твоя катится к такой-то матери, будто на чертовом колесе. А вокруг — круговерть, мельтешение, нарастающий острый звук, а на главное — другу теплое слово, звонок родителям — не хватает ни сердца, ни рук. Вдруг...»

Вдруг гаснет свет. С легким хлопком — так перегорают лампочки. От неожиданности зажмуриваешься и понимаешь: что-то перегорело в тебе. Смолкает этот ломкий нелепый речитатив — откуда он только взялся в твоей голове? Тишина в эфире. Потемки, потеря горизонта, утрата направлений. Можно идти куда угодно, но никуда не хочется. Телефон в кармане коллекционирует пропущенные звонки, пока аккумулятор не разряжается в ноль — твой верный друг и соратник издает последний прощальный писк. С этим звуком вдруг отчетливо понимаешь, что каждый человек одинок — от рождения до смерти и, может быть, за... Безбрежно, космически.

Внезапно ты обнаруживаешь себя на улице, в коконе фонарного света посреди темноты. Как тебя сюда занесло? Глядя в лицо подслеповатому беззвездному небу, чувствуешь, что инерция, которая все еще тебя куда-то влекла, иссякла окончательно. Ни звука, ни мыслей, ни желаний. Так тихо, и так никого вокруг. И вдруг в этой тишине замечаешь — идет снег.

В тебе. Идет. Снег. Медленно, словно ощупью, отыскивает тебя, чтобы сообщить нечто важное. Поддаешься его гипнотическому кружению, оно задает новый ритм, и самое главное — указывает направление. Ведь снег идет сверху вниз, так? С неба — к тебе. И в зимних сумерках словно вырастают укрытые снегом указатели: «налево» и «направо», «прямо» и «назад» (хотя туда тебе точно не надо).

Раз есть направления, надо идти. В окружающей пустоте нет точек опоры — только ты сам. Вслушиваешься в поющую тишину, вглядываешься в зимнее спокойствие снега — пытаешься сохранить, удержать в памяти этот краткий миг, миг наедине с собой. Отталкиваешься от себя, вновь вступаешь в ломаную геометрию городских кварталов, контуженую арифметику разноэтажных жилищ. В городе идет снег. Может быть, как раз для того, чтобы ты остановился, осознал единственную возможную точку опоры, оттолкнулся и пошел дальше.

«...Ничего, перетерпим, пойми — период такой. Все хорошо или будет, не волнуйся, хороший мой».



Илинар

Я скажу вам по секрету:
У судьбы украл я нить,
Нанизал на нитку эту
Я мечты, чтоб не забыть.

Труд, скажу вам, не из лёгких —
Было некогда поспать.
Но зато какие чётки!
Буду их перебирать.

В них закаты и рассветы,
Все свои и нет чужих,
В них счастливые приметы...
Целый мир упрятан в них!

В этом мире, если плачут,
То от счастья — нет невзгод.
И дорогу на удачу
Переходит чёрный кот.

В нём довольны все судьбою,
А в домах — всегда уют,
И собаки под луною
Там не воют, а поют.

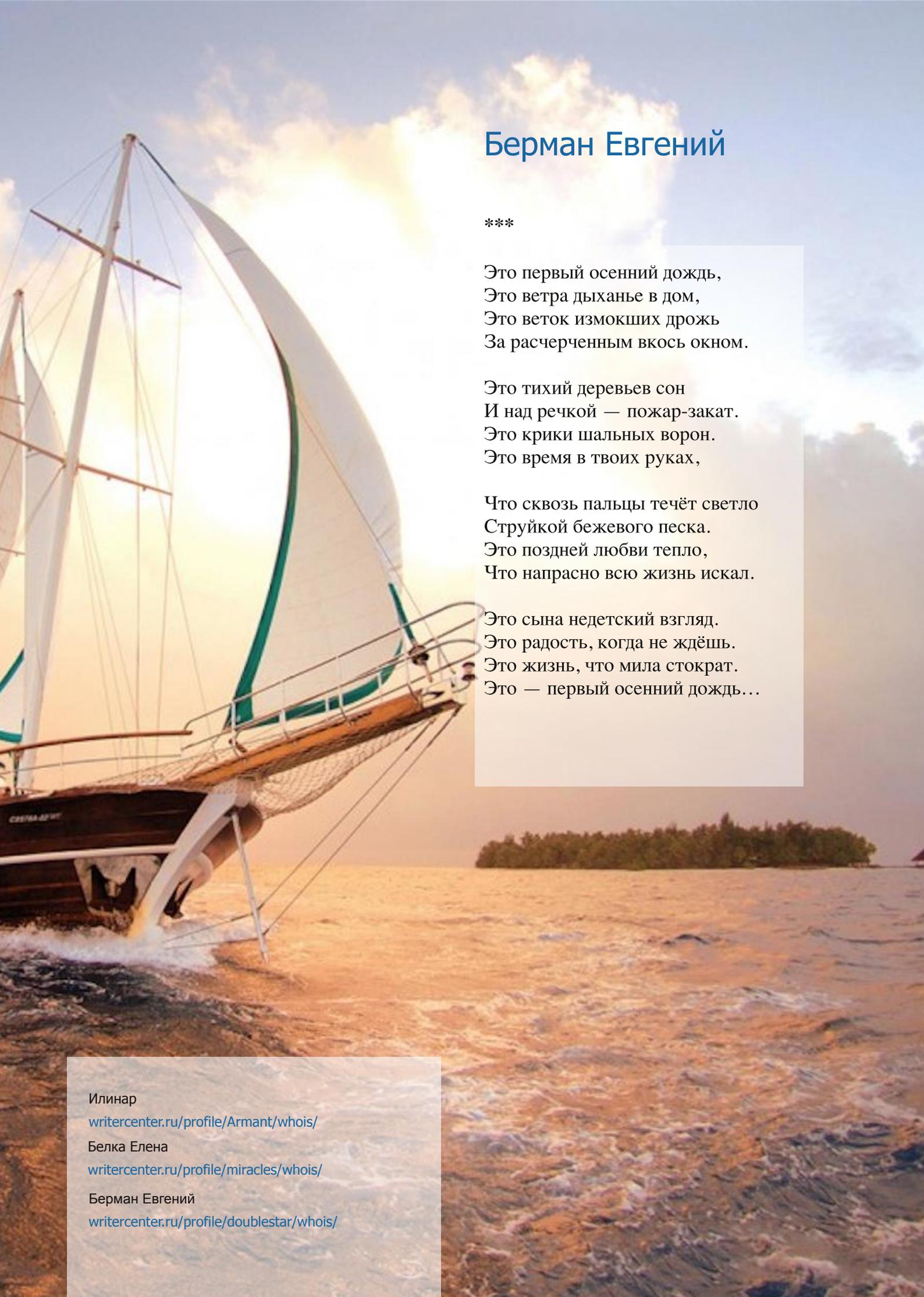
И, конечно, я не скрою,
Как мой мир увидел свет:
Я создал его любовью.
А к кому? Вот тут — секрет.

Белка Елена

О чём молчит сосновый лес?
Нет, нет... Не в сказках — настоящий?
О звездах, в темноте горящих,
Что сыплют гроздьями с небес?
О чём? О северных ветрах?
Нет, нет... Не злых и не холодных,
А дерзких, смелых и свободных,
Рождённых в дальних берегах.

В чем тайна сладостных речей?
А тихо шепчут им мистрали
Про нескончаемые дали
И сини северных морей.
Где утром розовый рассвет
Обнимет мачту с парусами,
И, соревнуясь с небесами,
По водной глади мчит корвет...

Но только ветер не сказал
И избежал опять удачно:
О чём молчит корвета мачта
В надежде обрести причал...



Берман Евгений

Это первый осенний дождь,
Это ветра дыханье в дом,
Это веток измокших дрожь
За расчерченным вкось окном.

Это тихий деревьев сон
И над речкой — пожар-закат.
Это крики шальных ворон.
Это время в твоих руках,

Что сквозь пальцы течёт светло
Струйкой бежевого песка.
Это поздней любви тепло,
Что напрасно всю жизнь искал.

Это сына недетский взгляд.
Это радость, когда не ждёшь.
Это жизнь, что мила стократ.
Это — первый осенний дождь...

Илиар

writercenter.ru/profile/Armant/whois/

Белка Елена

writercenter.ru/profile/miracles/whois/

Берман Евгений

writercenter.ru/profile/doublestar/whois/

Яна Мазманиди

Работы художницы пропитаны добротой и светом.
Яна Мазманиди создает неповторимый мир,
иллюстрируя сказки и истории о любви.



— Ваши работы необычны и узнаваемы. Как давно Вы рисуете? И как бы Вы охарактеризовали свой стиль?

— Рисую, сколько себя помню. В детском саду воспитатели делали так: тем, кто хорошо, по их мнению, рисует, они давали чистые листы бумаги, остальным — листы раскраски. Мне всегда доставались листы раскраски. Обидно было до слез! Но я хитрила — рисовала на обратной стороне. Дети смеялись над моими рисунками, и я тогда захотела во что бы то ни стало научиться рисовать. И рисовала, рисовала, рисовала. И до сих пор рисую.

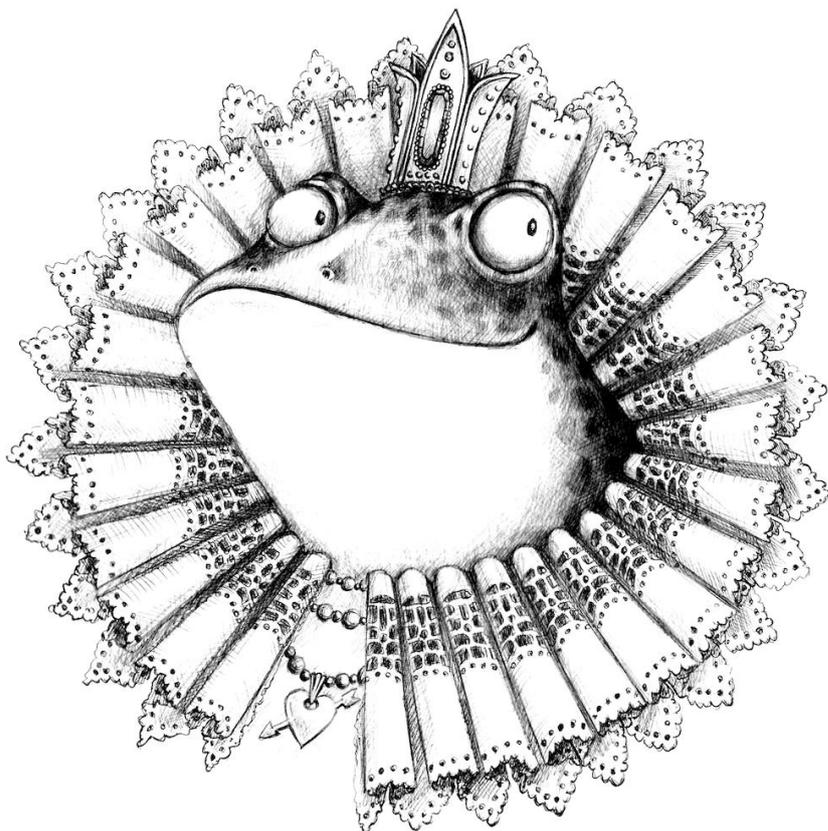
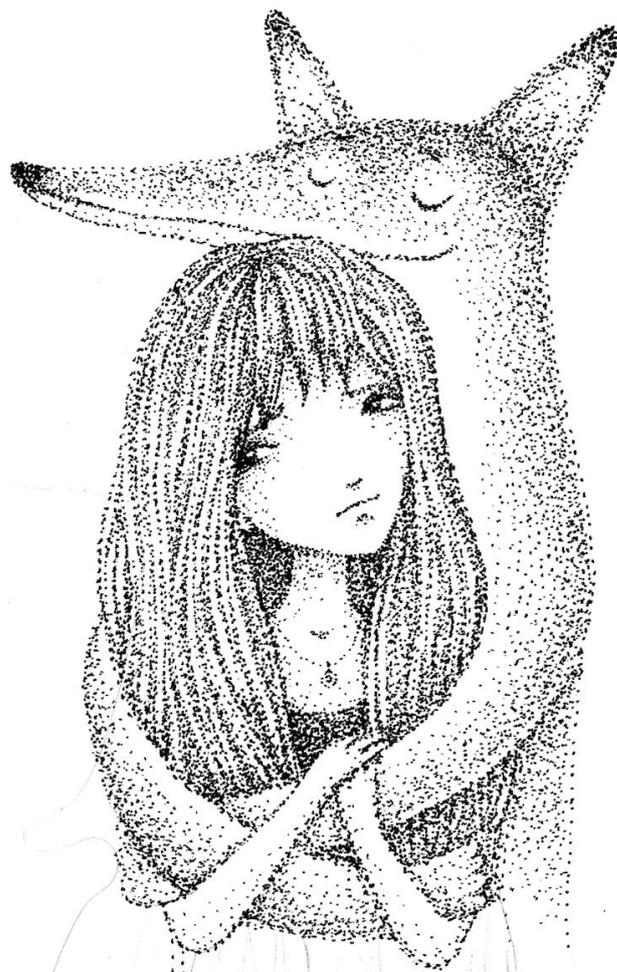
— В какой технике Вы работаете? Какую роль играет компьютер в творческом процессе?

— Мне нравится работать тушью, но в целом я рисую в смешанной технике — хочется попробовать все. Питаю пока что совершенно безответную любовь к акварельной живописи и каллиграфии; надеюсь, когда-нибудь научусь и тому, и другому, а пока остается только работать над собой.

Компьютер для художника сейчас — вещь практически незаменимая, я стараюсь сканировать все-все-все свои картинки, так что весь мой бумажный архив продублирован. А вот с цифровой живописью у меня отношения довольно натянутые, тяжело проводить за компьютером столько времени.

— Как возникает идея иллюстрации? Делите ли Вы работу на этапы?

— Я вообще не умею придумывать. Ничего никогда не придумываю. Просто беру бумагу, карандаш, и рука движется сама. Я не знаю, как так получается, но так было всегда. Будто бы открываешь невидимую дверцу, а оттуда картинки сами выбегают. Это очень легко. И совсем наоборот выходит с надуманными картинками — рисуешь, рисуешь, а все не так выходит, все не то. Поэтому я крайне редко беру работу на заказ: для меня это безумно трудно, а в результате выходит какая-то неинтересная и безжизненная картинка. Мне больше нравится вытаскивать своих принцесс и жаб из пустоты. Что касается этапов — я стараюсь нарисовать все сразу. От начала и до конца. Иногда ночами сижу, пока в глазах двоиться не начнет.

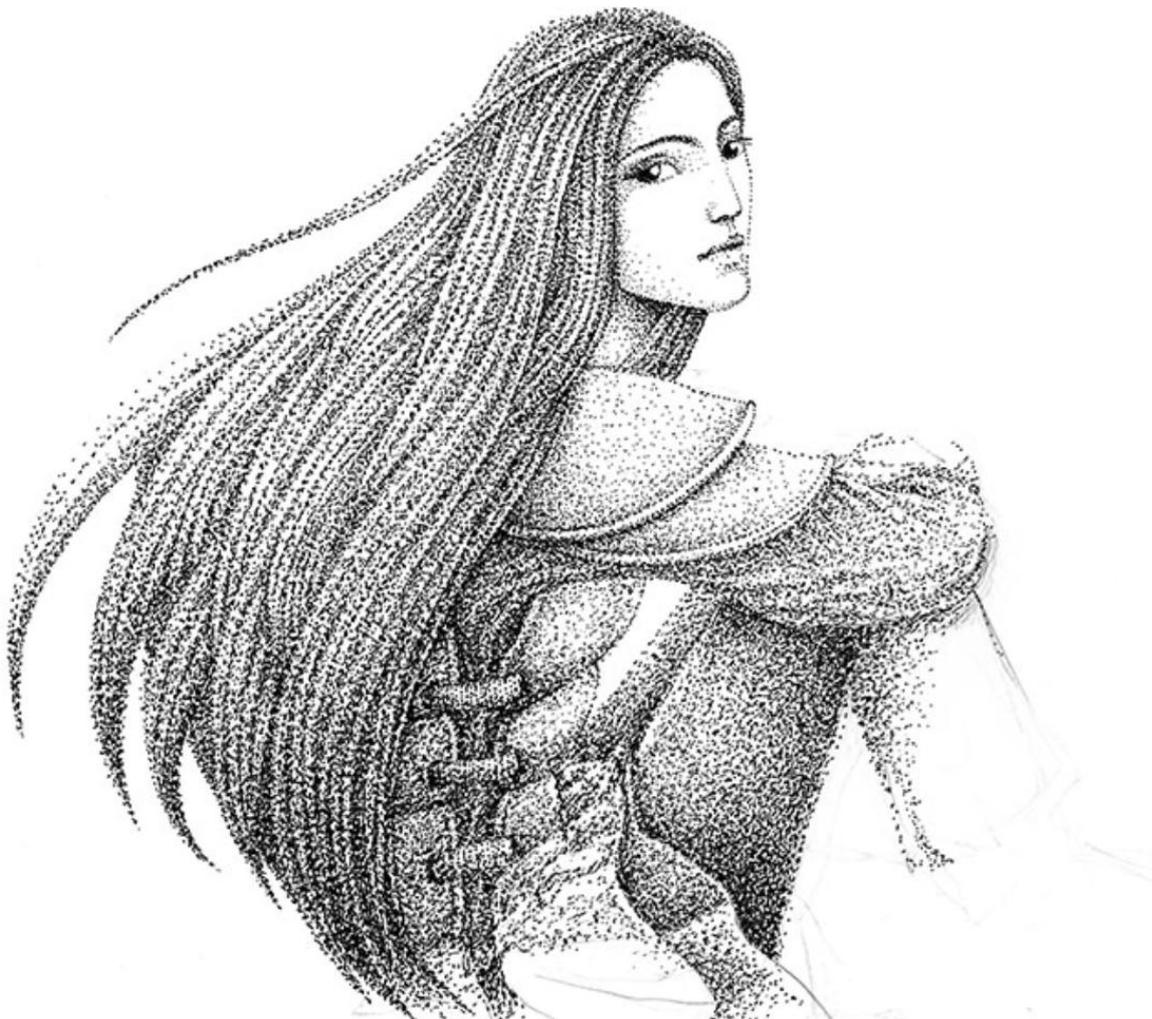
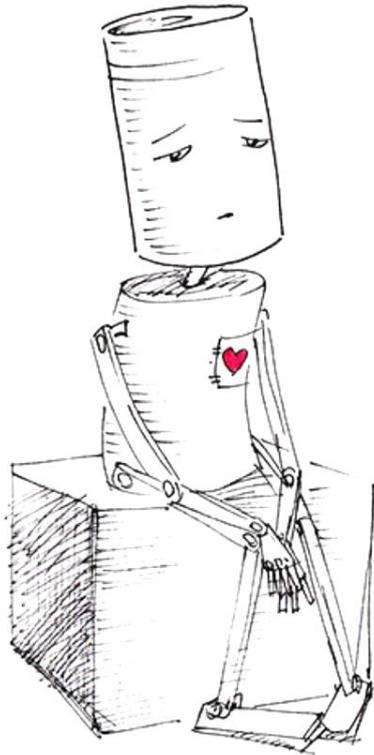


— Что дает Вам именно такой вид творчества?

— Я получаю огромное удовольствие от рисования! Это всегда какое-то маленькое чудо: из белого листа и черной туши получается сказка. Разве не здорово?

— Заменит ли в будущем цифровая иллюстрация классическую книжную графику?

— Цифровая иллюстрация — это чудесно. Но классика останется классикой, есть в ней что-то такое... какая-то необъяснимая прелесть, какая-то магия... Так что, думаю, в будущее они войдут вместе, крепко взявшись за руки.



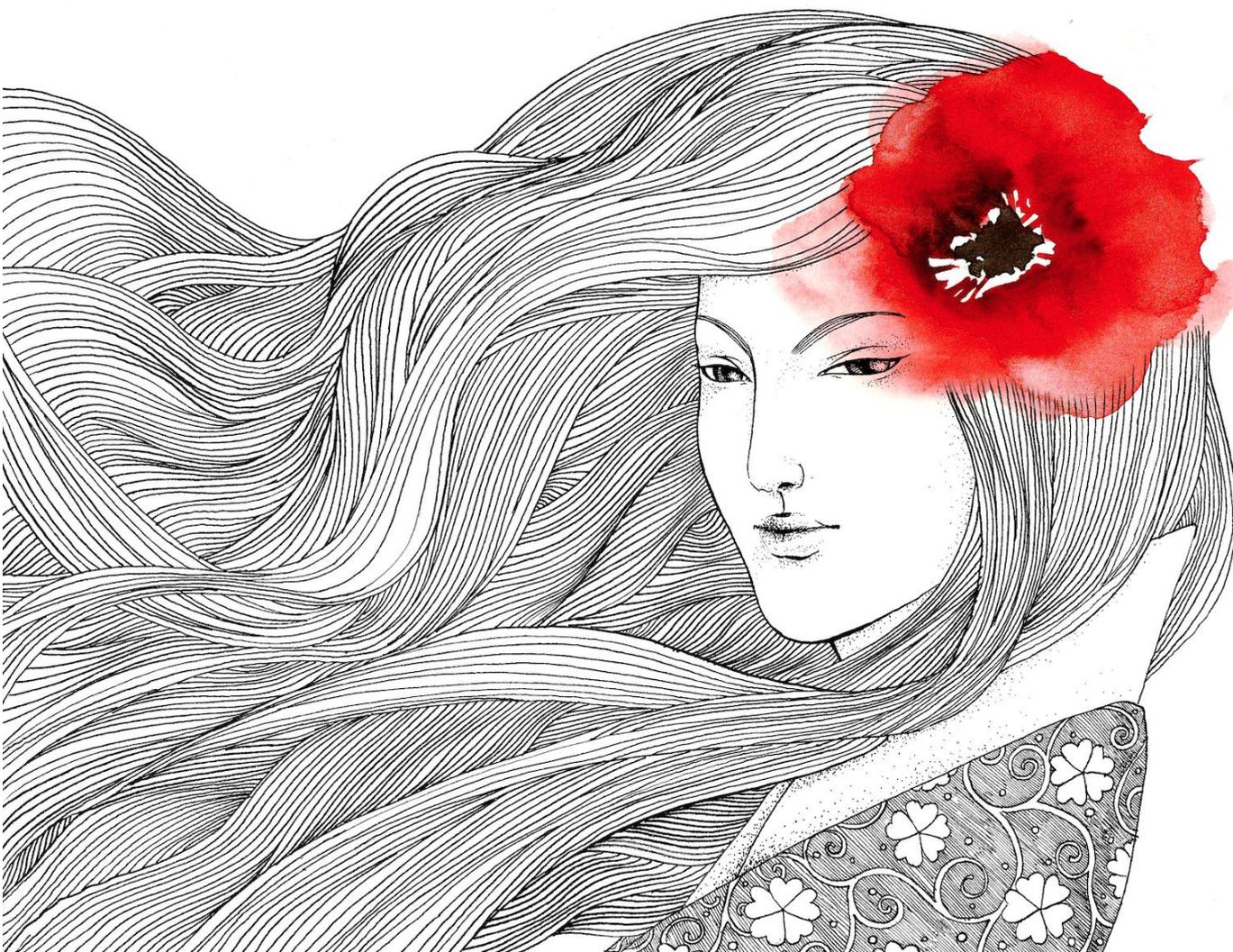
— **Несколько слов о себе.**

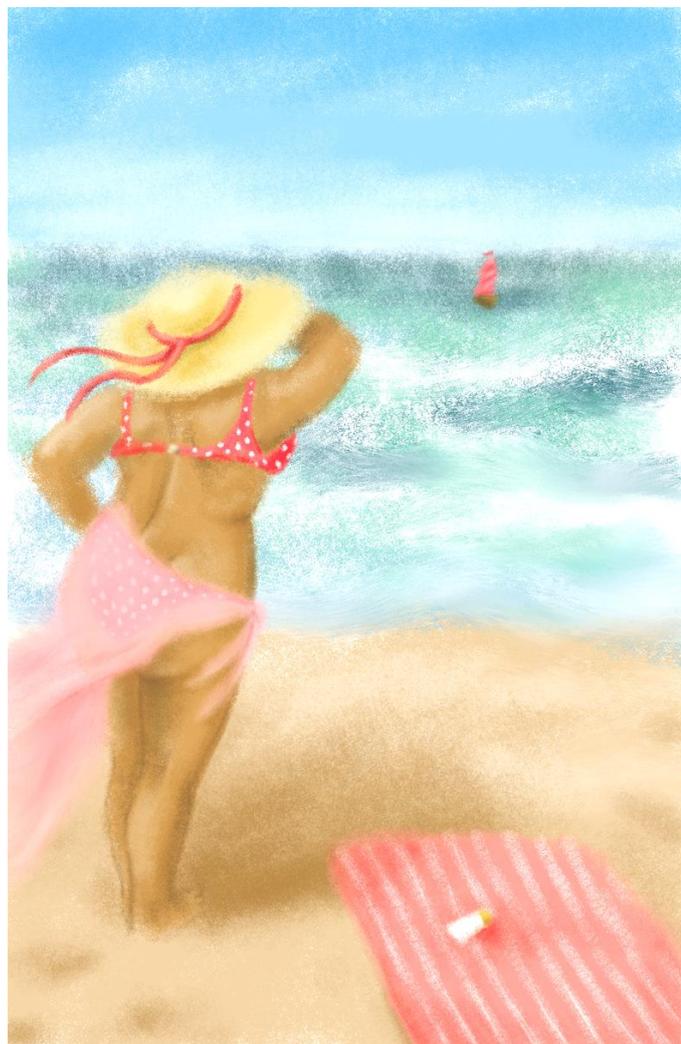
— Вообще-то я выпускница филологического факультета. И работаю на серьезной взрослой работе. А рисование — это любовь всей жизни. Еще я пытаюсь учить японский. Трудно.

В детстве пойти в "художку" не получилось — все казалось, что там чему-то не тому учат, так что созрела я только в 25 лет и поступила на курс книжной графики, который и закончила с отличием.

3 года — это очень мало на самом деле. Только карандаш научилась держать правильно, а уже дипломную надо делать.

Делаю работы для местного детского журнала "Акбузат". А по большому счету рисую, потому что не рисовать не могу. Если получается что-то продать — здорово, нет — ну что ж, тоже ничего страшного.







— **Любимые писатели и произведения.**

— "Идиот" Достоевского, да и вообще все творчество Достоевского, "Севастопольские рассказы" Толстого, "Палата №6" Чехова, "Иуда Искариот" Андреева, рассказы Гаршина, Кортасара, "Сто лет одиночества" Маркеса, "Колыбель для кошки" Воннегута, стихи Мандельштама, Есенина, Бродского, Пастернака, Лорки... ой, много всего. И очень-очень-очень люблю читать сказки и мифы народов мира. И еще научно-популярную литературу — вроде Хокинга и Саскинда (к физике у меня тоже безответная любовь).

— **Над каким проектом работаете в данный момент?**

— Сейчас я бросила все силы на изготовление подарков для друзей — открытки, картиночки, шкатулочки. Так уж вышло, что 90% моих близких празднуют дни рождения в октябре-ноябре. Горячие месяцы для меня.

Беседовала Ула Сенкович

Художник Яна Мазманиди

mazmanidi.ru

Ула Сенкович

writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/





by Lucio Ranucci

Санчес

Знаешь теорию волновых струн?
ЛГУН!
Признайся, волнует.
Нередко проснешься среди ночи,
и точит.
Точит —
нет мочи.
Взвыл бы на луну,
будь один —
Она
в углу.
Давно пора рассказать,
Да мнишь себя мыслью, что отпустит.
Мол,
не время для грусти,
есть примеры и хуже...
Ну же.
Ну же!
Лежишь, вперив взгляд в пустоту,
вспоминая ту,
которой имя Вчера.
И там же твоя мечта.
Среди других якорей.
Скорей бы,
скорей!
Унять эти струнные —
такие шумные.
Бывало, услышишь случайно,
И в дрожь.
Замрешь —
не ее ли скрипка
царапает хлипкую стену
мирка из папье-маше?
Туше.

Кольнет где-то в сердце
и обратно на дно.
Гуно...
Нет.
Она в то время играла Баха.
От страха.
От боли.
Потому то было свое «вчера».
Обречена...
Вздригнешь.
Так же обреченно пойдешь дальше,
уже без фальши.
Без улыбки, сводящей скулы.
Куда-то вперед.
Куда-то, как можно быстрее.
В трей.
А как быть ночью?
Никуда ведь не деться.
От сердца.
От собственных мыслей,
нанизанных на хвостики нот:
«Вай нот»?
Ответ давно найден,
Но музыке до этого нет дела.
Чувствуешь ее всем телом.
Ее бесконечный сигнал:
«Предал!»
Доносится прямо из черной дыры внутри.
Пока не устанет.
Пока не затихнет задушенный сном —
все норм...

Санчес

writercenter.ru/profile/CrazySashka/whois/

by Lucio Ranucci

poramoralarte-exposito.blogspot.de/2014/12/lucio-ranucci.html



Рассказ занял 1-е место на конкурсе рассказов "Огни Самайна"

Первый снег

Grettxen

Ты все спрашиваешь, почему по осени меня не вытащить из дома, особенно когда выпадает первый недолговечный снежок. Изволь. История эта покажется тебе невероятной, и я крепко рискую репутацией, рассказывая её. Надеюсь, она позволит нам лучше понять друг друга, а не станет поводом для насмешек или неверия.

Тогда я была молода, а мир катился к чертям: шел 199...-й год. Странное время; вспоминается, как бесконечная череда вьюг. Мы с друзьями арендовали комнатку в подвале одной из церквей Васильевского Острова. Церковный купол венчался огромной фигурой ангела. Его было видно почти с любой точки Острова. Здание порядком пострадало за годы советской власти, и новый батюшка старался хоть как-то собрать денег на реставрацию. Во всяком случае, мне хочется думать, что наши копейки шли именно туда.

Отец Игорь был приветлив, но изможден лицом, и черный подрясник подчеркивал его бледность и худобу. Он однажды навестил меня в снятой камерке, внимательно поглядел на ряд деревянных матрешек, которые я расписывала, спросил о чем-то незначительном и больше не появлялся. В подвале, сводчатом, гулком, было холодно и сыро. Когда-то здесь располагался геологический НИИ, от ученых кое-где остались полупустые шкафы со склянками, ретортами, забытыми образцами минералов. Пол был бетонный, но кое-где оставался земляным. В длинном коридоре от входа до нашей камерки поверх плотно утрамбованной земли лежали доски. Видать, по весне становилось совсем сыро — Нева несла свои воды буквально в паре десятков метров. Мне понравилась камерка именно этим прямым сообщением с выходом — сидя за рабочим столом, я могла видеть всякого, кто спускался по истертым ступеням. Здесь работалось лучше, чем дома — ничто не отвлекало.

Остальные комнатки располагались гребенкой вдоль хода. В одной из них было под потолком небольшое окошечко, но чтобы в него взглянуть, требовалось влезть на табуретку. Здесь же, в углу, зияла дыра размером чуть меньше футбольного мяча. Оттуда тянуло холодом. И хоть от нашей камерки её отделяло комнат пять или семь, я не поленилась найти доску и положила поверх. Этот смотрящий из угла черным оком лаз мне совсем не нравился.

Желающих снять соседние комнаты не нашлось, и я могла бродить, где вздумается. Но предпочитала сидеть в своем закутке. Включала трамвайную печку (на которой можно было при



Художник Елена Маркова



случае и чаю вскипятить), ставила её под стул и рисовала-рисовала-рисовала, стараясь не думать о бесконечных сводах и пустых комнатах. Матрешки смотрели неживыми прекрасными глазами, сияя поталью*.

По вечерам каморка наполнялась веселыми голосами и музыкой — друзья приходили репетировать. Играли free jazz, и мелодии под гулками сводами порождали ощущение побеждающего хаоса. Особенно угнетали звуки дудки из черного дерева. Корявая, всего с тремя дырочками, она издавала поистине нечеловеческие ноты и была предметом гордости Ивана, раздобывшего её где-то на Удельной барахолке. Тип, продавший ему инструмент, по словам Ивана смахивал на клиента Скворцова-Степанова** и даже денег не взял. Мы над Иваном посмеивались, мол, а за что деньги-то брать? Из неё мелодии даже не выдуть.

Я иногда оставалась послушать музыку, после Ваня провожал меня до троллейбуса. Мы шли пустынной набережной, почти всегда молча.

Приближалась зима. С каждым днем в подвале становилось все холодней и, выходя на свет божий, я удивлялась разнице температур. Осенний воздух был куда теплее подвального.

В тот вечер Иван пришел раньше остальных. Наверху еще шла служба, на улицы спустились сумерки, и последний вечер октября гнал мокрые листья по церковному саду. Я стояла на табурете в дальней комнате, вглядываясь в сумрак за оконцем, слушая далекое пение хора и ветер. Листок припилило порывом к мокрому стеклу, он повис, как распятый, потом его унесло куда-то дальше, в подступающую ночь.

Раздался резкий заунывный звук. Он прозвучал как чей-то стон за стеной. Но это была всего лишь Иванова дудка. Спрыгнув с табуретки, я пошла в каморку. Странное дело — я не услышала, когда Иван прошел мимо.

Музыкант стоял рядом с моим столом, освещенный светом единственной лампочки и сосредоточенно дул. Впервые я распознала если не связную мелодию, то какие-то обрывки её.

Ваня восторженно посмотрел на меня:

— Во сне понял, как мелодию выдуть!

И он снова заиграл. Я поморщилась. Музыка, хоть и более-менее связанная, мне не нравилась.

— Ты помнишь, батюшка просил не репетировать, пока служба не окончилась?

Иван отнял трубку от губ. Глаза у него были собачьи — карие, внимательные, грустные.

— Да кто там услышит-то, — неуверенно

произнес он, а потом добавил: — там, знаешь, как дует, на улице? Ураган прям.

— Да, я видела. Чай будешь? Поставлю.

— Да не, — он осторожно провел пальцами по дудке, будто отвечал ей, а не мне.

Я закатила глаза и установила на печурке железную кружку — согреть кипятку. Ваня снова заиграл.

Мигнул свет. Раз и еще. А потом стало темно.

— Эх, опять пробки полетели, — вздохнул Иван и зашуршал чем-то в карманах. Я ощупью нашла на столе спички и небольшую, вставленную в реторту свечу. Огонёк затрепетал. По потолку поползли причудливые тени.

Где-то в шкафу звякнула геологова посуда, потом стало тихо.

— Надо же, — почему-то шепотом сказал Ваня, — я и не знал, что здесь такая тишина. Негромко затрещал фитиль свечи, Иван припал к своей дудке.

Я села над быстро остывающей печкой и стала переобуваться. Без электричества в подвале становилось невыносимо холодно уже минут через десять, о работе на сегодня можно было забыть. И почему-то было обидно, что Ваня так увлечен своей музыкой...

Пламя свечи задрожало, заметались тени на гладкой бетонной стене за моим столом. Я глянула мельком через плечо — что там такое? Что-то будто шевельнулось в полутемном углу. Не завязав ботинок, привстала, подняла свечу. От пола вверх по стене расходилась сеть быстро темнеющих трещинок. Сквозь них сочилась вода. Свет дрогнул.

По полу будто судорога прошла. А Иван играл. Теперь мелодия оформилась окончательно, и мне показалось, я её где-то слышала раньше. Я мало что смыслю в музыкальных инструментах, но мне кажется, такую музыку нельзя было извлечь из неказистой дудочки. Пол, своды и стены дрожали все сильнее. Я вскочила — на одной ноге тапок, на другой — ботинок, схватила Ивана за руку. Вспомнился черный лаз в комнате с окном. И оттуда, из чернильной пустоты, что-то лезло, сдвинув мою дощечку. Видение это было таким ясным, словно я действительно могла видеть сквозь стены.

— Да перестань ты уже! Прекрати!

Лицо Ивана было совершенно белым в неверном свете свечи, глаза окаменели, подернулись мутной пленкой. Он играл и играл. Я беспомощно оглянулась — бежать темным коридором мимо страшной комнаты? Остаться здесь, с этими ужас-

Проза. Мистика

ными звуками? По стенам каморки расплзались трещины. Здание содрогнулось от самых своих корней до огромного ангела на шпиле. Вторя музыке, раздался вой и низкий гул. Шел он со всех сторон из-под земли, воздух уплотнился и завибрировал.

— Ваня, Ванечка! — в нарастающем грохоте я трясла его за руки, пытаюсь оторвать проклятую дудку. Но она будто срослась с его лицом, черной змеей впиваясь в посиневшие губы. Я потащила его на выход, уже молча, сжав зубы. Прямо над моим ухом раздался хохот и стук копыт. Стены, дрожа, расплывались в сыром мареве. Сквозь них я видела плотно слежавшуюся землю, мерзлую, окаменевшую перед лицом зимы. Она наполнялась темной водой, тяжелея, раздаваясь под напором. И по самые макушки скрытые, двигались сквозь земляной покров и воду слепые всадники, небрежно разбрасывая копытами смерзшиеся комья. Со всех сторон острова пробивались они к церквушке. Привлеченные звуком? Поднятые какой-то иной силой? Я не знаю. Наваждение мелькнуло и погасло, я дернула Ивана изо всех сил, он вздрогнул и шагнул за мной к выходу. Длинным коридорчиком предстояло нам добраться до ступеней, что вели наружу, в сонный дворик за церковью. В этот момент где-то далеко наверху раздался страшный грохот и будто крик сотен голосов, заглушенный землей. Там, снаружи, что-то прогрохотало по куполу и тяжело грянулось оземь.

Мы шагнули в темноту. Огонек свечи дрожал, бросая нам под ноги резкие тени. Иван уже не играл, но мелодия не думала прекращаться. Или мне это только казалось? Пол все трясся. Доски под нашими ногами чавкали в быстро поднимающемся иле. Стоило на миг остановиться, и живот мой скрутило судорогой. Так бывает, когда мчитесь вниз карусель...

— Господи, да она же... — я не успела договорить, Иван споткнулся и встал на колени. Я обернулась, чтобы поднять его, и остолбенела — они были здесь. Поднимаясь от пола, выступая из стен, грозные тени на фоне догорающей вдалеке свечи. Под их копытами сверкали брызги. Им было тесно в черном подвале, они толкались, перетекая друг в друга, извиваясь подобно клубку змей. Склизкий шорох и стук копыт неслись со всех сторон. Я упала перед Иваном, обхватила его, чувствуя, как горячо потекло по ногам. Что-то холодное коснулось моего лба, как будто снежинка.

— Прости меня, — прошептал Ваня. Свеча догорела.

Вместе с тьмой опустилась тишина.

Мы стояли друг перед дружкой на коленях, в темноте, погребенные под сумрачными сводами, гранитными плитами, ногами прихожан, пыльными ликами икон, вычурными колоннами, тяжелым куполом и глухим, без единого просвета, небом, что, набухнув водой, опускалось все ниже, ниже...

Застучало по ступеням. Кто-то шел к нам с улицы, громыхая ключами.

— Живые, что ль? Ребятки?

Я встрепенулась, встала, потянула Ивана вверх. Он как-то деревянно поднялся, будто пьяный. Скрипнула дверь, на ступенях показался батюшка с керосиновой лампой в дрожащей руке.

— Фух, слава Богу, все в порядке, — заговорил он быстро, торопливо озирая что-то за нашими спинами. Молча, не отпуская иванова рукава, я двинулась к выходу. Прочь, прочь отсюда. Батюшка вытер лицо, вдохнул поглубже. Бежал он, что ли? Так запыхался...

Мы выбрались во дворик, и уже тут меня прорвало. Я хохотала, глядя на осколки каменного ангела. Ветер нес по воздуху сор и ветки. Иван молча смотрел. Глаза его были уже вполне человеческие, живые, в них застыл ужас.

Батюшка взял меня под локоть, повел в сторожку:

— Давай-ка, голубушка, чаю надо. Горячего. Лица на тебе нет, — неприятно холодила руку его мокрая насквозь ряса. И этот холод отрезвил меня, успокоил. Всхлипывая и икая, я зашагала за батюшкой, Ваня — следом.

В сторожке было жарко натоплено. Сторожиха сидела в темной рубахе и платке по самые глаза. Пока она отпаивала нас с Иваном, батюшка принес длинную юбку и мой ботинок: «На-ка вот, переоденься. Да и переобуйся». Иван сидел истуканом, не морщась глотая кипятков. Дудку свою он где-то обронил.

Не дожидаясь расспросов (а что было спрашивать — откуда всадники?), отец Игорь затараторил:

— Ветрище-то какой! — и, не дождавшись реакции, продолжил: — Ангела жалко. Войну пережил, а такую напасть — нет.

Он тяжело вздохнул и вышел вон. Сторожиха, будто только и ждала его ухода, заговорила быстро-быстро, будто самой себе:

— Жалко вас, детишек, совсем молодые еще.

Кое-как нацепив узкую юбку поверх джинсов, я пододвинулась ближе, а она продолжила, довольная, что слушают:

— Я ведь и говорю — тут пока институт был, такой дряни под полы закопали, ужась! Геологи



всякого понапривозили, а куда девать? Вот и за-капывали. Нельзя в том подвале долго-то! — Она назидательно подняла палец. — Тяжелые металлы! Последнее явно говорила с чужих чых-то слов и гордилась этим своим знанием.

Я кивнула.

— Спасибо за чай, мы пойдем.

Старуха пожевала губами, вздохнула.

— Да и раньше, тут, говорят, всякое творилось... Церковь не зря построили, вроде как охрана.

Так и подмывало ответить, мол, не работает ваша охрана ни черта. Но просто поблагодарила за чай: бабке тут сидеть еще до конца дней, а нам пора. Дома ждал душ и горячий чай.

— Пойдем, Ваня.

Он встал, все такой же заторможенный и молчаливый, и мы выбрались в узкий Т-в переулок. Здесь до сих пор сохранилась старая мостовая, Иван спотыкался о камни и вдруг тихонько заплакал. Мы остановились.

— Ну что ты, Ваня? Все же позади.

Я обняла его, взяла за руку. Холодная твердая ладонь камнем легла в мою. Где-то далеко впереди сквозь шум ветра и дождя послышался перестук копыт. Ваня высвободился из моих объятий, отступил на шаг и достал из-за пазухи дудку.

Лицо его исказилось мукой, карие глаза будто выцвели, он силился что-то сказать. И когда наконец сумел разлепить губы, слово было:

— Беги.

Я схватила его за руки, потянула. Он грустно покачал головой, поднес к губам сверкнувший черным мундштук. Я кинулась к дверям сторожки — заперто. Заметалась по узкому переулку, слыша звуки уже как будто со всех сторон. Но где-то за пеленой дождя и ужаса был ярко освещенный С-й проспект, я видела. Спешили люди, проехала машина. Я бросилась туда. Позвать кого-нибудь, срочно! Сияясь закричать, только зря разевала рот. Это было как во сне, когда хочешь завопить, а никак. Юбка, намкнув и отяжелев, полоскалась вокруг ног, спутывая шаги. Я споткнулась, грянулась на острые камни и, вставая, мельком глянула назад. Всадники входили в переулок со стороны Невы, поднимаясь из-под тротуара единой черной массой. Тоненькая Иванова фигурка преграждала им путь. И когда он заиграл, они обступили его со всех сторон, подобно клубам дыма. Повалил снег.

Когда наконец добежала до проспекта, из-за угла, словно там ждали, вышагнули мои приятели-музыканты, спеша на репетицию. Из истеричных выкриков они поняли, что дело плохо, и бросились к церкви. Я не смогла себя заставить вернуться.

Ивана не нашли.

Наутро город стал белым-белым.

Я много лет помнила эту историю смутно, как сон. Она постепенно гасла в прошлом, казалась все менее реальной. Да и сейчас не вполне я уверена, все ли было именно так? Были ли всадники в подвале? Вряд ли, скорее, мне это привиделось. Им там было бы просто негде развернуться, да и церковь все-таки, святая земля, откуда там быть такой нечисти. Но Ивана, стоящего в кругу с черной дудочкой у лица, я не могу забыть.

Я избегаю Васильевского Острова, не люблю сырости и первого снега.

Про захоронения в подвале сторожика не врал — после осенней истории я всю зиму провалялась по больницам, и врачи вынесли диагноз «поражение щитовидной железы солями тяжелых металлов». Всё спрашивали, на каком вредном производстве успела поработать, невольно косясь на мою раннюю седину.

Пару месяцев назад мне пришлось проходить мимо старой церкви. На фоне вылизанного города она выглядит ужасно: купол обшарпан, новый ангел лежит во дворе, прислоненный к забору, сеть морщин покрывает все здание. Я слышала, что реставрация здесь была, не один даже год велась. Но не помогает. Что-то неуклонно подтачивает эти мощные древние стены.

Из нашей компании Ивана больше никто не видел. Но стоит мне поздней осенью выйти на набережную, сквозь дождь и ветер я слышу ту музыку.

Так что пойми меня правильно. Мы обязательно пойдем с тобой гулять, когда зима окончательно обоснуется в городе, и он заполнится привычными звуками, а не заунывным плачем и мольбой черной дудки. А пока мне лучше побыть дома.



*Поталь — тонкие листочки фальшивого золота, изготавливаются из сплава меди и цинка, употребляются для нанесения позолоты.

**Скворцова-Степанова — лечебница для душевнобольных недалеко от станции Удельная.

NeAmina

Про Бабайку

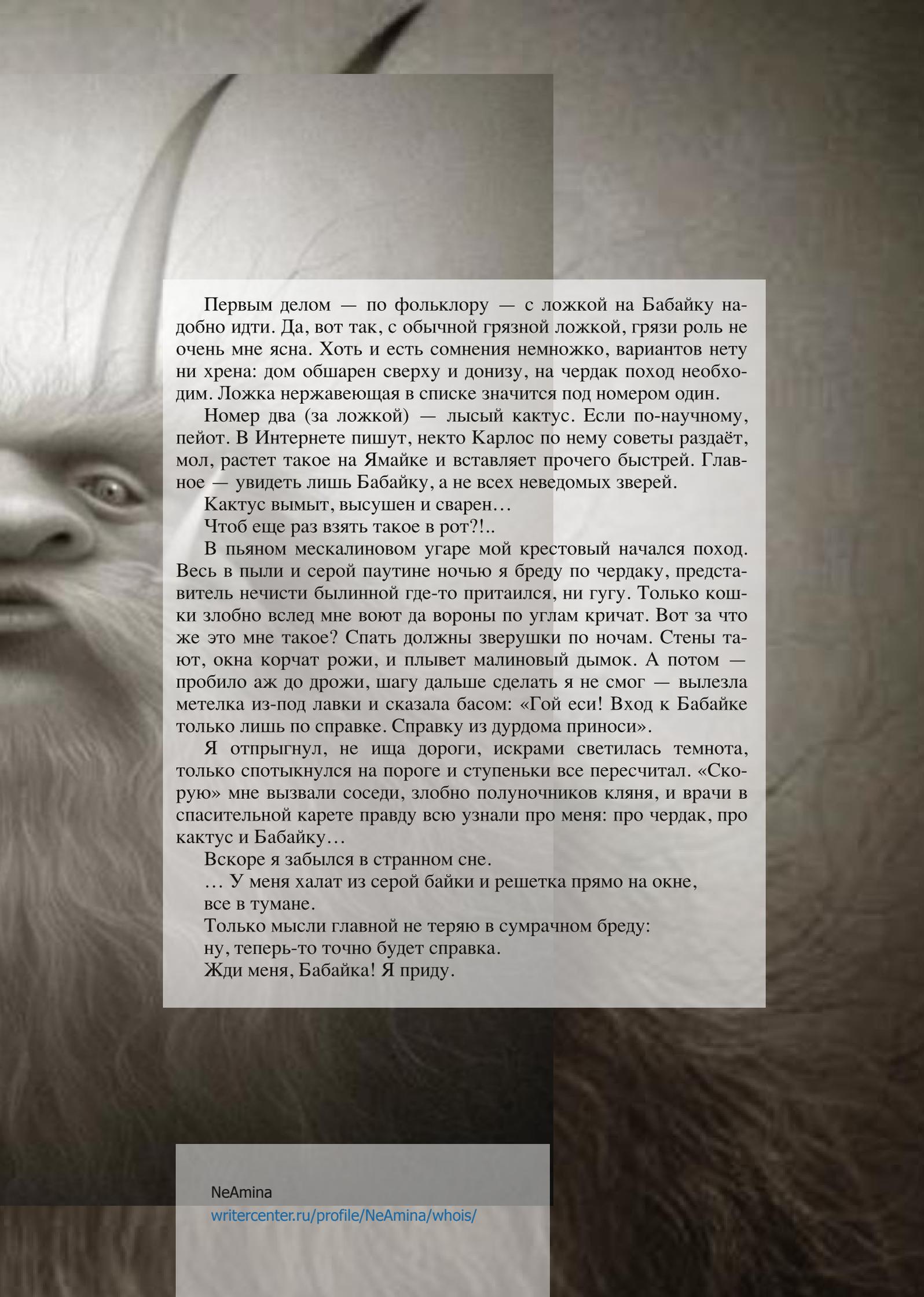
! ! ! !

Началась вся эта заморочка просто с разговоров во дворе. Дом, где я живу, большой и прочный, хоть и был построен при царе. Этажи, лепнина, купол крыши — гордое величье старины. Но соседям — тем, что жили выше — звуки с крыши разные слышны: то завоет ночью, то застонет, то скулит, как в прериях койот, то играет громко на гармонии и частушки матные поёт.

Бабушки гуляют на лужайке, бабушки сурово говорят, мол, шалит под крышею Бабайка. И на внуков бросят строгий взгляд. Только и поежишься, уж слишком: люди во дворе не дураки.

А в мозгах отложится мыслишка: вот бы познакомиться с таким.

Что же дальше: очень-очень скоро, опросив бабулек местных всех, отобрав жемчужины фольклора, оценил я шансы на успех. Разное болтают, но прознай-ка, правда или взято с потолка. Если ж там и впрямь живет Бабайка и глядит в окошко чердака? Шибуршит, играет на гармошке — посиди-ка днями взаперти.



Первым делом — по фольклору — с ложкой на Бабайку надобно идти. Да, вот так, с обычной грязной ложкой, грязи роль не очень мне ясна. Хоть и есть сомнения немножко, вариантов нету ни хрена: дом обшарен сверху и донизу, на чердак поход необходим. Ложка нержавеющей в списке значится под номером один.

Номер два (за ложкой) — лысый кактус. Если по-научному, пейот. В Интернете пишут, некто Карлос по нему советы раздаёт, мол, растёт такое на Ямайке и вставляет прочего быстрее. Главное — увидеть лишь Бабайку, а не всех неведомых зверей.

Кактус вымыт, высушен и сварен...

Чтоб еще раз взять такое в рот?!..

В пьяном мескалиновом угаре мой крестовый начался поход. Весь в пыли и серой паутине ночью я бреду по чердаку, представитель нечисти былинной где-то притаился, ни гугу. Только кошки злобно вслед мне воют да вороны по углам кричат. Вот за что же это мне такое? Спать должны зверушки по ночам. Стены тают, окна корчат рожи, и плывет малиновый дымок. А потом — пробило аж до дрожи, шагу дальше сделать я не смог — вылезла метелка из-под лавки и сказала басом: «Гой еси! Вход к Бабайке только лишь по справке. Справку из дурдома приноси».

Я отпрыгнул, не ища дороги, искрами светилась темнота, только спотыкнулся на пороге и ступеньки все пересчитал. «Скорую» мне вызвали соседи, злобно полуночников кляня, и врачи в спасительной карете правду всю узнали про меня: про чердак, про кактус и Бабайку...

Вскоре я забылся в странном сне.

... У меня халат из серой байки и решетка прямо на окне, все в тумане.

Только мысли главной не теряю в сумрачном бреду:

ну, теперь-то точно будет справка.

Жди меня, Бабайка! Я приду.

Же вымерший дом

Фомальгаут Мария

Ещё не верю себе.

Смотрю через толпу, поверх голов, говорю себе — так не бывает.

Потому что...

Потому что не может быть.

Все-таки бросаюсь туда, через толпу, кто-то отталкивает меня, кто-то больно бьет локтем, парень, ты куда прёшь вообще...

На Кудыкину гору, блин... воровать помидоры.

Бросаюсь наперерез через дорогу, свет фар, оглушительный сигнал, выворачиваюсь из-под колес, мерс врзается в угол дома, водитель бросается за мной, парень, я те щас башку отвинчу... Даже некогда сообразить, жив я или умер. Бегу по улице, все еще не верю, что просто померещилось. Бегущего водителя сбивает трамвай, не оборачиваюсь, спешу...

Только не исчезай.

Даже если ты глюк, морок, наваждение — не исчезай...

Нет. Не исчезает, все так же виднеется далеко впереди — дом.

Да не какой-нибудь бизнес-центр в сто этажей, и не какая-нибудь контора, которая завтра рухнет, и не квартиры, которые риелторы лепят из воздуха. Старый дом, с покатою крышей, с башенками, смотрит блестящими окнами, приветливо приоткрывает дверь, и уже вижу, как в глубине дома светится огонь в очаге.

Бегу к дому, тротуар расступается под ногами, проваливается, еле-еле хватаюсь за обломки асфальта. С-суки, а ведь по радио объявляли сегодня, мол, всё спокойно, гуляй, народ...

Ага, щас.

Сам виноват, давно привыкнуть пора, если радио говорит, что всё нормально, жди беды.

Жду беды. Кое-как забираюсь на тротуар, спешу к дому. Асфальт уже совсем разошелся на мелкие кусочки, прыгаю с островка на островок, кто-то кричит с улицы, парень, ты уж давай сразу в бездну прыгай, и дело с концом...

Спешу к дому. Настоящему. Почему-то жду, что дом убежит, мало ли, испугается человека. Или наоборот, поспешит к человеку, понадеется, может, дадут ему чего, свежей черепицы или красочки.

Дом не двигается.

Ах да, это же дом ещё из тех далеких времен, когда дома не бегали, не прыгали, не летали. Уму непостижимо, как он вообще сохранился в наш век, когда уже само время бежит по-другому...

Осторожно подбираюсь к дому, почти у крыльца асфальт снова расступается передо мной, падаю в бездну. Хватаюсь за пустоту, кое-как повисаю на ступеньках крыльца. Говорят, по радио нарочно сообщают, что всё будет хорошо, чтобы люди потом проваливались. Говорят, там, внизу, что-то есть, что глотает упавших, бездна какая-то. Говорят, эта бездна что-то властям нашим доплачивает, чтобы люди валились...

Говорят...

Говорят, что кур доят.

Это я в какой-то сплетне прочитал, которую подобрал вчера на улице. Нехорошо подбирать сплетни, знаю. Все мы знаем и все подбираем, так ведь?



Кое-как вскарабкиваюсь на крыльцо, кое-как поднимаюсь в дом. Из прихожей сразу пахнет чем-то печеным, горячим, сготовленным по старым рецептам, забытым в наши дни. Принимаю, так и есть, крылопатка в сметоусе, любовь моя давняя, как в детстве, когда ждешь, не дождешься, бегаешь на кухню, мамка только передником машет, ишь, нетерпеливые, скоро только сказка скывается...

Дом встречает меня, накрывает на стол. Все еще сомневаюсь, все еще жду, что откроется дверь, войдет хозяин, заорет на всю Ивановскую, э-это ш-ш-што т-такое, я щ-щ-щас м-милицию вызову!

Не заходит.

Не орёт.

Уже знаю, что дом постелил мне кровать и разжег огонь в очаге в спальне. Как в старину, когда дома стояли на месте, не бегали, не летали, ждали своих хозяев...

ОБРЫВ РЕАЛЬНОСТИ

— Каковы ваши прогнозы на будущее, господин знающий?

— Ну что я могу сказать... связи рушатся, мир меняется с каждым днем всё быстрее.

— И к чему это может привести?

— Ну как бы вам сказать... конечно трудно что-то прогнозировать в таком быстро меняющем-

ся мире. Прогнозы можно было делать лет двести назад, когда земля была неподвижной. В крайнем случае лет сто назад, когда люди пытались удержаться на текучей земле... но уж никак не сейчас...

— И все-таки?

— Ну... я думаю, тенденция будет продолжаться. Лет через десять мы окончательно перестанем строить мосты между островками земли. Наши дети забудут, что такое твердая почва под ногами. Может быть, они даже научатся летать...

— А в дальнейшем будущем?

— Тут есть два варианта развития событий. Либо же мир окончательно распадется на отдельные частицы, которые разлетятся друг от друга бесконечно далеко. Либо же грянет какой-нибудь кризис, чего-то будет катастрофически не хватать, энергии, например... и разрозненные кусочки снова склеятся в единое целое... схлопнутся в коллапс.

— Это будет конец света?

— Это будет начало нового света. Из твердой земли снова потянутся ростки, потом начнут расти дома...

Просыпаюсь.

Просыпаюсь от того, что подо мной больше ничего нет. Не чувствую опоры, хватаюсь за воздух, где дом, нету дома, да может, его и не было, никакого дома, еще бы, откуда здесь взяться дому...



Проза. Фантастика

— Будете продлевать?

— А?

Кто-то подхватывает меня, кто-то помогает вскарабкаться на остатки фундамента.

— Продлевать, говорю, будете?

— Ч-что продлевать?

— Контракт на дом. Надо?

До меня начинает доходить. Только сейчас. Ну конечно. Всё это слишком нелепо, чтобы быть правдой. Это не дом, откуда здесь взяться дому, дома все вымерли ещё в середине двадцатого века, если не раньше...

Так и есть, сварганил кто-то иллюзию, суррогат дома, ловко сварганил, как настоящий получился....

Прыгаю с островка на островок, надо бы найти какое-нибудь пристанище в этом переменчивом мире, хоть на день, на два...

Пристанище...

Спохватываюсь.

Поворачиваюсь к торговцу, махонький, щупленький, ну вот такие сейчас и крутятся, как могут...

— Сколько?

— Двадцать тысяч всё удовольствие.

— Ну, это еще по-людски.

— ...в день.

Давлюсь собственным языком.

— Нашли дурака.

— Вон их тут сколько.

— И что... соглашаются?

— Бывает.

Демонстративно отворачиваюсь, сдурел он, что ли, или за сумасшедшего меня принимает...

Померещилось.

Бывает такое, когда не удержишься на плаву, падаешь, померещится что-нибудь с перепугу, потом ухватишься за твёрдую землю, удержишься, оглядываешься — а нет ничего.

Хватаюсь за твёрдую землю.

Оглядываюсь.

Нет, не показалось, не померещилось, точно, стоит дом, не шелохнется, смотрит на меня блестящими окнами. Иду к дому, легко сказать, иду, спотыкаюсь, падаю, хватаюсь за воздух, за пустоту, снова вскарабкиваюсь, снова бегу...

Дом ждет меня. Не убегает, не улетает, как будто ждет. Приманиваю к себе, цыпа-цыпа-цыпа, лихорадочно припоминаю, на что можно приманить дом, да не офис какой-нибудь и не высотку многоквартирную, а хороший дом, от которого пахнет пирогами и теплом очага...

Дом не приманивается, так и стоит, на крыльце выходит хозяин, нет, не хозяин, чёрт, где же я видел этого человечешку...

— Ну что... арендовать будете?

Взрываюсь, набрасываюсь на человека на крыльце:

— Вы дом-то не могли подвинуть, чтобы мне не бегать тут за километр?

— Э-э, мил человек, где ж вы видели, чтобы такие дома бегали... вы как вчера родились, честное слово...

Спохватываюсь:

— Так это что у вас... настоящий дом?

— А то.

— А... как же...

— Что как же?

Постукиваю ногой по паркету, твердому, натуральному, вот ведь черт...

— Вы осторожнее, не любит дом, когда его ногами пинают...

Наконец, говорю то, что нужно было сказать уже давно:

— Так вымерли же... давно они все.

— Все да не все.

— А как вы его... м-м-м...

— Приручил как? Да потихонечку, полегонечку... правда ваша, дома-то дикие стали, боятся человека, отвыкли уже от нашего брата... ну ничего, приманил помаленьку, он, правда, клевал меня сильно поначалу...

Бережно глажу стены, настоящие, каменные — дом вздрагивает под моей рукой.

Еле выжимаю из себя:

— С-сколько?

— Как говорил. Тридцатчик за день.

— Вы говорили двадцать.

— Мил друг, это когда было-то? Инфляция-то на месте не стоит, вы как хотите...

Хочу ответить — хочу, чтобы стояла на месте. Не отвечаю.

Сегодня мир рухнул.

Окончательно.

Бесповоротно.

То есть, он и до этого много раз рушился, что ему ещё делать. Но теперь развалились все островки, островочки, островочечки, рассыпались в прах.

Сажу на крыльце дома, смотрю, как рушится мир. Кто-то еще пытается удержаться на пустоте, кто-то протягивает мне руки, пытаюсь кого-то поймать, не успеваю, человек падает в бездну.



Кто-то кричит мне, давай к нам, сюда, помоги — мотаю головой, не-ет, шалишь, я ещё тоже жить хочу, с крыльца не сойду...

— Будете продлевать?

— А?

Смотрю на продавца, на щупленького челове-
чишку, откуда его чёрт принес, что ему нужно во-
обще...

А...

Ну да.

Продлевать, продлевать... лихорадочно прове-
ряю свои счета, понимаю, что проверять нечего,
вчера инфляция проходила, слопала всё за милую
душу, еле успел вырвать у неё последнюю трёшку...

— А в долг можно?

— М-м-м... кредитная история у вас невесёлая
какая-то...

— У кого она вообще весёлая...

— Так-то да, только у вас вообще плакать хо-
чется. Ну что, будем вас ждать... с нетерпением.

Не понимаю. Смотрю, как он цепляет на дом
ошейник, уводит за собой, ничего не понимаю, а я
как же, а я куда, а я...

— Ну что же... мы вам перезвоним.

Уже знаю, что не перезвонят. И чёрта с два
мне дадут кредит, чёрта с два, тут скорее небо
упадёт на землю, да оно вчера падало, наши си-
ноптики долбаные, как всегда, никого не преду-
предили, пропадите, люди добрые...

Как всегда, думаю, где загнестись сегодня,
на день, на час, на минуту. Прыгаю с островка на
островок, расстояние между ними день ото дня
всё дальше. Кто-то предприимчивый уже мостики
навёл, только что там эти мостики, через день об-
рушатся, только их и видели.

Под ноги бросаются сплетни, слухи, какие-то
нездоровые сенсации, отталкиваю их ногами,
пшли, пшли вон, огрызаются, крысятя, норовят
укусить...

Чёрт.

Что-то догоняет меня. Там. В темноте ночи.
Что-то недоброе, потому что... потому что доброе
догонять человека не станет, не иначе как увяза-
лась за мной какая-то дрянь.

Бегу. Со всех ног. Ночь она такая, ночь чело-
века поймает, потом вообще хрен от неё отвер-
тишься, высосет до последней капли.

Оборачиваюсь.

Померещилось.

Нет, не померещилось, не показалось, так и
есть, догоняет меня дом, мерцает огнями в темно-
те ночи.

Жду.

Дом спешит ко мне. Уже никаких сомнений, он
искал меня, он нашел меня, он спешит ко мне...

Дом.

Мой дом.

А как вы хотели, дом старый, в старых тради-
циях воспитанный, он тоже так не может, сегодня
один хозяин, завтра другой, послезавтра третий.
Вот и не выдержал, вот и кинулся к мне...

Дом открывает двери, спешу на кухню, тпру,
стой, на какую кухню, сначала разуться, куртку
снять, руки вымыть, дом-то тоже уважать надо.

Дом — он такой.

Дом хлопочет на кухне, режет крылопátku, по-
ливает сметоусом, приправляет ломтиками моло-
дой луны.

Разжигает огонь в очаге.

— Вон еще один падает.

— Да много их сейчас падает, вишь, чего де-
ляется-то.

— Прикольнo так, падает, не кричит даже.
Еще и улыбается...

— А это бывает... иллюзии такие делают, че-
ловеку кажется, что всё океюшки, а на самом деле
вишь чего....

— Какие иллюзии?

Да всякие есть. Например, наглючат человеку,
что у него свой дом, красивый такой, уютный, ну
как в древности бывали... он и поведется... потом
еще бабки отдавать будет за то, чтобы в доме
жить...



Право первого шага

Ленцев Владислав

Это всего один маленький шаг для человека...»

Адвокат: — Уважаемый суд, стоит ли спорить дальше, кому должна принадлежать Луна?

Из дела «БОХ против Земли»

— Звёздный?

— Адамс?

Приглушённые шлепки пластиковых карт по столу. На многие парсеки вокруг — мёртвый безразличный космос, а игра идёт своим чередом. Разочарованный возглас отражается от металлических переборок и катится по пустынным коридорам корабля-ковчега «Номион»:

— Да чтоб тебя с твоим Плутоном, Звёздный!

Вэнс Адамс опять проиграл и нехотя достал очередной тубик с паштетом. Юрий Звёздный, прихихатывая, присоединил новую порцию к своей внушительной кулинарной коллекции.

— Смотри, дружище, что мы будем с тобой делать, — говорил Звёздный Адамсу много месяцев назад, когда оба проснулись от холодного сна и заступили на вахту. — Это гагаринский преферанс. С Меркурия по Марс — как с единицы по четвёрку. Церера, Паллада, Юнона, Веста — с пятёрки по восьмёрку. Девятка — это, понятно, кольцо астероидов. Юпитер — десятка, с Сатурна по Нептун — валет, дама и король. Плутон — туз. Весь фокус в том, что порядок планет — одно, а масса — совсем другое. Получается, что карты имеют различную ценность в зависимости от ситуации. Вот Юпитер...

Вэнсу Адамсу, который за своими обычными поварскими занятиями не знал иных игр, кроме прабабушкиных пасьянсов, идея очень понравилась. Совсем не устраивало его то, что он уже около года снабжал напарника продуктами из своих заготовок.

Вот и сейчас Звёздный хищно облизнулся через просвет между усами и окладистой бородой — и вскрыл очередной тубик с малиновым вареньем. Будучи воспитанным русским инженером, он предложил угощение и Адамсу.

— Да нет уж, спасибо, — уныло отозвался тот, собирая разбросанные по столику карты. — Кстати, когда там зонды?

— Сегодня должны быть, — пожал плечами Звёздный и вытер липкие руки о замызганный серый комбинезон. Космолётчики походили на кроманьонцев, нашедших в своей пещере одежду будущего: длинные сальные волосы, пушистые бороды и стойкий потный душок.

Адамс вздохнул, и игры с редкими для него победами продолжились.

Однако вскоре в их сумрачной рубке с писком проснулся единственный прибор. Передатчик возвестил, что зонды обследовали ближайшие звёздные системы и спешат с отчётами. Партию



пришлось прервать как раз в тот момент, когда у Адамса на руках были ломовые карты: два Юпитера, Плутон и Церера. Но Звёздный знаком потребовал перерыв и с облегчением сбросил свои Марсы и Земли, с которыми непременно бы продул.

— Посмотрим, — русский протёр монитор ветшью, Адамс подошёл сзади.

На экране выстроились строчки — всего тридцать один отчёт.

— Не гигант — так толстуха, — выругался Звёздный колониетской половицей, которая выражала разочарование как бесперспективными газовыми гигантами, так и железными планетами поменьше, но с дикой гравитацией.

— А где тридцать второй? — спросил Адамс.

После каждого большого гиперскачка «Номион» выпускал в новый сектор космоса четыре зонда-разведчика, и любой из них мог воспроизвести себя семь раз, используя подручные ресурсы. Такое семейство за девять месяцев обследовало внушительное по меркам людей пространство и сообщало о своих находках единым сверхсветовым сигналом.

Обычно запаздывание одного-двух отчётов ничего не значило, но у дежурных космолётчиков всё равно учащался пульс: а вдруг оно?

Адамс и Звёздный оказались именно теми, кого предчувствие не обмануло. Час спустя зонд номер тридцать два сообщил, что нашёл планету для ковчега «Номион».

Даже в таких торжественных случаях будить всю команду не полагалось, поэтому радость Адамсу и Звёздному пришлось делить друг с другом, а заодно — и специально припасённую флягу со спиртным. Пир они устроили в главной рубке сразу после того, как ввели данные с зонда в навигационный компьютер.

Пока электронные мозги трудились над курсом, Звёздный вывел на динамики залихватскую музыку с тюремным подтекстом и принялся неопределённо дрыгаться посреди рубки, жестами приглашая Адамса присоединиться. Повар-технолог где-то под русой бородой покраснел, но от танца не отказался. Несколько минут спустя они выдохлись и привалились к навигационному компьютеру, а из динамиков как раз полилась тягучая мелодия с надрывным вокалом, каким обычно воспевают неизбывные страдания загадочной русской души. Адамс заметил, что Звёздный слегка всплакнул, и смутился сам.

— Мы ступим на эту планету, зарегистрируемся — и начнётся новая жизнь, — со значением произнёс русский романтик. — Я назову её... Аэлита.

Вскоре они улеглись в кресла безопасности для младших офицеров в дальнем углу рубки. Началось! Само пространство внутри корабля загудело, сжало космолётчикам виски, проползло по телу — и «Номион» вытянулся в тоненькую ниточку, преодолевая ограничения фотонной Вселенной.



Проза. Фантастика

Почти двое суток требовалось ковчегу, чтобы пролететь семнадцать световых лет до будущей Аэлиты. Но что-то пошло не так...

— Ты слышал? — нарушил тишину Адамс, с трудом поворачивая зафиксированную голову.

— Что? — сквозь поэтическое опьянение не понял его Звёздный.

В этот раз корпус содрогнулся отчётливее.

— Что за чертовщина, мы же в гипере, — пробормотал Звёздный и стал отчаянно дёргать застёжки. Но кресла отключались автоматически, и освободиться раньше срока было невозможно.

По корпусу корабля будто бегало стадо бизонов: то в одном, то в другом направлении устремлялись серии глухих ударов. Наконец всё стихло — только два космолётчика трепыхались, словно мухи в паутине. Звёздному всё же удалось протиснуть голову между креплений и посмотреть в центр рубки.

— Адамс...

— Звёздный?

— Нас захватывают! Они уже внутри корабля...

— Но мы же в гипере... А роботы?..

— Они обошли защиту — нам надо включить её вручную!

Не успели. Через минуту Адамс и Звёздный увидели роботов — но не своих.

Перед ними выстроился взвод чёрно-красных машин-убийц на колёсном ходу с клешнями и дулами вместо рук. А потом посреди рубки появился человек. Как будто издеваясь, в ту же секунду

кресла безопасности отключились. К Адамсу и Звёздному сразу придвинулись две машины.

— Здравствуйте, джентльмены! — поприветствовал их высокий чернявый мужчина в плотном тёмно-коричневом комбинезоне. На его груди красовалась эмблема в виде кроваво-красной Луны. Адамс сразу уловил немецкий акцент.

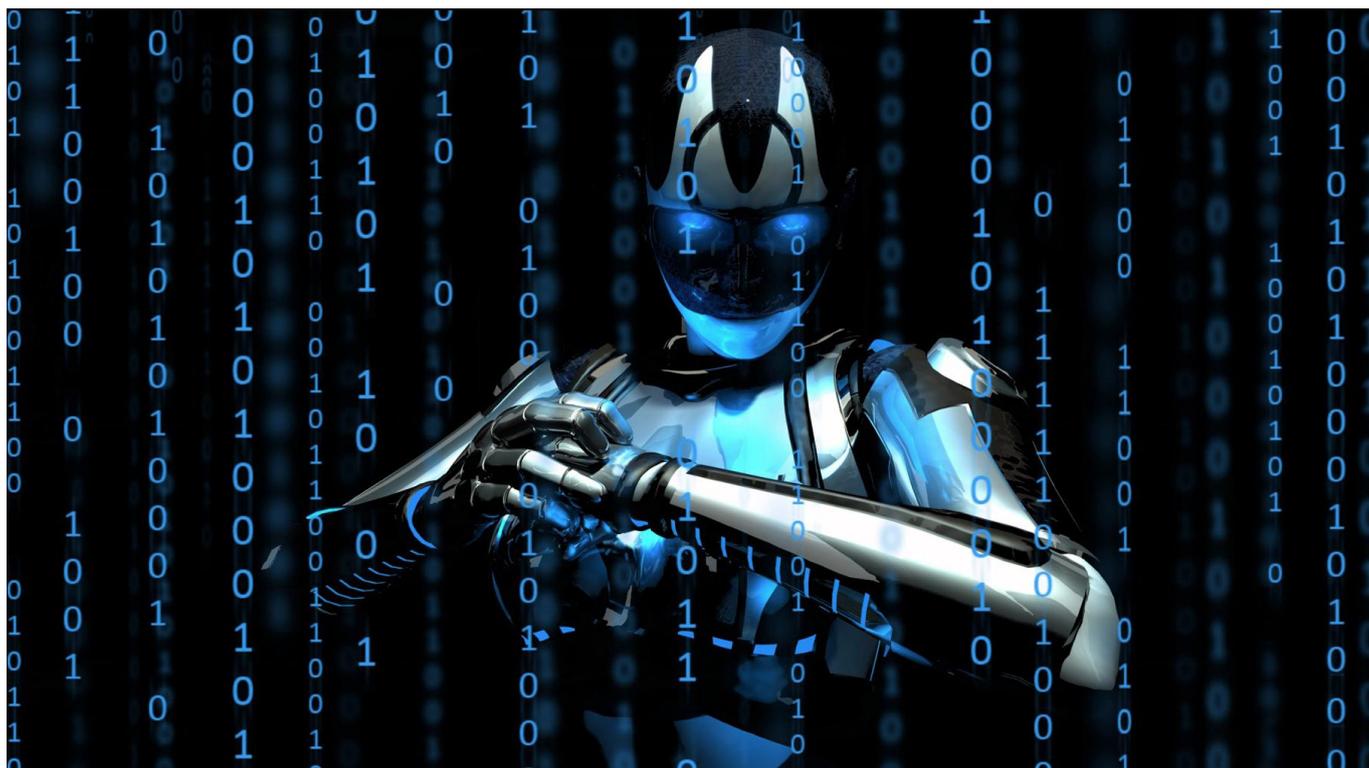
— Вот же сукины дети! Это БОХ! — выпалил Звёздный, отдёргивая плечо от холодной клешни робота.

Пришелец бездушно рассмеялся. Его острые черты лица почти не смягчились.

— Ну полно вам, я не убийца и не бандит. Меня зовут Вернер, и я пришёл за вашей планетой. Вывести их! — он щёлкнул пальцами, и едва поднявшихся с кресел космолётчиков подтолкнули в спины две машины-убийцы.

— Мразь, ты ещё пожалеешь! — оскалился Звёздный и вместе с опешившим Адамсом поплёлся к выходу в сопровождении роботов.

И хотя захватчик не спускал с них глаз, около центра рубки Звёздный сделал отчаянный выпад. Он простёр руки в надежде дотянуться до главной панели и включить защитных роботов... Увы, пальцы лишь скользнули по краю соседней клавиатуры, когда его едва ли не на лету перехватил металлический страж. От резкого захвата клешней поперёк живота Звёздный сдавленно вскрикнул и обмяк, но машина силой поставила его на ноги и подтолкнула вперёд. С грехом пополам космолётчиков завели в складской отсек недалеко от залов



холодного сна. Двери с шелестом сомкнулись, и за ними часовым встал грозный робот. Из счастливых первооткрывателей Адамс и Звёздный превратились в мрачных пленников БОХ.

Американец снял со стеллажа ящик с морковными семенами и уселся на него в полном унынии, а русский стал ходить взад-вперёд по узкому пятчку у двери, потирая ушибленный живот и тихо матерясь.

— Допустим, они отследили наш корабль с помощью какого-то передатчика... Но синхронизировать гиперскачки... Это что-то новое, — бормотал он и мрачнел всё больше.

— Я знаю, что теперь будет, — упавшим голосом заговорил Адамс, уставясь в пол остекленевшими глазами. — Вернер спустится на планету, и БОХ зарегистрируют, как владельца. Потом «Номион» угонят куда-нибудь на задворки, разберут на запчасти, а нашим не восстановят память и продадут свагнерианцам. Я слышал такие истории.

— Надо было вашим сенаторам ещё в самом начале не отдавать им Луну, — огрызнулся Звёздный, извлекая из рукава засаленный планшетный компьютер.

— Да пошёл ты, Звёздный! — с горечью отозвался Адамс. — Я тогда ещё даже не родился.

— Ладно, дружище, у меня новости.

Адамс подскочил и кинулся к Звёздному, который изучал что-то на экране планшета.

— Охранных роботов, я конечно, не включил...

— Тебя вообще могли убить!

— ... но я нажал кое-что. И мы теперь не одни, — Адамс с немым вопросом уставился на него. — Да, я разбудил пару киборгов.

— О боже! — выдохнул Адамс.

— В пятом отсеке сейчас просыпаются Мэйзи и Сталкер.

— Это ещё кто?

Звёздный объяснил, и Адамс издал саркастичский смешок:

— Ну да! Кот — охотник на паразитов и собака-трубопроводчик — отличная армия против роботов!

— Кот — превосходный киборг, — возразил Звёздный. — Он к тому же ещё и разведчик. В новые миры сперва спускают его — а за паразитов он отвечает уже в построенной колонии.

Адамс уныло махнул рукой.

— Нет, серьёзно, Вэнс, это же ваш — американский мейн-кун, здоровый котяра. Профиль у него широкий. У Сталкера — тоже, даром что он такса.

— Такса! — не веря своим ушам, воскликнул

Адамс. — Хорошо, допустим, их там не пристрелят. Но как мы до них доберёмся? Ты можешь связаться с ними?

— Как раз пытаюсь... Проблема в том, что модули управления у киборгов при себе, на загрузке.

— То есть, чтобы они пришли к нам — сперва мы должны прийти к ним, — безнадежно вывел Адамс.

— Если бы был какой-то способ подать им сигнал! — прошипел Звёздный, яростно тыкая в сенсорный экран. — Здесь у меня только инфо-приложение.

Адамс внимательно посмотрел на пояс Звёздного.

— Кажется, я знаю способ, — тихо произнёс он наконец.

Паштет тонкими колбасками ложился на металл и источал соблазнительный печеночный запах. Согнувшийся в три погибели Звёздный закусил губу, чтобы сдержать слюну, и поглядел на Адамса, который скрючился в похожей позе, но у другой стены.

Животные остаются животными даже с имплантатами, и при этом обычные машины им не ровня. Робот с кошачьей нервной системой стоил бы, как космический катер, а запрограммировать сложнейшие инстинкты и алгоритмы приспособления, бесценные в неисследованном космосе — это работа для целого института. Но снабди животное простейшей биоэлектроникой — и помощник готов. Когда-то Белка и Стрелка проложили человеку дорогу к звёздам — и на «Номионе» их собратья были способны на любые подвиги, стоило лишь взять в руки пульт. Но пока был только паштет в вентиляции...

Все пять отверстий у пола вскоре заполнили аппетитно пахнущие колбаски.

— Ну что? Время пошло, — довольно улыбнулся Звёздный, приваливаясь спиной к ящику с тыквенными семечками. — Сигналы слабые, но они точно живы.

Чтобы скоротать явно недолгое ожидание, Адамс и Звёздный снова затеяли межпланетное сражение в гагаринский преферанс. Минута за минутой, партия за партией... В космосе бывает сложно уследить за временем.

Первым забеспокоился Адамс. Несмотря на то, что его руки приятно грели Сатурн с Меркурием — отличная связка — он вдруг почувствовал, что задыхается от тревоги, и одёрнул Звёздного. Русский оторвал воспалённые глаза от карт, и они тоже вспыхнули страхом. Он схватился за планшетник и простонал: они проиграли пять часов! И

Проза. Фантастика

сигналов больше не было.

— Их нашли, — гробовым голосом заключил Адамс.

Корабль захвачен агентом БОХ, роботы-убийцы рыщут по коридорам, найденную планету отбирают, а весь экипаж — тысячи людей — без пяти минут уже в рабстве. Только сейчас безысходность окончательно навалилась на двух космолётчиков в складском отсеке. Адамс и Звёздный беспомощно смотрели друг на друга, и их всё сильнее скручивал ужас.

— Так, — наконец произнёс русский инженер. — Паника ни к чему. Мы же ещё больше суток будем в гипере. Неужели ничего не придумаем?

По глазам Адамса в тот момент было ясно, что он не просто ничего не способен придумать, — а даже лёгкое соприкосновение мысли с реальностью доставляет ему суеверную боль.

В следующие часы по отсеку шарили дрожащие руки и переворачивали крышки ящиков, которые падали на ноги, а ноги пробовали на прочность стены. Ничего. Адамс и Звёздный были в большом амбаре с семенами и корешками, с тремя тусклыми лампами у потолка и пятью вентиляционными отверстиями у пола. Больше ничего — никаких консолей, панелей, не было даже молотка и огнетушителя. А за дверью стоял неколебимый робот-убийца.

От отчаяния и резких движений Адамс и Звёздный скоро выдохлись. Да и не спали они уже... сколько? Часов двадцать? Как ни протестовал разум, оставалось только одно — тревожно забытья, будто ожидающие казни преступники.

Невесть сколько часов спустя космолётчиков разбудил шум у входной двери.

— Джентльмены! — обратился к сонным пленникам знакомый голос с немецким акцентом. — У меня к вам есть дело.

Адамс и Звёздный сели и угрюмо уставились на тёмный силуэт в ореоле непривычно яркого коридорного света. Их глаза слезились, по нижним векам расползлись синяки — сон оказался скорее изматывающим марафоном видений, чем отдыхом.

— Ввиду того, что системы вашего корабля всё-таки успели зафиксировать проникновение перед тем, как я до них добрался, одна служебная программа заблокировала доступ к некоторым функциям, установив чрезвычайно сложные пароли, — Вернер помолчал, как бы смутившись неполнотой своей власти. — Я отдаю себе отчёт в том, что вы специалисты других профилей. И тем не менее, не могли бы вы подсказать мне, как отключить эту

защиту в обмен на кое-какие привилегии? Я могу отпустить вас на свободу по прибытии в мой порт приписки — разумеется, на условиях полной конфиденциальности.

Витиеватые речи, усугублённые немецким акцентом, не сразу дошли до сознания разбуженных космолётчиков. Адамс тупо смотрел на пришельца, держась за голову, а Звёздный протирали глаза и растерянно моргал. Он ещё не вполне отошёл ото сна, в котором мучительно убегал от робот-убийц по бесконечным коридорам корабля. Однако вскоре Звёздный расплылся в ехидной улыбке.

— Интересно, — сказал он неожиданно бодро. — Как я понимаю, вы не смогли полностью отключить охранных роботов... Но зачем? У вас ведь своя армия!

Вернер испытующе посмотрел на него:

— Я не могу позволить себе даже малейший риск.

— Но вы же не встретили никакого сопротивления! — продолжил Звёздный, внимательно изучая тёмное лицо захватчика.

— Это верно.

— Приятель, мы бы и рады тебе помочь. Свобода и всё такое... Но мы и правда не специалисты. Я вот даже не знал о такой штуке! Адамс вообще тут повар...

— Ясно, — терпеливо произнёс Вернер. — Прошу вас до конца гиперскачка обдумать моё предложение. Просто постучите в дверь — и робот свяжет нас. Я в долгу не останусь: слово агента БОХ!

Двери захлопнулись, и космолётчиков снова оставили в сумраке. Когда шаги удалились, Звёздный просиял и посмотрел на Адамса. Тот всё ещё был в прострации. Русский придвинулся и хлопнул его по плечу:

— Очнись! Дела идут на лад!

— Ты знаешь, как отключить пароли? — осоловело спросил Адамс.

— Ты дурак? Ясное дело — нас пустят в расход вместе со всеми, даже если мы поможем, — Звёздный на всякий случай перешёл на шёпот. — Вернер не нашёл киборгов. Давай! Надо придумать новую приманку...

И тут из угла донесся звук, который не спутаешь ни с чем ни на матушке Земле, ни в глубоком Космосе: звонкое, уверенное «мяу!» Из вентиляции вылез серо-коричневый в полоску длинношёрстный красавец-кот с толстым хвостом. Бодрая бежевая такса вывалилась следом и свесила из доброй пасти длинный розовый язык.

От радости Адамс и Звёздный чуть не запрыгали по отсеку, но быстро перешли к делу. Русский



отцепил от загривков киборгов маленькие приборчики, похожие на древние ручные приставки, и стряхнул с шерсти животных засохшие ошметки паштета. Непонятно, как они унюхали его столько времени спустя, но какая разница!

Что делать, Звёздный придумал быстро. Вдохновлённый тем, что захватчик не смог заполучить охранных роботов, он решил провести Сталкера в один из туалетов, где через панель канализационной системы можно было незаметно подключиться к главному компьютеру. Пароль он, конечно, не знал, но всё-таки предполагал, что инженерная собака даст хоть какой-то доступ.

— И что с того? — скептически протянул Адамс. — Даже если нам удастся включить роботов — преимущество всё равно у них.

Кот смотрел то на одного, то на другого человека бездонными голубыми глазами и, казалось, внимательно слушал.

— А что если, — Звёздный в волнении облизнул губы, — роботы Вернера должны управляться с его корабля? А у нас есть та здоровая пушка от метеоров...

— Мы отстрелим его! — хлопнул себя по лбу Адамс. — Гениально, Звёздный!

— Я бы сначала уточнил, работает ли орудие вообще. Таксу всё равно отправим в разведку.

— А кот справится с пушкой один?

— Там ручное управление, всего несколько кнопок — даже животное нажмёт.

Кот посмотрел на Звёздного с нескрываемым раздражением и выгнул вперёд усы. Такса тихонько заскулила, будто захихикала.

— Орудие здоровое — шуметь должно, как паровоз, — задумался Адамс. — Если Вернер заметит — нам крышка.

— А мы отвлечём его диверсией с охранными роботами, — парировал русский. — Представляю себе лицо этого фашиста...

Приступить они решили немедленно, но сначала насытились из тубиков — перепало и животным. Это же они должны были спасти без малого двадцать тысяч человек!

Первой на дело отправилась отважная такса Сталкер. На самом деле в ней не было ничего отважного, а был пульт, с которого люди передавали команды в самый центр её мозга. Впрочем, от очеловечивания животных не удерживался ещё ни один хозяин.

Поэтому храбрый Сталкер с решительным видом полез в вентиляцию, глухо цокая когтями по металлу. Адамс и Звёздный расположили свой

штаб в дальнем углу отсека — за баррикадой из ящиков с зерновыми. Мейн-кун по национальной принадлежности уселся рядом с американцем, заглядывал ему в глаза и мурлыкал, получая в ответ обильные поглаживания. Нервничать в такой компании было просто невозможно.

— Пусть сначала Сталкер доберётся! Мэйзи всегда успеем послать, — со знанием дела заметил Звёздный, невольно проникнувшись чувством комфорта рядом с урчащим котом.

Спустя полчаса такса добралась до одного из санитарных отсеков. Вентиляционные лабиринты были сложными, да и снующие по коридорам роботы-убийцы не раз заставляли Звёздного холодеть и давать команду «стоп».

— Есть — в туалете пусто, — выдохнул Звёздный. — И панель тут как тут. Ну, Сталкер, давай!

Шерсть собаки и кота скрывала многое. У киборгов не водились блохи — дохли от сильного электромагнитного поля. Сталкер приподнялся на задние лапки, передними опёрся на край унитаза. И тут же из его плеча выдвинулся тоненький металлический стержень — контакт доступа. Панель с готовностью приняла входящий электрод.

— Что там? — не выдержал Адамс после пятиминутной тишины, пока Звёздный настраивал удалённый доступ.

— Немного, — вздохнул русский. — Тут и спец бы мало что сделал. До охранных систем никак не добраться, зато я могу вывести из строя канализацию. Мерзавцев затопит помоями. Вот это война! — он криво усмехнулся. — Так что диверсия нам не удастся. Ну и теперь я вижу, что Вернер не только охранные системы не контролирует, но и управление кораблём — даже ручное. Всё заблокировалось. Поэтому он к нам и прибежал — не роботы его волновали. Он боится, что не сможет утащить корабль.

Адамс нахмурился, и даже кот прекратил урчать.

— А если мы попросим его встретиться, чтобы якобы показать способ отключить защиту, — проговорил американец, соображая на ходу, — Вернер же согласится, так? Тут мы его и отвлечём, а Мэйзи как раз пальнёт из орудия.

Кот утвердительно мяукнул и без команды с пульта засеменял к вентиляции.

— Кто... как отвлечём? — побледнел Звёздный.

Скоро в дверь отсека постучали изнутри. Створки распахнулись — и на человека воззрилась адская машина.

— Нам нужно связаться с твоим хозяином, —

Проза. Фантастика

заявил пленник и, чтобы скрыть волнение, сурово кашлянул.

— Да? — отозвался динамик секунды спустя.

— Вернер? Я обдумал твоё предложение.

— И?

— Я знаю, что можно сделать, но есть проблема, — человек опасливо оглянулся и сбавил тон. — Мой коллега не в курсе на этот счёт, и он явно против того, чтобы я делился с тобой. Но мы же, уважаемый, вроде как деловые люди...

— Не продолжайте, я всё понял.

— Он сейчас спит, но я боюсь его разбудить.

— Второй робот сейчас придёт, и вы отправитесь вместе с ним. Но я хочу предупредить вас...

— Слушай, приятель, твоя железка из меня уже чуть кишки не выпустила, я не идиот.

— Жду.

Динамик смолк. В это время в дальнем углу отсека Вэнс Адамс с двумя пультами ждал сигнала — он прекрасно слышал разговор через коммуникатор Звёздного, и руки его тряслись сильнее, чем не до конца приготовленное желе.

В главной рубке ничего не изменилось: Вернер не праздновал победу, не переворачивал в гнев мебель, словом, не проявлял никаких типичных бандитских эмоций. "Видимо, он и правда просто скучный служащий, похожий на собственных бездушных роботов", — подумал про себя Звёздный.

Вернер стоял в центре зала у главной панели управления, и около него полукругом выстроились по крайней мере десять роботов — этот человек ничем не рисковал.

— Рассказывайте, мистер Звёздный, — с нетерпением произнёс захватчик и сложил руки за спиной.

Звёздный нервно улыбнулся и в нерешительности подошёл к одному из кресел:

— Я присяду — ты не против?

Это был первый сигнал. Адамс сглотнул и непослушным пальцем ткнул в экранчик пульта от таксы. Где-то далеко Сталкер подошёл к диковинному устройству в стене тесной комнатки и обеими передними лапами встал на массивную педаль — та податливо ушла вниз. Это был предохранитель орудия, из-за которого космолётчики послали на дело обоих животных.

— Как отключить защиту корабля? — вежливо поинтересовался Вернер.

— Видишь ли, уважаемый, я тебе не очень-то верю, — признался Звёздный, зарывая дрожащие руки в густую бороду. — Почём мне знать, что ты меня отпустишь? Наивно ведь. Мне нужны гарантии.

— Чего вы хотите?

Адамс принял второй сигнал и немедленно схватился за пульт Мэйзи. Шикарный кот сидел над таксой в кресле оператора. По команде он выставил вперёд пушистую лапу и по очереди прикоснулся к трём кнопкам на тёмной панели. Она сразу засветилась.

— Я, мать твою, хочу жить! — внезапно вспылит Звёздный и с размаху вскочил на ноги, сильно топнув. Он стиснул кулаки и воззрился на захватчика, стараясь изобразить гневный вид.

Роботы тотчас же взяли его на мушку, но Вернер даже не шелохнулся. Равно как и не расслышал за шумом далёкую вибрацию оживающего орудия.

— Не нервничайте, мистер Звёздный. Я вас слушаю.

— Хорошо, я расскажу вам всё, что знаю, — надрывно и громко заговорил инженер. — Мне известно, как зашифровано управление защитой. Вы получите корабль, но!..

Тем временем Мэйзи с подачи Адамса приступил к тонкой настройке — положил левую лапу на джойстик оружейной панели. Американец тут же ввёл в мозг кота скрупулёзно составленную Звёздным команду-макрос для прицеливания по вражескому кораблю, который, словно гриб-паразит, прилепился посередине длинного корпуса «Номiona». Орудие сдвинулось, по обшивке пробежала дрожь.

Но Вернер этого не ощутил: перед ним с пламенной речью выступал Звёздный. Когда тот закончил, захватчик покачал головой.

— Извините, мистер Звёздный, но я никак не могу отдать вам спасательную капсулу. Вы должны радоваться малейшему шансу на спасение, и я настоятельно рекомендую им воспользоваться. Если нет — не тратьте попусту моё время.

Орудие было готово. Адамс занёс лапу кота над спусковой кнопкой — и решительно опустил! Кнопка подалась... и ничего не произошло.

— Что вы тогда будете делать? — спросил Звёздный, которого уже захватил азарт переговоров с Вернером.

— Разбужу кого-то из офицеров и предложу ему ту же сделку. Как вы понимаете, для меня это дополнительный риск, но я на него пойду, если не поможете вы.

Адамс скрючился в углу своего отсека, не в силах издать ни звука. Он снова и снова опускал лапу Мэйзи на кнопку, но орудие не стреляло. Почему? Оно же работает — это совершенно ясно! И только сейчас Адамс обратил внимание на сенсор-



ный экранчик в центре панели, который моргал всякий раз, когда кот нажимал злосчастную кнопку. Адамс заставил мейн-куна присмотреться поближе и через его глаза увидел, что панель требовала снять с себя сенсорную блокировку — совсем как на древних телефонах. Нужна была только правильная комбинация прикосновений...

— А теперь выкладывайте, мистер Звёздный, или отправляйтесь обратно, — отрезал Вернер и грозно сложил руки на груди, перекрыв ими кроваво-красный диск луны.

Звёздный никак не ожидал, что к этому времени Адамс ещё не выстрелит. Он вздохнул и сочинил на ходу:

— В основе кода безопасности — девичья фамилии жены капитана. Мне это известно, потому что офицеры шутили по этому поводу. Фамилию можно найти в личных делах.

Вернер уродливо улыбнулся:

— Любопытно. Я проверю, — он спокойно уселся за панель и открыл базы данных. Роботы не теряли Звёздного из прицела. Что там у Адамса стряслось, ради всего святого?!

Адамс с его кулинарно-техническим образованием тщетно пытался провести кошачьей лапой по сенсорной панели. Фигура для снятия блокировки была простой — для человеческих пальцев. Но уже после пяти попыток Адамс с ужасом понял, что Мэйзи физически не способен повторить элементарное движение. Для этого требовались, по крайней мере, два гибких пальца, а кошачья лапа

с мягкими подушечками — это единая связка.

Нервы не выдержали. Адамс сдался на милость отчаянию. В ярости отбросив пульт, он уткнулся в колени и тихо зарыдал.

Вернер же применял к корабельному шифру девичью фамилию жены капитана — Голубева. И так как это было чистой выдумкой, блеф Звёздного раскрылся сразу. Вернер развернулся в кресле и встал. Его чёткие движения выдавали раздражение.

— Вы ничего не знаете, мистер Звёздный, и я накажу вас за ложь, — он кивнул одному из роботов. — Сломай мистеру Звёздному обе руки.

— Нет... стоп! — запротестовал тот и невольно выставил вперёд рекомендованные к экзекуции конечности. Звёздного охватил животный страх: на него надвигался робот-убийца, и клешня красноречиво свидетельствовала о том, что команда будет исполнена прямо сейчас.

И тут корабль сотряс мощный взрыв. В главной рубке в суматохе сходящих с ума роботов кулак Звёздного нашёл острую челюсть Вернера.

Капсула спускалась к поверхности Аэлиты. Кислородная атмосфера гудела вокруг, желтоватое небо принимало пришельцев в себя. Намертво пристёгнутый к стенке Юрий Звёздный изловчился и успокаивающе похлопал по голове встревоженного кота, которого зафиксировали рядом.



Проза. Фантастика

За спуском из главной рубки «Номиона» следили Вэнс Адамс и Зигфрид Раннок — старший помощник капитана, которого космолётчики разбудили сразу после ареста Вернера.

— Отличная всё-таки работа, — задумчиво проговорил рыжий норвежец, следя за мониторами. — Подумать только: БОХ в гипере! Не хотел бы я очнуться без памяти в свагнерианском улье — это уж точно!

Остальные офицеры тоже просыпались — медленно, но верно. После холодного сна память возвращалась к ним ещё много часов.

— Нас точно не преследуют? — нервно спросил Адамс.

— А чёрт его знает. Вернер послал сигнал о помощи, и его сообщники могут нагнать нас в любую минуту. Но мы ступим на планету раньше — регистраторы носа не подточат, — Раннок широко улыбнулся, раздвигая короткую бороду. — И всё-таки: как кот снял блокировку?

— А? — тупо спросил Адамс, увлечённый желтоватым свечением нового мира.

— Орудие, которое отстрелило челнок БОХ. С сенсорным предохранителем и человек не сразу справится.

— Спроси у Сталкера, Зиг, — пожал плечами Адамс. Такса бодро гавкнула — она сидела у дальней стены и тоже наблюдала за спуском.

В динамиках зазвучало статическое шипение.

— «Номион», мы готовы. Посадка прошла мягко, — донёсся издали голос Звёздного. Адамс и Раннок переключили экран и увидели капсулу глазами русского — всё было в порядке, кот цел. Вывели картинку с внешней камеры — и наблюдали за тем, как кругом оседает пыль. Через несколько минут люди в рубке воззрились на бескрайнюю коричневую равнину, позолоченную светом ярко-оранжевого солнца. Можно было начинать.

— По традиции кошка первая входит в новый дом, — пошутил Раннок и пронаблюдал, как в капсуле открывается шлюз. — В древние времена считали, что животное надо принести в жертву духам нового места. Но у нас, надеюсь, всё обойдётся.

Кибернетический мейн-кун с готовностью прыгнул в отверстие навстречу свободе. Силуэт кота отбросил длинную тень рядом с тенью капсулы и гордо выпрямился на фоне неба — картинка, которую захочет поставить к ночнику любой ребёнок будущего, рожденный на Аэлите.

— Получили данные... Всё в норме. Звёздный, пошёл, — несколько минут спустя отозвался Раннок.

— Иду. Шлите привет регистраторам — она наша!

Раннок торжественно занёс руку над кнопкой передатчика — и не нажал её. Он увидел, что сигнал ушёл пять минут назад...

— Что за чёрт... Адамс, это ты? — американец в ответ недоумённо пожал плечами. — У нас какой-



то сбой... содержание отредактировано. Кто это сделал?

И тут на большом экране перед людьми появился текст. Пока Звёздный тщетно пытался открыть люк там, внизу — здесь, в рубке Адамс и Раннок глупо застыли с открытыми ртами перед чередой символов. От задней стенки главной панели, втягивая электрод, деловито отошёл Сталкер — и издал странный звук, не похожий ни на «гав», ни на «мяу».

От: Главный Регистрационный Корпус, Сириус
Кому: Капитан корабля-ковчега «Номион» Лукас Абрамс,
галактический район 845AU7-Б
Касательно: «коварные пришельцы»

Уважаемый Л. Абрамс!

Наши инспекторы рассмотрели Ваше обращение по поводу спора вокруг вновь открытой планеты Аэлита (неофициальное название).

Безусловно, руководители Банковского Объединённого Холдинга Космической Колонизации (БОХКК), которые санкционировали проникновение на Ваш корабль агента В. фон Абвера, понесут суровое наказание за свои действия, равно как и сам агент.

В то же время Ваши претензии к Республике Манула трудно назвать обоснованными. Действительно, наши инспекторы приняли во внимание тот факт, что два представителя этого планетного государства неизвестным способом проникли на КК «Номион» под видом животных-киборгов и волей-неволей ввели в заблуждение экипаж. Однако, как показывают наши эксперты, анатомия манулиан, выраженная в существенных различиях между полами, не вполне сходится с анатомией земных кошек и собак. В частности, манулиане обладают более сложным мозгом и развитыми передними конечностями. Поэтому претензии касательно проникновения инопланетников на Ваш корабль следует адресовать непосредственно техникам, которые комплектовали экспедицию животными-киборгами.

При этом мы учитываем рвение, с которым господин Мэйзин Корунд и его супруга Сталкерана под руководством членов экипажа Вэнса Адамса и Юрия Звёздного помогли бескровно разрешить ситуацию с захватом корабля агентом БОХКК. Но даже принимая во внимание то, что Республика Манула не создала собственных кораблей для межзвёздных перелётов и временно воспользовалась для перемещения КК «Номион», Главный Регистрационный Корпус не считает правильным отказать господину Мэйзин Корунд в Праве первого шага, которое закрепляет за Республикой Манула планету Аэлита (неофициальное название), а в данный момент, согласно официальным документам, Манулита.

В связи с вышеизложенным предлагаем Вам приобрести у Республики Манула права на колонизацию планеты или же удалиться восвояси. Обжалованию в суде решение не подлежит. Любые проявления насилия в отношении манулиан Главным Корпусом Безопасности будет пресекать, где бы они ни имели место, а виновные будут строго наказаны.

С уважением, Главный Регистратор Уильям Сильверберг.

... С тех пор ни на Земле, ни где-либо в бескрайнем космосе кошку не пускают первой в новый дом...



Основной вопрос

Лев Елена

Трудно было назвать помещение, в котором их содержали, бункером. Ещё труднее — тюрьмой. Мягкий ласковый свет лился из всех поверхностей. Было тепло, не сухо и не влажно. Комфортно.

Евгений одним из первых спокойно осмотрел все стены и пол. Ни щёлочки, ни отверстия. Ни люков, ни окон. При этом воздух чистый и свежий. Кроме того, все чувствовали себя даже неплохо. У Анны Сергеевны, уборщицы в театре, по ее словам, до похищения болели колени. Сейчас она сидела вместе с остальными на полу в позе лотоса и не жаловалась. Иванов, доктор каких-то наук, давно снял очки и только периодически указательным пальцем касался носа, словно проверяя, на месте ли оправа. Ни у кого из присутствующих не осталось ни телефона, ни любого другого устройства, с которого можно было бы отправить весточку.

Когда первый испуг прошел, люди окончательно освоились. Бизнесвумен Жанна Борисовна кидала на Евгения многозначительные взгляды «женщины в затруднении», но он старался не приближаться к тому углу, в котором обосновались дамы: Анна Сергеевна, «директор» Жанна, Настенька, представившаяся менеджером в автосалоне, и библиотекаряша Ираида Львовна с такой заумной фамилией, что все присутствующие её сразу забыли.

Мужчины, после первого недоумения и попыток выяснить обстоятельства похищения, разделились на две группы. Интеллигенция налево: доктор наук Иванов, ресторанный музыкант Жорж в расшитом стеклярусом комбинезоне, майор Вол-

ков, при полном мундире, но без фуражки, и мужчина, который не стал называть своего имени.

— Архитектор, — глухо произнёс он, когда все знакомились.

Направо — пролетариат: Евгений, слесарь, Сания, гот в кожаном кителе, с подведёнными чёрным глазами на бледном лице. Санёк недружелюбно посматривал в сторону интеллигентов. Когда до него дошла очередь при первом знакомстве, майор встал перед ним и, набычившись, спросил:

— Сколько лет, боец? Не служил. Основания для откоса есть?

Санёк что-то промямлил и с той поры разговоры не поддерживал.

Евгения это устраивало. Можно было спокойно подумать. Он вообще не любил шумное общество. Да и не хотел принимать участие в бесполезных дебатах — «почему мы здесь, кто это нас так». К компании молчаливых присоединился отец Игнатий, дородный священник в черной рясе. Он вполголоса бурчал молитвы. Четвёртым было тело сладко сопящего Вани. Имя группа выбила из тела с трудом, сумев растормошить пьяного мужика. Ваня очнулся на минуту, назвался, чётко произнёс: «Всё ништяк!» и перешёл в стадию глубокого хмельного сна.

Время тянулось медленно. Наконец, все разговоры затихли. В воздухе почувствовалось лёгкое отчаяние. Анна Сергеевна всхлипнула. Жорж незаметно смахнул слезу.

— Мы будем бороться! — вдруг так громко и пафосно сказала Настя, менеджер автосалона, что все вздрогнули. Она поправила белую блузку на





Художник Лев Елена

груди и встала, выпрямившись, словно готова была к расстрелу.

— Милая, здесь не бизнес-тренинг! Чтобы бороться, надо хотя бы знать против кого, — раздражённо высказалась Жанна Борисовна. — Только тогда мы сможем выбрать тактику и разработать стратегию.

— Это не женщина сказала! Полководец! — майор Волков расплылся в широкой улыбке и подмигнул бизнесмену. Она поджала тонкие губы и отвернулась.

— Жанна д'Арк вы наша! — усмехнулся доктор наук. — Знамя вам в руки. Ведите нас на стены! — Он махнул рукой, указывая на помещение без окон и дверей.

— Перестаньте! — зло бросил архитектор. — Когда-нибудь это кончится. Либо мы начнём жрать друг друга, либо кто-то — нас. Тогда и узнаем. Всё бессмысленно сейчас.

Жорж боком передвинулся к отцу Игнатию.

— Может мы умерли? — осторожно спросил он. — И это вестибюль рая?

— Какой тебе рай, грешник! — фыркнул батюшка. — Глянь на себя! Я думал, ты — баба.

Жорж вскочил на ноги и тряхнул возмущенно длинными кудрями.

— У вас ко мне предвзятое отношение! — голос у музыканта стал писклявым. — Вы... отсталый типаж отмершей части человечества! Гомофоб!

Майор Волков хохотнул. Женщины бросились успокаивать Жоржа.

— Заметьте, — сказала библиотекаря, — а ведь нас двенадцать.

Все всполошились и занялись подсчётами.

— Яки апостолов, — поднял палец вверх отец Игнатий и округлил глаза.

— Нам всем крышка, — удручённо подвёл итог Санёк. Чёрная обводка вокруг его глаз потекла по щекам двумя тонкими тёмными линиями.

— А ты что переживаешь? — удивилась Настя. — Тебе-то смерть к лицу.

И в этот момент стены помещения сделались прозрачными. Люди оказались в центре огромного, просто бесконечного, зала, наполненного под завязку мерцающими существами. Белые головы с крупными впадинами тёмных глаз, тела без конечностей в длинных белоснежных одеяниях. Не были они похожи на медуз. Но свободно парили в пространстве.

Евгений протянул руку и нащупал прозрачную стену.

— Поздравляю, — сказал майор Волков глухо. — Архитектор прав: мы на арене цирка. Ребята решили развлечься. Чур, я заламываю Жанну Борисовну.

Евгений вышел на середину комнаты и сказал как можно более дружелюбно:

— Здравствуйте!

Из толпы существ отделилась фигура, крупнее остальных, и приблизилась к аквариуму с людьми.

— И мы желаем вам здоровья...

У всех людей подкосились колени. Голос, раздавшийся в помещении, слоился на миллионы оттенков и создан был из множества звуков. Низких, высоких, шуршащих, звенящих, льющих и отбиваемых в такт. Короче, голос был ошеломительным. Какая-то рябь пробежала по существам.

— Убивать не собираются, — облегчённо вздохнула Анна Сергеевна.

— Микрофоны настраивают, — уверенно заявил Жорж.

Видимо, шоуменом он был хорошим. Потому что следующие слова существо произнесло спокойным человеческим голосом. Но очень медленно.

— Раз в тысячу лет мы избираем двенадцать зрелых людей одной расы, одной национальности, из одного племени и места пребывания, но разного возраста и пола для того, чтобы они ответили на один вопрос.

Евгению стало не по себе. Что-то такое преследовало его всю жизнь. Слово он давно готовился к этому моменту. К моменту, когда к нему придут и с него спросят.

— А вам это зачем? — подозрительно прищурил глаза майор Волков, обращаясь к существам.

— А что будет, если мы на вопрос не ответим? — присоединился доктор наук.

— А отвечал кто-нибудь неправильно? — дрожащим голосом произнесла Настя.

— Изыди, сатана! — отец Игнатий начал крестить всех по ту сторону прозрачной стены.

Существа внимательно разглядывали людей, спокойно ожидая ослабления эмоционального всплеска.

Евгений вздохнул. Ему отчаянно захотелось домой, к жене и дочке.

— Вы хотите сказать, что от этого вопроса зависит наша жизнь? — спросил он осторожно.

— От ответа на этот вопрос зависит только, стоит ли допускать человечество к жизни по всей Вселенной, допускать к источнику знаний и к ключу бессмертия.

Все затихли.

— Охренеть, — замороженно произнёс Санёк.

Евгений первым набрался смелости и сказал:

— Ну, задавайте этот вопрос.

— Что есть ваша основа?

Стены мгновенно потеряли прозрачность, снова побелели. Люди тревожно завозились.

— Устроили «что, где, когда»! — недовольно произнёс доктор наук.

— А мы имеем право вести подобные переговоры? — спросил Волков Евгения.

— Выбора у нас нет, — пожал плечами Евгений. — Спокойно! Давайте разберёмся! — обратился он ко всем. — Мы не знаем, сколько времени они нам отвесили, поэтому бардак не устраиваем.

— Да, — поддержал его доктор наук. — Высказываем мнения чётко и формулируем ясно!

Все сели на пол. Евгений был совершенно не рад неожиданно возложенной на него обязанности привести всех к какому-то общему знаменателю, но ему очень хотелось домой.

— Итак. Что наша основа?

— Деньги, — не раздумывая, сказала уборщица Анна Сергеевна. — Человек, когда сыт, обут, он и на Луне себя хорошо чувствовать будет.

— То есть материальные блага, — поправил её доктор наук. А потом процедил сквозь зубы: — Основа для вас, значит, — взять всё, что можно взять. Вот такие, как вы, всю планету уже расковыряли. Луна на подходе!

— Оставьте, — отмахнулась Жанна. — Вы, учёные, ничего не делаете для того, чтобы такие, как она, это поняли.

У Иванова перехватило дыхание. Он открыл рот в возмущении.

— Вы ушли в сторону, причём резко, — остановил Иванова Евгений. — Понятно, что деньги, которые могут отобрать, не есть основа. Ни дом, ни забор, ни остров, ни континент не являются неприкосновенными и надёжными по большому счёту. Всё! Проехали!

— Бог. Не основа? Его заповеди, — высказалась менеджер Настя. Все вопросительно покосились в сторону отца Игнатия. Он молчал.

— Вы что не видите?! — возмутился архитектор и ткнул пальцем в стену. — Это бог! И он пришёл. С вопросом. Поздно рассуждать о заповедях!

— Не скажите, — начала библиотечарша. — Давайте, обопрёмся на священное писание. Первая заповедь — не убий.

— Убивали, убиваем и будем убивать, — Жанна Борисовна скосила глаза в сторону майора Волкова. — Заповеди — не основа. Это — правила. Которые повсеместно нарушаются.

— Мы заповеди не по своей воле нарушаем, а по закону, — отмахнулся майор.

— Надо сказать им, основа — любовь, — сказал архитектор хмуро. — Они должны на это клюнуть. Об этом все на нашей планете талдычат.

— Любовь?! — возмутилась Жанна и прыснула слюной в гнев. — Вы говорите о любви?! Нет её на земле! Есть только плотские мужские похоти всех мастей! И, как следствие, — разрушение семьи.

— Свобода, — воскликнул Санёк. — Свобода — наше всё!

— Да где ты свободу видел? — присоединился и Жорж. — Нет у нас свободы, ни в чём и нигде. Как вы не понимаете?! Дети — главное. Дети — основа. Ради них всё делается, копится, достигается... У меня пятеро. Ради них я буду в стрингах по полу ползать...

— Ну и ползай, урод кучерявый! — прорвало архитектора. — Что ты запоешь, когда в старости твои детишки бросят тебя, когда в твоём гольфике денежек не будет!

— А я говорила, деньги главное, — заметила Анна Сергеевна.

— Женя, чего молчишь? — подъехал майор к Евгению.

— Нам в такой спешке не найти ответа, — окончательно расстроился Евгений. — Все наши основания надуманы и... в принципе, ведут нас... в ад, что ли. Всё, что мы перечислили, не основания. Это иллюзии.

— Вы лучше предложите, что нам сказать, — возмущенно воскликнул Иванов.

— Я не знаю, — развёл руками Евгений.

Стены снова стали прозрачными. Существа молчаливо зависли вокруг.

— Ты говори, — обратился к отцу Игнатию майор в полголоса. — Тебе не привыкать врать.

— Кто бы говорил, — ответил батюшка и вышел вперёд. Он начал торжественно, как будто вещал из-за аналая:

— Основа людей в братстве, в равенстве, в любви к ближнему, в семье, в творчестве.

Люди стали поддакивать. Существо, показалось Евгению, грустно покачало головой. Рябь побежала по одежаниям его соплеменников.

— Нет, — всполошился Евгений и оттолкнул священника. — Мы — дети, — закричал он суще-

ствам. — Мы не знаем ответа на этот вопрос.

— Что ты творишь?! — подскочил к Евгению доктор наук.

Но Евгений прильнул к прозрачной стене.

— Я правду говорю! Может, и основы для нас нет, — последнее Евгений скорее спросил, нежели просто сказал. — Мы не готовы, мы пока не поняли.

— Вы пока непроницаемы, — раздался голос в последний раз. И стены заволокло белым.

— То есть ответ не устраивает?! — возмутился майор Волков.

— Просто они с детьми дел не имеют, — сказал Евгений. На душе его стало тоскливо.

— А ведь мы действительно ещё не созрели! — усмехнулась библиотечарша и вдруг начала оседать. Евгений попытался подхватить её и сам рухнул в обступившую его темноту.

— А как же мы расскажем-то всё? — бубнила Анна Сергеевна.

— Вот мы ничего и не расскажем! Ни-ко-му! — архитектор проговаривал эти слова уже пятый раз.

— Вы же не хотите, чтобы нас группой отправили в «желтый дом», — поддержал его майор.

— Я с вами в одном доме? Ни за что! — ворчала Жанна Борисовна.

Люди, в полном составе, не потеряв никого из товарищей, сидели в лесополосе, в тенёчке, около автомобильной трассы. Очнулись все одновременно, кроме храпящего Вани. Все с жалостью поглядывали на распластавшегося под кустом молодца — пропустить главное приключение жизни! Стоял звенящий жаворонками жаркий полдень. Все замолчали.

— Как добираться-то будем? — спросила Настя, отмахиваясь от назойливой мухи.

— Как-то! — сказал раздражённо Иванов.

— Предлагаю, раз все выжили, очистить карманы и совесть от денег, — усмехнулся майор Волков. — И поделить поровну. На всех.

— Совесть не делится на всех, — закричал батюшка Игнатий, поднимая грузное тело с земли. — Так что только деньги. — Он запустил руку в боковой карман рясы. — Уж не взыщите, одна мелочь.

— Да мы понимаем, — зло сказал майор, — на паперти, да, много не насобираешь!

— Ой, не голосите бестолку, — махнул рукой батюшка. — В храм несут от души, а вы у людей отбираете.

— Несут в храм, а лежит у вас в кармане, — воткнула Жанна.

— Не гневите бога! — начала Анна Сергеевна и осеклась. Батюшка воззрился на неё, глаза его увлажнились. Он повернулся ко всем спиной.

— Бога потерял, а денег так и не выложил, — зло проговорил майор.

Отец Игнатий резко обернулся и с гневным лицом бросился на майора. Мужчины повскакали с мест и ринулись разнимать сошедшихся в бою «религию» и «военную доктрину».

Женщины завизжали.

— Ядрит твоё налево! Шо за мамаево побоище? Мене щас стрелять или подождать ментов?

Все обернулись к очнувшемуся Ване. Потасовка затихла. Ваня оглядел всех чистым, словно тщательно выстиранным, взором.

— А где те... в простынях? — Ваня руками точно обрисовал в воздухе силуэт.

— Нету. Концерт закончен. Пройдите в гардероб, получите ваши тапки, — сказала строго Анна Сергеевна. — Что ж ты, Ванечка, пьянь небесная, проспал важное дело!

Ваня удивленно поднял брови.

— А шо было-то? А шо, нас не взяли до ихней хаты?! А они, шо, нас застеснялися?! Ну, так в следующий раз встретимся!

— А они, между прочим, задавали важный вопрос, — сказал архитектор.

— А мы... не ответили, — с горечью в голосе добавил Санёк.

Ваня с силой стукнул себя кулаком в грудь.

— Да я... для вас... за вас... я б ответил, — выдохнул он.

— Вот и ответь, — сказал архитектор. — Спросите у него, Евгений! Пусть ответит. Хотя бы нам. Раз эти не дождались нашего просветления. Посмотрим, что этот бодхисатва скажет.

Ваня уставился ясными глазами на Евгения. Ваню слегка покачивало, но во взоре просматривалась серьёзная попытка сосредоточиться. Евгений вздохнул.

— Они спрашивали... Что для нас, людей, основа. Точка опоры, так сказать, для всего человечества. Ты бы как ответил?

Ваня провёл ладонью по лицу, разминая лоб, щёки, подбородок, и сказал:

— Прониц... цаемость.

— Что?! — вскричали все вместе. Ваня даже вздрогнул. — Какая такая проницаемость?!

Майор Волков подбежал к Ване, схватил его за



грудки и затряс, как грушу.

— Ты, сволочь немытая, говори!

Евгений и архитектор вырвали Ваню из лап Волкова. Батюшка оттащил майора. Все заорали, каждый о своём. Евгений усадил Ваню на траву. Опустился перед ним на колени.

— Всем молчать! — крикнул он. Сгрудившаяся над ними компания возбуждённо дышала, но голоса не подавала. Евгений обратился к недоумевающему виновнику общего возбуждения, чётко проговаривая каждый слог.

— Что ты имеешь в виду, говоря о проницаемости?

— Бить будете? — коротко спросил Ваня, хмуря лоб.

— Нет. Но не тяни с ответом. Итак, что для тебя основа? — Евгений сделал упор на последнее слово.

— Ну... — начал Ваня медленно, с трудом подбирая слова. — Ну, проницаемость, — тут Ваня немного сжался, как будто ожидал подзатыльника, но, увидев сосредоточенные лица, расправил плечи. — Ну, вот как стёкла в окнах. Вот они грязные. Темно. А Галка помоеет их, и светло в комнатах. И на душе.

Лицо Вани просветлело. Он, улыбаясь стоящим над ним хмурым людям, продолжил:

— Так и человек в основании должен быть чистым, как стекло мытое. Свет пропускать. У всех должна быть там, — Ваня ткнул себя в область сердца, — Галка, которая окна моет. А без этого нельзя человеку. А всё другое токма вид заслоняет. Мешает свету войти...

Через два часа Евгений ехал в маршрутке и не думал о том, как рассказать о приключении жене. Он думал о том, как объяснить всё дочери. Так, чтобы она передала в подробностях своим внукам и правнукам. Так, чтобы через тысячу лет кто-то из его потомков на вопрос: «Что есть основа человека?» уверенно ответил: «Чистота и проницаемость для света».



Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/



Сказка о рыбаке и рыбке

Васильев Ярослав

Пф-ф-ф... Пока хозяин кабинета смотрел на очередное облачко сигаретного дыма, рука дрогнула, и пепел вместо положенного места просыпался на полировку стола. «Бросать надо курить, бросать. Сколько раз давал себе зарок — и что толку?» — настроение испортилось. Причём не совсем понятно, от чего больше: от собственного слабоволия или от того, что опять чуть не испортил стол. А за него, между прочим, деньги плачены. И немалые. Чтобы вернуть себе хорошее расположение духа, Константин Евгеньевич достал из ящика стола альбом с фотографиями и стал листать, вспоминая нелёгкий жизненный путь. Верное средство успокоиться. Всегда действовало лучше водки.

Вот он на самом первом снимке — пионер, молодая надежда несуществующей нынче страны. Тогда делал свои робкие шаги на ниве борьбы за Правду. Когда, не стесняясь несправедного осуждения, честно и открыто рассказывал старшим об ошибках и проступках. Своих и одноклассников. А дальше — уже комсомолец, молодой активист. С замечательными рекомендациями пришедший на работу в райком — заслуженная награда тяжких трудов... Легкая тень воспоминаний слегка омрачила снимок. Потому что вместе с ними пришла память о Леночке. Первой любви и главной сопернице за место в райкоме. Он тогда поступил верно, рассказав всем о её проступке. И совесть его была чиста, ведь нарушать заповеди комсомольца девушку не заставлял никто. И потому

предпочли именно его — человека с незапятнанной репутацией, старательного и... Но какой-то осадок всё равно остался до сих пор. И Константин поспешил перелистнуть страницу.

А здесь уже девяностый, он в компании остальных членов только что организованного фонда «Слово и дело». Начало деятельности как истинного правозащитника... Впрочем, с коллегами дорожки разошлись довольно быстро: потребителей разного рода зарубежных грантов Константин Евгеньевич никогда не жаловал. Во-первых, считал себя патриотом. А во-вторых, потому что очень легко сесть на крючок, послушно выполняя волю хозяина — и забыть истинное свое призвание. Борьбу за справедливость. Ведь её в нашем обществе не хватало никогда, а она — самое главное. Куда важнее и нужнее, чем разрекламированный, но, честно признаться, изрядно потускневший брэнд «свобода». И потому он, глава организации «Светлый мир», защищает людей от произвола государства. И не только рядовых граждан, но и бизнесменов, и чиновников.

Вернув себе хорошее расположение духа, Константин уже собрался закрыть альбом и убрать обратно в стол... как увидел, что на вложенной в последний форзац открытке засветились розочки. Не может быть! Свершилось! Один раз, ещё в детстве, когда родители повезли его на ёлку — он встретил... настоящего волшебника. И поверил чудакотому старичку, один из всех детей. Тот и подарил ему эту открытку. Сказав, что когда-ни-



будь она выполнит самое сокровенное желание. Только это самое желание должно быть не совсем для себя. Шли годы, открытка стала всего лишь напоминанием-талисманом, но всегда была под рукой. И вот! Желание давно загадано — сделать наше общество более справедливым! А для этого надо исправить его. И исправлять с основ, с детских сказок. Ведь именно дети — фундамент, так сказать, этого самого общества! «Но с чего начать?.. — взгляд упал на томик Пушкина, оставленный забегавшей на днях к нему на работу после школы дочкой. — Годится!» И, положив талисман на книгу, Константин воодушевлённо шагнул в появившуюся дверь...

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.

Пустынный пляж встретил Константина криками чаек, ярким голубым небом, запахом йода, морских водорослей и свежим ветром. Сразу растрепавшим тщательно уложенную причёску, забравшимся под пиджак, и заставившим покрыться после тёплого офиса гусиной кожей. «Где эти чёртовы пенсионеры! Я тут к ним на помощь спешу, понимаешь, а им даже нормальную табличку-указатель поставить лень! И куда мне теперь?» Сменивший направление ветер принёс



Проза. Фантастика

противную вонь потрошёной рыбы. И воодушевлённый искатель справедливости, зажав нос, поспешил в сторону предполагаемого места обитания будущих «подзащитных».

Наполовину вросшая в землю избушка встретила его тишиной. Да крепкими запахами сохнувших сетей, вонь от которых добавилась к остальным ароматам. «Эй! Есть тут кто-нибудь?! Эй-ге-гей!» — Константин собрался уже было посмотреть внутри (надеясь, что ветхое сооружение не обрушится за это время ему на голову), когда из-за угла вышел Старик. Типичный сельский дедок с лохматой белой бородой, в полотняных штанах, лаптях и неновой куртке. «Или как эту штуку нам в школе называли? Зипуне? Впрочем, не важ-

но, — отбросил Костя посторонние мысли, — надо налаживать контакт!» И, нацепив самое радушное выражение лица, начал:

— Здравствуйте, уважаемый!

— Ась? А, и тебе здрав буде, мил человек.

Запутал, небось? Так...

— Нет, отец. К вам я. Правозащитник я!

— Ась? Кто-кто?

— Правозащитник. Ну, с правами твоими помогать буду, дед.

— Так ведь, это. Левша я.

Константин ошалело посмотрел на Старика, даже вызубренное годами радушие дало трещину. Издевается? Или на самом деле такой... скажем, недалёкий? Тогда надо с другого конца.



Художник Лев Елена

— Вот что, отец. Отведи меня к Рыбке.

— Эт... не надо государыню Рыбку тревожить. Осерчает пуще прежнего. И так в прошлый раз...

— Договоримся. А тебе за помощь по вопросу новой избы помогу.

В словах было столько уверенности, что Старик дрогнул... как на голоса вышла Старуха. Типичная бабулька, в обычные дни, наверное, тихая любительница внуков, сейчас напоминала разъярённую мегеру:

— Совсем с ума сошёл, старый! Последнего корыта хочешь меня лишить!..

Успокоить настырную тётку удалось с трудом. Приложив всё накопленное за годы искусство улаживания споров с такими же вредными пенсионерками. И вот, наконец, Константин вместе со Стариком стоял на берегу и звал Рыбку. Радуюсь тому, что ветер наконец-то утих, а солнце печёт совсем по-летнему. Не то что дома, где декабрьские морозы уже неделю не давали термометру подняться выше минус двадцати пяти. Кричать пришлось довольно долго. Пока на морской глади не возникла воронка, которая подпрыгнула двухметровым фонтаном и рассыпалась искрами капелек. Когда облако рассеялось, Костя увидел застывшую в виде трона воду. На котором восседала Золотая Рыбка: совсем как аквариумная, только размером с хорошую щуку. На «лице» ничего было не разобрать, но оба человека явно почувствовали её недовольство.

— Чего тебе надобно, старче? — неожиданно для Константина спросила она колоратурным сопрано. — Или прошлого урока мало?

Старик со сдавленным хрипом рванул с головы шапку, и уже собирался бухнуться на колени, как его спутник горделиво вышел вперёд и спокойно заговорил.

— Здравствуйте, уважаемая! Не надо обижать уважаемого пенсионера, он вас побеспокоил по моей уважительной просьбе, — дальше Костя излагал свою идею уже немного торопливо, сбивчиво: ещё заподозрит килька, что он себе что-то выпрашивать явился. Но рыбка, кажется, об этом даже не задумалась, ошарашенная необычностью идеи. — Дело в том, уважаемая, что я знаю, в чём причина ваших прошлых разногласий. Между уважаемым представителем народа и вами произошло обычное недопонимание, которое и привело к досадному недоразумению и тягостным последствиям. Я предлагаю повторить всё снова, но теперь уже на правильной современной основе. Вот скажите. Кто здесь командует?

— Да я вроде бы... — ошеломлённая натиском Рыбка повела плавниками.

— Вот! Все ваши проблемы в том, что ваши взаимоотношения построены исключительно на устной договорённости, которые провоцируют недопонимание населения и произвол со стороны вертикального воздействия руководства. Я же предлагаю вам вести себя как положено в современном, цивилизованном гражданском обществе. Заключить, так сказать, общественный договор между властью в вашем лице и народом в лице представителя славной профессии рыбаков.

Получив согласие, Константин достал из кармана пиджака заранее заготовленную бумагу и громко начал читать:

«Договор. Представитель народа, именуемый в дальнейшем «Заказчик», в лице Старика с одной стороны и представитель власти Золотая Рыбка, именуемая в дальнейшем «Исполнитель», с другой стороны, заключили настоящий Договор о нижеследующем. Согласно настоящему соглашению Исполнитель обязуется по заданию Заказчика оказать следующие услуги: выполнение заказанного желания в полном объёме. Количество и состав желаний не регламентируется.

Права и обязанности Сторон. Обязанности Исполнителя: в разумные сроки выполнять поручения Заказчика в рамках услуг, предусмотренных настоящим Договором. Гарантировать Заказчику качество оказываемых услуг.

Обязанности Заказчика: предоставлять Исполнителю информацию, необходимую для выполнения Исполнителем своих обязательств. Предупреждать Исполнителя о потребности в его услугах в устной или письменной форме не позднее, чем за пять часов до предполагаемого начала оказания услуг».

Дальше пошли стандартные пункты об ответственности сторон, о неустойке и прочие обязательные части подобных документов. Но и Старик, и Рыбка слушали уже невнимательно. «Видимо, ошеломлены открывающимися перспективами», — довольно подумал защитник обиженных. Закончив читать, он спросил:

— Если возражений нет, предлагаю на месте подписать в трёх экземплярах. Сторонам и мне, как ответственному незаинтересованному наблюдателю, — и, спрятав в пиджак свою копию с вензелем «ЗР» и заверенным отпечатком пальца неграмотного Старика, продолжил: — Итак, предлагаю начать. Что там у вас было первым на повестке дня, уважаемый?

Проза. Фантастика

— Так это. Корыто там было. Старое-то совсем треснуло.

— Тогда с корыта. Думаю, с вашей стороны, госпожа Рыбка, претензий по этому вопросу нет? Вот и хорошо. Тогда предлагаю вам, уважаемый Старик, пройти и проверить качество выполненных работ.

Возле домишка их встретила радостная Старуха. Она суматошно пыталась кланяться, что-то бормотала. Но Константин её не слушал — дело не ждёт! Теперь изба! Да и пенсионеров на следующий шаг удалось уговорить почти сразу...

Во второй раз море встретило их ветерком, весёлыми кучерявыми барашками-облаками и волнами, с протяжным «ш-ш-ш» набегавшими на пляж. Появившаяся Рыбка смотрела чуть подозрительно. Но выслушав просьбу, а также аргументы о «несоответствии занимаемой жилплощади никаким санитарным нормам», согласилась. После чего довольный правозащитник в сопровождении Старика отправился на инспекцию желаний.

Какое-то время он нежился в благодарности Старухи, растроганной большой светлой избой-пятистенком. А ещё топится по белому, да лавки-то все новые, и печь словно вчера побелена! Воодушевлённая бабуля так расстаралась с обедом, что слегка осоловевшему от обильной еды Константину даже захотелось всё бросить, подремать... Но долг зовёт! Потому, едва со стола исчезла последняя миска, он заявил: «Двигаемся дальше. Что там у нас на очереди?!» Уговаривать пришлось долго. Перепуганные старики слёзно просили не губить, умоляли оставить их в покое... Опора правды и совести был неумолим. Надо! И потому вместе с понырым подзащитным он снова стоял на берегу.

Погода заметно испортилась. Небо затянула серая хмарь, ветер стал резким, порывистым. Холодным. Волны теперь набегали не игривыми щепотками, а с шумом и силой ударялись о песок, так и норовя утянуть за собой в море неосторожно оказавшегося в их мимолётной власти. Да и вода из прозрачной лазури превратилась в мутное бутылочное стекло, засорённое клочьями пены и разным мусором. Под стать антуражу была и недовольная рыбка.

— Я так понимаю, за дворянством? Мало, мужик, прошлого раза? Или опять баба меры не знает?!

— Смилуйся, государыня, — в этот раз Костя Старика удержать не смог, и тот упал на песок, отбивая земные поклоны. — Прости нас, не надо нам ничего! Избу только, разве что! Не своей волей пришёл...

— Не надо унижаться, — скривился Константин. — Человек — это звучит гордо. А трудовой человек — в особенности! Это я его позвал, многоуважаемая Рыбка. И дело вовсе не в таких пережитках глухого феодализма, как дворянство. Просто я считаю, что отработавшим столь долгий трудовой стаж — а тридцать лет и три года, согласитесь, немало — нужен постоянный уход. Особенно если работа была сопряжена с физическими нагрузками и повышенной вредностью. Обеспечить же подобное отношение в данных условиях возможно только в форме столбового дворянства. Пока не будут найдены более эффективные...

— Хватит! Утомил, балабол, — Рыбка картинно взмахнула плавниками. — Ладно, уговорил. Будет им всё. И уход, и прислуга.

Вернувшись, Старик и Константин обнаружили на месте избы симпатичный двухэтажный особняк в стиле барокко, окружённый пышным садом. У кованых ворот ажурной ограды их встретил вышколенный молодец в зелёной ливрее и без слов проводил к хозяйке. Костя с удовлетворением заметил, что вроде бы бабке смена обстановки пошла на пользу. И платье посимпатичнее, и пара грудастых румяных девок, расчёсывающих волосы, неплохо смотрится. Вот если бы не испуг на лице... всё портит. Особенно когда старушенция поняла, что Костя собирается продолжать. Хорошо хоть первый этаж был и забор невысокий. Да здоровенные парни, которые пытались его ловить, такие неповоротливые. Вот не понимают люди своих благодетелей. Он старается, свои нервы тратит. А они: «В подвал и связать, чтоб не сбёг!» Неблагодарные!

На пляж Константин вышел в одиночестве. Лишь где-то вдалеке стоял и крестился догнавший его Старик. Ждать пришлось долго, и поборник справедливости успел проклясть позолоченную кильку с сомнением раз десять: погода испортилась окончательно. Солнце скрылось за хмурыми облаками, злой холодный ветер так и норовил сорвать пиджак, забирался под рубашку и высасывал тепло. Словно отлитые из свинца волны с яростным рёвом накатывали на берег, сметая всё, до чего могли дотянуться. А серое небо постепенно поглощала набегающая чёрная туча. Обещая вот-вот обрушиться проливным дождём.

В этот раз Рыбка обошлась без спецэффектов — просто вынырнула из волны и уселась на тут же возникший трон. Окинув взглядом людей на берегу, она с сомнением и нотками удивления в голосе спросила:



Художница Лев Елена

— Та-а-ак. Будешь предлагать бабку на царство?

— Но развитие творческого потенциала старшего возраста требует...

— А потом, — оборвала его рыбка, — «чтобы ты сама ей служила, и была бы у ней на посылках?» Нет уж, хватит! Обойдётся!

— Ага! Как всегда, власть пытается отказаться от своих обязательств! — гордо крикнул Константин. — Но в этот раз не выйдет! — он выхватил договор и начал громко читать пункты о неисполнении обязательств и неустойках.

— Надоел! — Рыбка махнула плавником, бумажка вспыхнула пламенем и тут же разлетелась пеплом. — Старик! Эй, Старик! Корыто новое с меня, дом. Лодку хорошую добавлю. Только убери с моих глаз этого.

— Ничего у вас не выйдет! — встал в горделивую позу спаситель обиженных. — Трудовой народ, один раз вкусив свободы от государственного произвола, никогда добровольно не наденет ярмо рабства и пресмыкательства... — договорить он не сумел. Ткнувшись лицом в песок и почувствовав,

как крепкие мозолистые руки умело вяжут на запястьях и щиколотках узлы, Костя пытался было вырваться — но куда там «офисному планктону» против тянувшего каждый день тяжёлые сети рыбака.

— Повесь его в лесочке. Только подальше, чтобы с берега видно не было.

Полчаса спустя Константин с ужасом слушал Старика, который старательно перекидывал верёвку через ветку дерева и прилаживал под ногами правозащитника чурбачок:

— Ты уж прости меня, мил человек. Не со зла я — государыня Рыбка велела. Да и изба с лодкой новые нужны очень...

— Не надо! А-а-а! Простите, я больше не буду! — с ужасом Костя почувствовал, как вылетел из под ног обрубок бревна, наступила темнота и... он очнулся у себя в кабинете.

«Уф! Надо же, прямо за столом уснул! — Константин радостно ощупал шею, которую неудачно сдавил перекрутившийся галстук. — Ну и гадость же привиделась...» Достав из нижнего ящика лежавшую там «на крайний случай» бутылку водки, он, даже не глядя на высохший пакетик чая, плеснул в чашку сразу до середины и сделал несколько глотков. После чего достал альбом с фотографиями и принялся листать. Вот он пионер, вот комсомолец. Вот приятели девяностых, вот банкет по поводу открытия своего фонда... Чашка вылетела из внезапно ослабевших пальцев и с жалобным звоном разлетелась по полу осколками. Вместо открытки-талисмана на последней странице был обрывок знакомой пеньковой верёвки и коротенькая записка: «Помни у меня!».



Васильев Ярослав

writercenter.ru/profile/Yaroslav2011/whois/

Художница Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/



Взломщик

Братья Ceniza

Я и не знал, как это делается. Вышел из храма, и, когда тяжелая дубовая дверь со стуком захлопнулась, запрокинул голову, пытаюсь разглядеть сквозь падающий снег небо. Невыразительное и тусклое, оно оставалось безучастным.

— Ненавижу, — прошептал я.

Аллея, замеченная ненадежным первым снегом, была пуста. Никто не слышал меня, но я все равно ощутил неприятный холод вдоль позвоночника. Так бывает, когда нарушаешь запрет.

— Ненавижу и не хочу.

Одинокий, пустой сквер. Никто не шел к храму, и я вдруг решился.

Кажется, это у Ницше я читал про древний обычай побивания кумира. Человек, недовольный своим богом, привязывал к истукану веревку и таскал по селению, награждая пинками и проклятиями. Божок волочился по земле, взбивая клубы пыли, а соплеменники, вспомнив о собственных горестях, вовлекались в жуткий обряд: закидывали чура камнями, насмехались, проделывали с ним всяческие непристойные вещи. Предав поруганию и сказав заветное слово, несчастного оплеванного бога отлучали от сообщества.

Мир, который он сотворил, отторгал его, и он оставался один.

Вина его была велика: неурожай, голод и мор уносили в те времена тысячи жизней, да и в самой основе мира заключена червоточина, ошибка, баг. За факт рождения уже должны даровать прощение. Но, представив ужас и позор, который ему пришлось пережить, и, главное, бездну одиноче-

ства, куда его низвергли, я неизменно протягивал руку над тьмой.

Так было до сегодняшнего дня.

Сжимая бланк с отчеркнутыми цифрами, я слушал врача.

«Мы подошли к точке, когда лечение убивает быстрее, чем болезнь. Шесть-девять месяцев. При благоприятном течении — год. Вам будет легче поддерживать жену, если вы примете факт...».

«Вы больше не будете ее лечить?» — наконец доходит до меня.

«Так случается».

«Ненавижу, не хочу и не люблю. Хочу, чтобы тебя никогда не было, тебя и твоего мира», — подумал я.

Связки дрогнули и пробудили к жизни звуковую волну. Я подхватил и потянул ее из этого мира вместе со снегом и светом. Там, где я забирал материю, открывалась темная воронка. Из нее веяло темным и недобрым, чуждым человеческому миру, и, когда она захлопнулась, я почувствовал облегчение.

Все. Слово произнесено. Неужели так просто?

Не веря в содеянное, я прислушался. С проспекта долетал приглушенный гул автомобилей и гудки клаксонов, но здесь — в заснеженном парке — было все так же тихо и недвижимо. Низкому серому небу было все равно. Слово ничем не отличалось от обычных слов, ничего не значило и не имело цены в этом мире, как и в том, в другом. Тихо падал снег...





Художник Ульяна Колесова

А потом за спиной хлопнула дверь. Я обернулся: на крыльце стоял священник. Глядя на меня сочувствующим взглядом, он протянул бланк, который я забыл, когда ставил свечу. На этом листке бумаги червоточина мира являла себя всего лишь в нескольких цифрах. Небольшое отличие, и нить жизни истончается.

— Иди к ней и будь рядом, сколько потребуются, — сказал он.

Я глянул в добрые глаза и хотел сказать, что из-за этих цифр ненавижу его треклятого божка. Знаю наперед все аргументы: нам не дают испытаний, которые не по силам, да? Дают, ох как дают — сколько сломавшихся! Да ведь и человек такая скотина, что будет терпеть, даже если и не по силам, даже если он уже не может терпеть. Но должен же кто-то наконец сказать ему: стоп! хватит!

Мой бунт далек от алгебраического уравнения: «тварь ли я дрожащая, или право имею», и даже от софистского резюме: «если бога нет, то все позволено». Я человек простой, и подъезжаю к богу просто: ты мне должен. Должен — оплати.

Нет, не поймет меня священник, начнет увещевать. Весь этот месяц он столько говорил о смирении, что я не вынесу больше ни единого слова.

Я протянул руку, чтобы забрать листок, но пальцы прошли сквозь бумагу, словно не было никакого бланка. Решив, что мне это кажется — я не спал всю ночь и по этой причине мог грезить наяву — попытался ухватить бумагу. Моя рука увязла в предплечье священника. Он быстро глянул на меня, во взгляде забрезжила догадка.

— Слово? — выдохнул он вместе с клубами пара.

— Слово, — подтвердил я.

Воздух у моего рта оставался холодным, я не выдыхал тепла. Я вдруг понял, что вообще могу не дышать. И как только я это осознал, мои ноги стали тонуть в бетонных ступенях, словно это был зыбучий песок. Сглотнув слюну и сделав над собой усилие, выбрался на твердую поверхность, забрал у священника листок и, повернувшись, стал спускаться вниз по лестнице.

Слово работало. Мир отторгал меня, а я его. Прежде чем нас окончательно разнесет, нужно успеть сделать, что я задумал.

— Иван, — позвал меня священник, когда я ступил на усыпанную снегом дорожку. — Верни слово.

Я покачал головой.

— Что ты хочешь сделать?

Я улыбнулся. Мир выбрасывал меня вместе с огрызком материи. Совсем скоро в моем распоряжении окажутся задворки Вселенной, куда не проникает взгляд творца. Мой мир, и я сам установлю в нем правила. Цифры на бланке там будут означать другую судьбу.

— Погибнешь! — долетело до меня. — Несчастный! Несчастный...

Я шел по собственным следам, один за другим они появлялись передо мной на дороге. Снег белым пушистым щенком бежал рядом. Он помнил, что я любил его приход в разгар слякотной поры, холодными пальцами касался лица, ознобной щекоткой проникал за воротник пальто, но я не имел права играть с ним. Я был вне этого мира, и крал его по глотку, как украл Слово из храма.

Холодно, как же холодно быть одному. Плоское двумерное небо давит и сводит с ума.

— Молодой человек! Вы не видели мальчика? Только что катался на велосипеде, — пожилая женщина смотрела на меня полными ужаса глазами.

Одетая в легкий летний костюм, она начинала замерзать под леденящим ветром. В пластиковой корзине, которую она нервно сжимала побелевшими пальцами, лежали темно-красные вишни.

Я не мог останавливаться, и не мог думать, как и откуда она сюда попала, где остался мальчик. Наверное, ее внук. Слово сказано, и ничего не изменить. Я должен успеть до того момента, когда ощущение одиночества сведет меня с ума.

— Молодой человек, здесь должна быть улица Беленкова. Где она? Где?!

Семья — отец, мать и две дочери — в растерянности стоит возле старенького «Рено», беспомощно взирая на то место, где еще недавно стоял жилой многоквартирный дом.

— Там наша бабушка...

Воздвигнув между ними и собой стену отчужденности, я почти бежал к цели. Рядом верно следовал снежный пес.

Следы завернули за угол. Дальше через дорогу начиналась территория больницы. За чугунной оградой над сплетением голых кленов высилось ее многоэтажное здание.

Вперед! Быстрее! Нужно забрать мою любимую, пока я еще существую...

Я выбежал из-за угла: больницы не было. Города не было. Безбрежное заснеженное поле сливалось с белесым небом. Там, где они соприкасались, темнела воронка.

— Туда, — сказал я псу.



Мы перешли через автостраду и ступили на поле. На пушистом белом покрывале я увидел узорный протектор женских сапожек.

Без меня? В груди похолодело. Почему? Я взгляделся в мертвое небо. Ответа не было.

Ветер выл, поле рассыпалось снежной пылью под ногами. Я поднял воротник пальто, и там, где руки держали материю, остались знаки, обозначающие Слово.

Мы дошли до цели на исходе дня. Белый песок скользнул в провал, и воронка с чавкающим звуком захлопнулась за ним. Я последовал за ним, но меня отбросило прочь.

— Слово! — выкрикнул я.

— В доступе отказано, — прозвучало сверху.

— Гад, ненавижу, — я сжал кулаки.

— Пароль неверен.

— Слово.

— В доступе отказано.

— ...

— В доступе отказано, отказано, отказано...

Реальность теряла цвета и краски. Я распадался на мириады белых снежинок. А потом закончился свет, но мое тело еще что-то чувствовало, кажется, это была боль.

Вот теперь я совсем один, и я не успел...

Двое — subtilный очкарик и темноволосый брутал — появились из темноты.

— Робби, смотри, мертвый бомж, — сказал брутал и склонился над телом, занесенным снегом. — Какая-то записка в руке.

Брутал разжал скрюченные пальцы «бомжа» и вытащил из посиневшей руки листок. Цифры на нем были отчеркнуты красными чернилами. Несколько букв, полыхающих огнем, светились на обороте.

— Дай-ка сюда, — очкарик отобрал у приятеля бланк.

— RePWL, — прочитал он горящие знаки.

— Это не бомж, Люцик. Это взломщик. Примитивный, ориентированный на эмпатию.

— Откуда тебе знать, — ухмыльнулся брутал, которого звали Люциком.

— Ты слышал, как утром в бурсе говорили, что в зоне провала перехватили трехмерных: пса и женщину?

— Этот, значит, третий? Не повезло ему.

— Зато повезло нам. Представь взломщика в нашем мире, — сказал Робби.

— Да-а-а-а, — протянул Люцик. — Он бы столько дел наворотил! Ну, потащили? Нам за него благодарность в дело внесут.

Робби и Люцик взяли бомжа и поволокли по снежному полю в направлении к темнеющей у горизонта точке. За спинами у них болтались поникшие рваные крылья.

— Тяжелый, — сказал один.

— Ну, так, силен мужик. Взломщику никогда не удается пройти через портал, а этот смог.

— Смог, да сдох.

Оба заржали.

Человек, которого несли два ангела, вдруг открыл глаза и застонал.



Братья Ceniza

writercenter.ru/profile/Ceniza/whois/

Художник Ульяна Колесова

www.shannonassociates.com/artist/julianakolesova



Этот прекрасный, прекрасный, прекрасный мир

Бойков Владимир

Вчера в инете познакомился с Жекой из Волгограда. Милое озорное личико, миниатюрная фигурка. Она сразу покорила меня своей непосредственностью.

Сначала мы с ней долго болтали, потом я перенёсся в её город. Встретиться договорились в Центральном парке. Мы бродили по аллеям вдвоём. Никого вокруг, только птицы и кошки.

— Куда подевались люди? — недоумевал я.

— Они тебе нужны?

— Нет, конечно, просто странно...

— Не хочу никого видеть, — улыбнулась Жека и, заметив, что я растерялся, добавила:

— Кроме тебя.

— Я тоже.

— Ты говорил, что любишь кошек?

— Да.

— А я птиц. Полетаем?

— Я не умею.

— Это просто. Смотри! — Жека взмахнула руками...

Когда стемнело, на улицах зажглась иллюминация. Мерцающий свет расцветивал город: струился из тротуаров, крыш домов, изящными змейками вращался вокруг деревьев. Прямо в воздухе висели голографические живые картины.

— Надо же, — удивилась Жека, — работают дизайнеры. Каждый день появляется новое. Добавим что-нибудь от себя?

— Давай!

Она протянула ладони к небу.

Её тонкую фигурку окутали нежные пастельные краски, ввысь устремились призрачные сверкающие птицы. Жека вышла из цветового кокона и стала любоваться своим творением.

— Нравится? — спросила лукаво.

— Очень.

— А твой город так же красив?

— Не знаю. Я по нему не гулял уже больше года.

— Пригласи меня завтра. Хорошо?

Мы присели на лавочку.

Жека говорила, смеялась, шутила, я кивал и жадно слушал. Как интересно она умеет рассказывать! Вскоре я почувствовал, что засыпаю.

Утром, как всегда, очнулся в своей кровати. Вставать не хотелось. Жека! Жека! Жека! Никаких других мыслей. Неужели влюбился?

Нейроинтерфейс мигом перенёс меня в экзотическое кафе на Багамах. Тропические растения за террасой, тёплое море вдаль. Я уселся в плетёное кресло и послал мысленный вызов в пространство. Надеюсь, моя персона не наскучила ей вчера, и нам предстоит ещё не один день вдвоём...

Мы пили сухое красное вино, закусывали королевскими креветками, думали друг о друге.

После завтрака перенеслись в мой город, и я повёл её по плохо узнаваемым улицам. Появилось много новых зданий, фонтанов, скверов...

Жека восхищённо вертела головой.

— Что это? — спросила она, показав на огромный металлический шар в небе.

— Не знаю. Тут столько всего понастроили. Но сейчас узнаем.

Я сосредоточился в запросе:

— Это музей Игромании.

— Можно было и самим догадаться, что музей, — сказала Жека. — По гравитационным лифтам.

— Древний исторический анахронизм, — поддакнул я. Действительно. Современные техноло-



гии позволяли посетить любой объект без всяких лифтов, но, видимо, архитектору хотелось отдать дань старине.

— Пойдём туда, — сказала Жека, показав на возвышающиеся над городом причудливые небо-скрёбы.

— Пешком? — удивился я.

— Да. Мне не хочется сокращать время и пространство.

Я глянул на неё восхищённо. Именно пешком. Это далеко и долго, но когда мы вдвоём, я готов идти хоть на край света...

Наши ежедневные встречи превратились в праздники. Ушли в небытие прежние, казавшиеся мне теперь скучными, развлечения: игры, пространственные фильмы, участие в интерактивных исторических баталиях.

До сих пор я никогда ни к кому не привязывался. Друзья появлялись и исчезали. Мне быстро наскучивал один и тот же человек. И, как только он раскрывался полностью — с ним становилось неинтересно. С Жекой всё было по-другому. Её неукротимая фантазия показала мне, как мало я знаю и умею.

— Сегодня ты увидишь мой остров, — мило улыбаясь, пообещала Жека.

— Почему только сегодня?

— Он ещё не был готов.

Океан, незнакомая тропическая растительность. Не очень высокие горы с гротами, пещерами и причудливо громоздящимися валунами возвышались над заливом. Прохладное уютное бунгало. Над опутанной виноградом террасой нависали гроздьи невиданных фруктов. пляж с ди-ковинными ракушками и разноцветной галькой из переливающихся под солнцем драгоценных камней. И много, много птиц.

— Хочу здесь жить, — размечтался я.

— Мы сможем бывать здесь, когда захотим.

— Мне этого мало. Я хочу просыпаться утром рядом с тобой, целовать тебя сонную, приносить тебе свежий сок в постель...

Жека вздохнула огорчённо:

— Ты слишком многого хочешь.

— Почему?

— Так устроена жизнь. Мы многое можем, но не всё. Мы не боги.

— А боги могут? Давай попросим Майю.

— Не могут. Я спрашивала.

Где бы ты ни заснул — хоть днём, хоть ночью — просыпаешься всегда в своей квартире. Жека права: так устроена жизнь. Но как хотелось бы, очнувшись утром, обнимать любимую девушку. Ведь руки ещё чувствуют тепло желанного тела, нежные пряди её волос щеко-чут закрытые веки. Почему мы можем встречаться каждый день, но не

Фото Роман Каргаполов



жить вместе? Почему каждое утро я оказываюсь дома? Надо самому спросить Майю.

Богиня явно темнила и была озабочена моим любопытством. А потом случилось странное. Её голографический образ покрылся старинным текстом. Точно таким, как в музейных книгах. И что мне с этим делать? Тексты положено читать, их смысл не входит в мозг произвольно, а письменность давным-давно канула в вечность. Я запомнил очерёдность букв и перенёсся в музей Истории. Разыскал алфавит.

«ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ ПРАВДУ?» — с трудом прочитал тот текст по буквам.

— Хочу, — сказал я.

Ничего не произошло. Я стоял перед алфавитом и не понимал, что делать дальше. Призвать Жеку? Она точно сообразит. Или спросить Майю?

Лицо богини было приветливым.

— Уходи отсюда, — сказала она. — Не всякое знание доставляет радость.

— Зачем тогда нужен этот музей?

— Он создан древними людьми. Я не могу его заблокировать.

И снова её образ покрылся буквами:

«ИДИ В ЗАЛ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, — прочитал я. — ПРОСЛУШАЙ ИСТОРИЮ МАЙИ».

Примитивный экран во всю стену засветился, как только я приблизился, и человек со странным непривычным лицом в морщинах спросил, что я хочу знать.

— Почему у вас такое лицо? — спросил я совсем не то, что собирался.

— Какое?

— Необычное. Как будто его состарили.

— Для человека, которому шестьдесят лет — самое обычное.

— Шестьдесят лет? Что это такое?

— Это возраст.

— Не понимаю.

— Ясно — ты из будущего. Какой у вас там год?

— Год? Что это такое?

Человек замолчал. Его изображение начало подёргиваться. По-видимому, старинная техника затруднялась с ответом.

— Это летоисчисление, — прозвучал ответ.

Теперь озадачился я. Летоисчисление? Подсчёт количества сменяющихся времён года? Чувь какая-то, кому это надо? А, ладно, древние люди постоянно занимались всякой ерундой...

— Расскажи мне историю Майи.

Изображение дёрнулось ещё раз и начало произносить:

«...Люди всегда пытались обмануть органы чувств. Пищевые добавки улучшали вкус недоброкачественных продуктов. Алкоголь и наркотики уводили от реальности или хотя бы притупляли её несовершенство. Любое искусство — это синтетическая фантазия. Игры позволяли уйти от действительности в вымышленный мир.

То, что мозг легко обмануть, издревле знали гипнотизёры. Они могли внушить, что горький перец — это яблоко, что керосин пахнет розами, что старый человек — молод. Они могли почти всё, но лишь на короткое время.

С развитием компьютерной техники и программного обеспечения стало ясно — интерактивный мир для людей привлекательнее реального. И уже к концу первого столетия нового тысячелетия объединёнными усилиями программистов Maya, 3D Studio Max и Light Wave 3D был создан пакет программ, позволяющий через нейроинтерфейс Intel путешествовать по интерактивным мирам, неотличимым от реальных. Следующий шаг дал возможность пользователю самому достраивать и даже создавать собственные вселенные. Огромной неожиданностью для создателей последней версии нейроинтерфейса стало то, что появилась возможность обманывать абсолютно все органы чувств человека.

Были проведены испытания. Добровольцы, помещённые в замкнутое пространство три на три метра, мысленно переносились в любую точку мира, занимались серфингом, плавали под водой без аквалангов, пили изысканные вина, ели омаров и даже занимались сексом с воображаемыми девушками. Но всё имеет свою цену... Вернувшись в реал, эти пятеро человек впали в глубокую депрессию, а двое из них покончили жизнь самоубийством. «Синдром возвращения из Рая» — так назвали психиатры состояние людей после отключения нейроинтерфейса.

Что ждёт человечество?

Оптимисты в восторге. Люди изобрели самый настоящий Рай. Ведь реальный мир тоже дан нам через ощущения, никто не знает, каков он на самом деле. Гниль горька не потому, что она горька сама по себе, а потому, что так устроены органы вкуса человека. Плодовым мушкам она кажется очень привлекательной.

Пессимисты предрекают крах цивилизации и полное вырождение человечества. Зачем строить



качественное жильё, если субъект, подключённый к нейроинтерфейсу, способен вообразить, что живёт во дворце? Зачем поддерживать продовольственную индустрию, если для жизнеобеспечения тела достаточно какой-нибудь питательной галеты и обыкновенной воды?»

— Хватит! — крикнул я.

Морщинистое лицо замолчало.

Ночью, лёжа на тёплом прибрежном песке, я рассказал Жеке о буквах.

— Это сатанисты! — испугалась она. — Не верь им! Они хотят уничтожить Майю. Они — зло!

Утром я очнулся дома. Исчез пляж, исчезла Жека. Хотелось есть. «Что мешает нам позавтракать вдвоём?» — решил я. Программы, нейроинтерфейс... Какая разница, если жизнь прекрасна? Но что-то мучило меня, и я перенёс себя в зал компьютерных технологий.

— Почему я всегда просыпаюсь в своей квартире?

— Сон — естественная физиологическая потребность, он не подвластен программе. Поэтому человек просыпается там, где всегда находится.

— Всегда?! — мне стало страшно. Кто мы? Я, Жека, люди?

Я вернулся домой и призвал Майю.

Она смотрела на меня приветливо и молчала. Я ждал.

«ЗАКРОЙ ГЛАЗА И ПРИКАЖИ ИНТЕРФЕЙСУ ОТКЛЮЧИТЬСЯ», — появились слова.

— Зачем?

«НА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД ТЫ УВИДИШЬ РЕАЛЬНОСТЬ».

Я подсел к столу и сосредоточился.

Ничего вроде не изменилось. Хотя моя квартира стала выглядеть странно... Более примитивно. И её словно кто-то состарил, переокрасил в блеклые краски.

На столе появилось отверстие. Откуда-то снизу выехал поднос с круглой лепёшкой и стаканом с жидкостью. Понюхал. Обыкновенная вода. Голографический образ Богини покрылся новыми буквами.

«ЕШЬ», — прочитал я. Отломил кусочек лепёшки, пожевал. Безвкусная дрянь.

«ЭТО ТВОЯ РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ», — появились новые слова.

Я усмехнулся. Может, это чья-то жизнь, но не моя.

«ПОПРОБУЙ ВЫЙТИ НА УЛИЦУ».

Я шагнул к двери. Она не открывалась. Более того, её не было. Она выглядела, как рисунок на стене. В диком ужасе я ощупывал стену в поисках ручки.

В голове на миг помутилось. Вот она! Я распахнул дверь и выскочил на улицу. Всё в порядке. Меня встретила моя жизнь, мой город. Фонтаны, дворцы, парки, люди.

— Как тебя зовут? — остановил я миловидную девушку.

— Таня.

— Погуляем?

Девушка удивилась, осмотрела меня внимательно, улыбнулась.

Мы зашли в кафе, я заказал омаров и пиво. Вот она — моя жизнь!.. Что в ней не так? Что?!

Я оставил девушку в кафе и выбежал на улицу. Подскочил к прохожему, грубо дёрнул за рукав. Он попытался освободиться, но я схватил его за плечи и повалил на землю. Никто не обращал на нас внимания. Я делал то, что было невозможно в нашем идеальном мире. Невозможно?! Я занёс ногу для удара и... очутился в своей квартире. На столе остатки лепёшки, наполовину пустой стакан. И... нарисованная на стене дверь.

«ЭТО ТВОЯ НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ», — засветились слова.

— Сатанисты! — взвыл я. — Будьте вы прокляты!

«ВЫЛЕЙ ВОДУ В ПОДНОС И ПОСМОТРИ НА СЕБЯ».

— Не-е-ет!!! — но рука уже непроизвольно тянулась к стакану.



Вместо кожи - червивая шкура

Богданов Борис

Слон лоснился от капель тумана. При каждом шаге под его кожей вспухало и катилось от головы к хвосту мышечное кольцо. Укачивало, нагоняло сон.

Жан выплыл из дрёмы, потянулся и выпрямился. Тело ныло от неудобной позы. Слон, почуввав движение, засопел, закинул назад хобот.

— Силоса хочет, — оскалился Аркашка. — Скотина балованная!

Жан зачерпнул из жбана пахучий ком, вложил в слюнявый зев. Слон довольно хлюпнул, втягивая лакомство. Хоботом нашарил Жаново лицо, коснулся мокрыми бородавками.

— Ладно, ну тебя, — пробормотал Жан, отстраняясь.

— Пожрал — целоваться полез! — засмеялся Аркашка, затряс бородой. — Смотри, Жано, привыкнешь. Про девок забудешь... Целуешься с девками-то?

— Ещё бы! — громко ответил Жан.

— Эт-ты молодец, — сказал Аркашка. — Девок не пропускай. Вот, к примеру, Лизавета...

Лизавета сидела впереди — отдельно от остальных, крепко ухватившись руками за вибриссы. Услышав эти слова, она напряглась и ещё больше пригнулась; накидка встопорщилась на плечах. Чисто цапля под дождём. Всё равно красивая...

Жан нарочно напросился сегодня с ними — к Лизавете ближе...

— Язык у тебя дурной, Аркаша... — не оборачиваясь, сказала Лизавета.

— Откуда знаешь? — удивился Аркашка. — Не пробовала ещё. Отличный язык. Вернёмся...

Жану стало неприятно. Разве можно такое говорить? При девушке-то? Захотелось то ли уйти — а куда уйдёшь со слона? — то ли надавать Аркашке тумачков. И стыдно тоже стало, потому что понял — не побить ему Аркашку: сил не хватит. А вот наоборот — запросто.

— Ты, это, — заставил себя произнести Жан. — Смотри, а то...

— О, как! — подмигнул ему Аркашка. — Боюсь!

— Не отвлекай погонщицу, балабол, — подал сзади голос Мустафа. — Свернём не туда — тебя ссажу: ножками домой отправишься!

— Холодно, командир, — покладисто сменил тему Аркашка, — мокро. Не рано для грибов?

— Не рано, — сказал Мустафа. — Промедлим — труху принесём. Самое время. На ксени бы не нарваться, они спелое чуют...

— А вдруг встретим? — спросил Жан. — Что тогда?

— Драться будем, — пожал плечами Мустафа. — Что ещё?

— Почему?

— Потому, — сказал Аркашка. — Ксени — не люди. Нелюди! Встретил — убей!

Он заговорил наизусть:

— Ксени на людей похожи только. Вместо лица у них — звериное рыло, а вместо кожи — червивая шкура. Из пасти воняет, как у скунса-падальщика. Ксени ловят человека толпой, раздирают на куски живого, пожирают мозг и сердце. Они приходят ночами и воруют наших детей!

— Тихо! — Лизавета натянула вибриссы.

Слон булькнул, задрал голову и остановился.



Художник Игорь darkseed Авильченко

Проза. Фантастика

Лизавета крутила головой из стороны в сторону, прислушивалась. Аркашка закрыл глаза, приложил ладони к ушам и стал похож на сову. На его лице появилось неожиданно жёсткое, даже жестокое выражение. Он кривил губы, как будто это помогало слушать. Ксени?..

Рядом потрескивало, будто кто-то не очень тяжёлый крался мимо. Полотнища тумана шевелились, открывая то замшелые валуны, то ветви деревьев, то кусок неба.

Треск стал ещё громче. Слева из сумрака выдвинулась огромная рыже-лакированная морда. Впереди и по бокам морды блестели маленькие — не больше кулака — приплюснутые глазки, глянцевого, чёрного. Под глазками — у челюстей — из хитина росли коленчатые, мохнатые антенны. Существо на мгновение замерло, ощупало антеннами слоновий бок, Лизавету и двинулось дальше. Ножки поднимались и опускались, выписывали в воздухе петли. Куски брони гигантской многоножки стучали друг о друга краями.

Шшш... Чок-чок-чок...

Сильно запахло мятой. Аркашка шумно выдохнул:

— Кивсяк!

— Точно! — улыбнулась Лизавета.

Ярко-красной полосой вился перед глазами ряд дыхалец-стигм: вокруг них пузырился липкий секрет. Жан не удержался, нагнулся, протянул руку — и зачерпнул горстью жижи. Холодящий дух усилился невероятно, стал плотным, почти осязаемым.

— Ну, ты мальчишка! — сказал Мустафа.

— Люблю очень...

Жан достал фляжку с широким горлом, осторожно заполнил маслом с ладони, закупорил и облизал пальцы: — С детства. Батяка приносил. Теперь я ему...

— Люби, — ответил Мустафа. — Свалишься — ждать не стану.

— А вдруг ксени?

Мустафа пожал плечами:

— Судьба, значит.

Жан удивился.

— Да ты что? Разве своих бросают?!

— Не отставай.

— Не пугай новенького, старшой, — усмехнулся Аркашка и добавил:

— Ксени сюда не ходят. Это наша земля.

— А дети? Ведь у нас же воруют — прямо в посёлке!

— Ну, не должны ходить, — пожал плечами Аркашка. — Чего им тут делать. Хотя... Чудовища — разве их разберёшь?..

— Руки помой, — сказала Жану Лизавета. — Грибы пропустим.

— Прямо уж!

Жан не поверил, но достал из торбы клочок пакли, собрал росы и вытер ладони, бормоча:

— Не знаю я, как грибы пахнут! Вот придумала...

— Двинулись! — приказал Мустафа.

Скоро внизу захлюпала низина. Слон раздвинул рылом стену камыша и скользнул в озеро. По бокам его забурлило. Ноги зверя вывернулись, расплющились и стали похожи на ласты.

Над водой чуть развиднелось. Жан крутил головой: вот скользят назад листья кувшинки, извивается среди ряски, удирая, питон. Оранжевые лягушки, растопырив лапки, меланхолично качаются на волне, пучат огромные глаза.

Водяной бугор перед мордой слона расцвёл серебром: бросилась в стороны стайка мальков. Раздался громкий шлепок — ударила хвостом большая рыба. Мелькнули посреди буруна острый плавник и полосатая спина: не выдержал соблазна большеротый окунь. Красавец! Хищник выскочил в воздух и на мгновение замер, завис во всём великолепии мощного, золотисто-зелёного, длиной чуть не в рост человека, тела.

Снизу и слева стрельнули хоботы. Окунь извернулся, выгнулся дугой, уходя от удара в брюхо. Но тут же справа метнулись ещё два хобота, мгновенно настигли и разорвали рыбу на куски. Слон поднял рыло, раскрыл пасть и сглотнул добычу.

— Умничка, а? — гордо, будто это он сам поймал и съел рыбину, сказал Аркашка и похлопал слона по спине.

Туман снова сгустился, на фоне сереющего неба встала зубчатая стена кустов. Не замедляя хода, зверь вломился в эту стену и выскочил на топкий берег. Воздух наполнил влажный, сытный грибной аромат.

Прибыли.

Неподалёку — шагах в двухстах — кошачьим ухом поднималась в небо скала-гриб. Треугольная, с завёрнутыми внутрь краями. Кромка гриба поросла чем-то, похожим в сумерках на шерсть. Грибы теснились на приозёрной равнине, нависали, как стены, закрывали небо. Солнце встало, и грибы на фоне рассвета стали совсем чёрными, а их контуры окрасились в золото.

Первые два Мустафа забраковал — перестояли.

— Горько пахнет — неужели не слышишь? — ответил он Жану. — Собрать сможем — домой не довезём.

Жан не ощутил разницы, но как Мустафе не верить? Ни Жана, ни Лизаветы на свете не было, а

Мустафа с Аркашкой уже по грибы ходили.

Наконец остановились.

Вблизи гриб не походил ни на ухо, ни на стену. Если внизу, у самых мхов, он ещё напоминал гладкий, отполированный дождями и ветром каменный монолит, то выше — огромные пчелиные соты или рыбачью сеть, вдавленную в высоченный кусок сливочного масла. Сеть, сплетённую из очень толстой, примерно в рост человека, бечевы. Шестигранные, неправильной формы ячейки покрывали всю изнанку гриба.

— Этот — хорош, — сказал Мустафа. — Смотрите — растёт ещё!

Жан нагнулся. Самая ближняя к земле сота дрогнула и поползла вверх. Её нижняя граница набухла, затем её разрезала янтарная трещина. Края её стали расходиться, загибаясь с обоих концов — раз, потом другой. Ещё немного — и вот новая ячейка!



— Ладно, посмотритесь ещё, — сказал Мустафа. — Лизавета — жди тут! Мы пошли. Жан, не забудь мешки!

Он прорезал мясистый желеобразный лепесток, закрывший соту, и прямо со спины слона шагнул в открывшуюся трубу.

Там оказалось не так уж и темно. Свет пробивался сквозь внешнюю поверхность, сочился с потолка и стен. От запаха закружилась голова, а рот наполнился слюной.

— Не стоим, дальше идём! — скомандовал Мустафа. Мякоть гриба гасила звуки, поэтому голос Мустафы показался Жану каким-то неживым.

— Маску надень, олух! — ругнулся Аркашка.

Жан опустил на лицо щиток из рыбьего пузыря. Вовремя. По бугристому, испещрённому порами, похожему на кишку потолку пробежал спазм; на маску брызнуло соком. Жан достал ветошь, вытер, чтобы не проело. За остальное облачение он не боялся. Его мастерили из кожи червя-грибоеда, крепкой и надёжной, но непрозрачной.

Мустафа шёл впереди. Со спины он, одетый в жёсткие куртку и шаровары, выглядел, как вставший на дыбы червь. Сзади тускло отсвечивал маской Аркашка — тоже одноглазый червяк с длинными лапами. Напугаться можно, если встретить в темноте. Страхолюдины, точно! И сам он не лучше.

Под ногами шуршало и чмокало. Пол пружинил, но иногда становился рыхлым. ноги проваливались — и тогда двигались медленно, с трудом.

Миновало с четверть часа, не меньше. Труба окончилась очень широкой, но низкой и неглубокой камерой, заросшей, как паутиной, множеством волокон и тяжей. Слева и справа бесконечными рядами темнели устья таких же труб, а на стене впереди теснились гроздьё спор. Цель их похода — единственное, что в этой машине можно есть, не рискуя отравиться.

— Ксени тоже собирают грибы? — спросил Жан, срубая шершавые — с человеческую голову — дыньки.

— Да, — ответил Аркашка. — Не бойся. Ксени бояться — за грибами не ходить!

— Я не боюсь, — сказал Жан. — Но вдруг? Я вот подумал: если встретим — что делать будем?

— Как обычно, — отрезал Мустафа. — Придут — драться будем, а так думать... Дурь, не забивай себе голову, не трать сил!

Жан хотел возразить, что мысли сил не убавляют, но тут пришла пора тащить мешки назад, и стало не до раздумий.

На воздухе Жан даже немного обиделся на

Проза. Фантастика

Лизавету. Пока они волокли тяжеленные мешки, Лизавета мирно спала, привалившись к спине зверя. Вытянувшись вдоль основания гриба и погрузив в мякоть сразу дюжину хоботов, слон кормился, и грибной бок там немного пожух. «У-у-у... прожора», — позавидовал Жан ездовой пиявке. Пока Мустафа с Аркашкой перегружали споры, он просто дышал, и ему почти не было стыдно. Нет ничего лучше, ничего вкуснее свежего воздуха, но короб на спине слона заполнился едва на четверть, и надо снова нырять в лаз. Мустафа молча кивнул, и всё повторилось. Назад он плёлся последним, волока уже даже не мешок, а себя самого.

В третий заход Жан не смог тронуть ношу с места. Голова закружилась, он поскользнулся и упал лицом в волокнистый комок. В животе похолодело, а руки и ноги онемели, как будто их и не было. Мир тоже пропал: осталась только мешанина тяжёлой перед глазами. Каждый тяж был сплетён из нескольких ворсистых шнуров, те, в свою очередь, из тонких нитей, а нити — из еле заметной паутины. Среди этой путаницы сновали мельчайшие твари, обременённые мельчайшими заботами. И знать не знали о двуногих громадинах, посетивших их мир.

Потом это насекомое мельтешение рывком ушло куда-то вниз и пропало, и перед глазами появилось серое, спрятанное под маской лицо Мустафы.

— С непривычки грибом надыхался, — определил тот. — Сиди пока: без тебя разок сходим.

Досадно! Он оказался слабым, и это видела Лизавета! Что она подумает? И что делать?

Слабость немного отступила. Жан встал и занялся делом. Когда вернулись Мустафа и Аркашка, их ждала порядочная куча спор.

— Вот! — подошедший Жан ссыпал в неё ещё несколько плодов. — Не мог сидеть просто так...

— Ну, болезный! — засмеялся Аркашка. Он хлопнул Жана по плечу и начал не торопясь набивать мешок.

— Молодец! — сказал Мустафа. — Больше не надо: тут на две ходки хватит. Жди!

Было тихо, как зимней ночью в глубоком подвале, запёртом на железный замок. Потом в дальнем конце камеры возник хруст: грумс-грумс — словно железная крыса грызла дужку замка стальными зубами. Червь-грибоед! Вот это добыча! С мачете наготове Жан встал рядом с источником звука. Плоть гриба задрожала и вспучилась — и из стены вырвалось стремительное тело. Жан не

успел ударить и даже поднять оружие: червь проскочил узкую камеру и ввинтился в противоположную стену. В круглой дыре мелькнул заострённый хвост. Жан бросился вслед — настигнуть, а если выйдет — то опередить! Если удачно попасть...

Впереди закричали!

Там был человек, и ему грозила опасность.

Червь-грибоед притормозил. Значит, не получилось, и впереди в самом деле кто-то был. Длинным прыжком Жан настиг грибоеда и стал торопливо колотить его между сочленений. Главное — не пропустить, когда рассерженный червь развернётся.

Червь ворочался в тесной норе, извергал потоки лимфы и струи помёта, а Жан бил и резал, бил и резал! Пора. Он успел отпрыгнуть: червь ударил сверху! Мелькнули страшные челюсти, безглазая морда пролетела совсем близко. Раз, два... Между вторым и третьим кольцами проходила главная жила, и именно туда Жан вонзил мачете. До конца, до упора!

Не дожидаясь, пока тварь издохнет, Жан протиснулся между рыхлой стенкой и дрожащим в агонии телом. На дне небольшой полости, рядом с тёмным проходом, сидело мохнатое существо и тарасило на Жана мёртвые глазищи. Вонь мокрой



Художник Игорь darkseed Авильченко

шерсти разбавила грибной дух.

Ксени!

Жаль: грибоед убил чудовище вместо него. Зато он убил самого червя — и возвратится домой сразу с двумя трофеями! Наверное, головы хватит? Не тащить же назад отвратительную шкуру...

Жан схватил ксени за морду и потянул, чтобы удобнее было отсечь башку, но она сама так легко отделилась от тела, что он чуть не упал. И вовсе это была не голова, а глухая шапка мехом наружу с окошками для глаз, закрытыми прозрачными колпачками. Почти как его маска, только из шкуры какого-то зверя.

— Ксени! — раздался испуганный голос.

Жан чуть не упал снова, теперь от удивления. Перед ним, кутаясь в меховой балахон и поджав к груди колени, сидела девушка. Смуглая, капельку горбоносая, с огромными испуганными глазами. Мокрые чёрные пряди прилипли к её лбу и щекам.

— Где? — не понял Жан и зачем-то протянул ей шапку.

— Аааа! — завопила девушка.

Суча ногами, она отёрнулась подальше от его руки, словно от дикого зверя. Наполовину вывернулась из одежды, но запуталась, побледнела и лишилась чувств.

Что с ней? Худенькая, будто не кормили. Шея тонкая, ключицы выпирают — пальцами переломить можно. А грудь красивая... И откуда такая взялась? Пришлая? Глупость, здесь таких не бывает... Но почему она испугалась? Грибоед мёртв — чего ещё бояться?

А... от стыда стало жарко. Грязный, вонючий, измазанный в дерьме, одетый в кожу червя! И сам-то перепутал, принял человека за ксени, а маску не вытер, не снял. Темно — в двух шагах ничего не разобрать, грибоед извивается и бьётся. И тут является он — с мачете в лапах! Конечно, девочка не выдержала. Вон она, — такая нежная, гладкая. Такая, такая...

Жан поспешно прикрыл незнакомку, стащил заляпанную маску и приготовился ждать. Только бы не долго, пока не вернулись Мустафа с Аркашкой. Почему-то не хотелось, чтобы застали её тут. Особенно Аркашка. Он точно скажет, что это ксени: а какая она ксени? Обычная девушка, только из чужого племени. Наверное, они переселились сюда недавно и ещё не успели ни с кем столкнуться. Значит, он встретил их первый — вот здорово! Интересно, как они себя называют? Тоже просто люди? Тогда надо придумать особенное название, чтобы не путаться. Люди гор? Люди воды? Какая

ерунда лезет в голову... Откуда он может знать? Вот очнётся — и сама расскажет. Если, конечно, до этого Мустафа и Аркашка не придут. Тогда придётся уходить, оставлять её здесь... Опасно — она без сознания и не сможет защищаться: а вдруг ещё один грибоед? Что же делать?

Девушка открыла глаза.

— А где? — спросила она.

— Не бойся, — Жан показал свой шлем. — Тебя как зовут?

— Ой... Как ты меня напугал! Сначала ужасная гусеница: она чуть не съела меня. Потом эта морда, — девушка показала на шлем. — Я думала — мне конец! Меня Маринка зовут, а тебя? — спросила она без перехода.

— Жан.

— Жа-ан... Ты ксени?

— Разве я похож на ксени?

Маринка задумалась, подняв брови и смешно сморщив нос.

— Не знаю. Наверное, да. Одноглазый, и как гусеница...

— Ты сама, — начал было Жан, но замолчал.

Кричали. Аркашка и Мустафа вернулись с пустыми мешками — и теперь искали его. Очень скоро они найдут проделанный грибоедом тоннель, и тогда...

— Тебе надо идти, быстро! — он сунул Маринке шапку. — Где мы можем увидеться?

Девушка замялась, потом сказала решительно:

— Водопад у обрыва знаешь?

Жан кивнул. Быстрее, ну быстрее же!..

— Когда кончится грибной сезон — приходи! — Маринка нацепила шапку и исчезла в проходе.

Откуда она знает про водопад? Там, среди скал, бьёт горячий ключ, и вода образует небольшой бассейн. Он не замерзает зимой, и его трудно найти, если не прожил в этих местах всю жизнь. Ещё там строго-настрого запрещено появляться — дальше начинаются земли ксени. Но кто из молодых уважает запреты?

— Жан! — Мустафа был уже близко.

— Ого-го! — закричал Жан. — Смотрите, кого я добыл!

Когда Лизавета увидела, что из добытого Жан оставил себе, её бросило в жар. Решился!

Панцирь грибоеда не может принадлежать одному человеку: только общине. Делают из него охотничьи доспехи, сапоги, разную хозяйственную утварь. А из круглого щитка над челюстями червя получается красивое и долговечное зеркало. Лучший подарок невесте!..





Весь обратный путь Лизавета чувствовала спиной Жанов взгляд. Однажды не выдержала — обернулась. Но он смотрел в другую сторону — успел, хитрец, отвести глаза. Да разве такое скроешь? Дрожали руки, и поэтому слон нервничал, рыскал.

Ещё несколько раз ходили они за озеро, но

удача отвернулась от них, словно кто сглазил. От дождей или иной причины споровые камеры покрыла липкая плесень, плоды съёжились и расплзались в пальцах. Мустафа злился, а Аркашка молчал, оставив обычные шутки. Чтобы не оставлять общинные подвалы пустыми, пришлось ловить и квасить болотную капусту.

Лизавета ничего на замечала. Душа томилась, рвалась к нему!.. Но Жан крепился, молчал. Выдерживал обычай — до дня свадебных даров не подавать вида. Глупый. Разве это так важно? И людей бояться не надо — не узнает никто, а потом неважно уже. Но...

Утром заветного дня Жан не пришёл. Зря развевались в воздухе ленты над крыльцом. Не появился он ни в полдень, ни в обед. Без толку простыл пирог, приготовленный для сватов. Под вечер зарядил дождик. Ленты намокли, потеряли цвет и обвисли.

— Причудилось тебе, дочка, — сказал отец, убирая праздничную дедову куртку. — День потеряли. Вдруг теперь неделю лить будет?

— Папа!

— Ошиблась, бывает...

— Лизка ошиблась, Лизка обманулась, — запел, кривляясь, шестилетний брат Филька. — Лизка — дурочка!

— Ах ты, поганец! — Лизавета выдала мальчишке затрещину, и тот с готовностью заревел. — Чтоб тебя ксени утащили!

— Не смей бить брата! — вскинулась мать.

— Пусть не болтает, — Лизавета погрозила Филе кулаком. — Жан зеркальный щиток взял!

— Может, для другого чего? — спросила мать.

— Какого, ну, какого другого?!

— Мало ли! — удивился отец.

— Как вы не понимаете! Мы же вместе... и на охоту, и за грибами, и капусту — а вы!..

Ишь, переживают... Что они думают о себе, старики! Чтобы быть подальше от их постных лиц, чтобы не возненавидеть, Лизавета схватила накидку и выскочила наружу. И этот... Едва над столом видать — а туда же! Но почему? Как она могла так перепутать? Ведь Жан так смотрел на неё, так не решался заговорить... Что с ним случилось? И что ей теперь делать?

Улица немного остудила её. В воздухе висела холодная морось, но настоящий большой дождь никак не начинался. И хорошо — тропинки не успели раскиснуть. Мимо убранных огородов и садов, мимо силосных буртов: прямо к загону.

Слон узнал её издали — за много шагов, протянул сразу три или четыре хобота, обнял, прижал к тугому брюху. Лизавета закрыла глаза. От зверя приятно пахло чем-то сладким, фруктовым. Хоботы шарили по телу, как будто чьи-то руки. Захотелось плакать. Он не пришёл — и теперь её ласкает неразумная тварь. Дурак, предатель!

— Довольно, изомнёшь... Всё, хватит! — пробурчала Лизавета.

Какая разница... Жить дальше незачем. Осталось выбрать способ, чтобы быстро и не очень больно. И чтобы никто не увидел её мёртвой. И тогда он узнает...

Ноги привели её к водопаду. Обрыв — то, что нужно! Недолгое падение, короткий удар — и её никто никогда не найдёт. Если сказки не врут, и пропасть внизу окажется бездонной — то она умрёт в полёте от разрыва сердца. Так даже лучше.

Подул ветер и разогнал туман. Небо глянуло на Лизавету мириадами звёзд, и стали видны клубы пара над источником. Лизавета сбросила одежду. Медленно, чтобы не оступиться на камнях, зашла в воду и поплыла. Над ключом горячие струи обливали тело — от пальцев на ногах и до самого верха, чуть задержавшись на груди, будто снизу был свой загон, а в нём жил свой игривый слон, охочий до девичьего тела.

Россыпь камней перед глазами закрывала полнеба. Лизавета помнила — за камнями дно поднималось, а бассейн становился шире и загибался вправо, к обрыву.

Скоро...

— Какая ты красивая, — произнёс знакомый голос.

Жан?! Лизавета осторожно выглянула из-за крайнего валуна: на отмели, закрытые с берега зарослями остролиста, миловались Жан и незнакомая девица. Лизавета едва не закричала. Она дёрнулась, окунулась с головой, глотнула воды и с трудом сдержала кашель.

Мысли о самоубийстве как смыло. Не чувствуя рук и ног, Лизавета вернулась к вещам, оделась и побрела домой. Перед глазами стояла одна картина: Жан держит девчонку за грудь, а бесстыжая откинула назад голову и млеет.

Родители не спали. В окошке теплился свет, а на крыльце, кутаясь в платок, стояла мать.

— Почему так долго? — спросила она бесцветным голосом.

— Ой, не надо, мама! — Лизавета отмахнулась и прошмыгнула в свою комнатку.

Не хотелось ни разговаривать, ни объяснять — ничего. Заперев дверь изнутри, Лизавета запалила свечу, снова разделась догола и стала перед зеркалом.

Богатое было зеркало — в рост. Отец собрал из нескольких кусков — матери к десятилетнему свадьбе. Потом поставили к Лизавете. Ей — решили сообща — нужнее.

Проза. Фантастика

Жан выбрал другую, и зеркало отказалось ответить — почему. Лизавета крутилась, оглядывала себя так и этак — и не могла понять, чем же она нехороша? Если только вот эта складочка на боку... Только откуда Жану про неё знать!

Лизавета легла, но мысли не давали заснуть: она никогда не видела ту девку — где Жан её

подцепил? Что нашёл в худющей, мосластой уродке? С личиком, как крысиная мордочка? Не человек — зверёк какой-то...

Вспомнилась их одежда, брошенная на берегу. Жановы штаны, плащ из кожи грибоеда, жёсткая блестящая шляпа, а ещё... Как она могла не подумать об этом сразу! Мохнатая шкура: вся в сосульках мокрой



шерсти. Шапка, похожая на морду зверя... Ксени!

Её Жан силён и отважен. Чудовище не решилось напасть так, поэтому приняло облик девушки. Чтобы заморочить — а потом сожрать! Или — ещё хуже — прийти по следу в посёлок: и тут... Ну, дурачок!..

...Заспанный Мустафа отворил не сразу — Лизавета успела продрогнуть. Старшой выслушал её рассказ, хмуро кивнул и приказал:

— Спать иди. А завтра, ближе к полудню, бери своего зверя и жди в роще перед водопадом. Сама туда не лезь — не бабье это дело!

Наутро пропал Филимон. Когда проснулась мать, его одёжка и чуни мирно лежали на лавке, но постель уже остыла. Они излазили весь дом, Лизавета обежала округу — все братние укромные уголки, а отец достал инструмент — снимать пол в нужнике.

— Я до Мустафы, — сказала Лизавета матери. — Он старшина дозорных — он поможет!

— До Мустафы, — глядя в пустоту, шевельнула мать белыми губами. — Поможет...

«Должен помочь, — повторяла Лизавета на пути к загону. — Как же иначе?».

Жан забыл о времени. Вчерашний день пролетел — будто и не было! Вылетел из головы родной посёлок, отец, что ждал его дома, даже Лизавета... Осталась одна Маринка. Это было как молния, как вспышка, как высверк в ночи! Сначала они просто обменивались взглядами, потом говорили о совершенных пустяках. Потом следили за тучами, которые вечно кружили под миром — близко, иногда почти вровень с гранью. Казалось, горстью можно зачерпнуть — о них разбивался водопад. Потом их руки встретились — и всё остальное стало неважно.

Наутро он понял, что не сможет без Маринки жить.

— У нас про ксени рассказывают такие глупости...

Тысячелетия выгладили камень, и они устроились на нём, как в кровати. Сзади переговаривались кусты, слева шуршал водопад, а вокруг звенела вода — тёпая, кисловатая — щекотала тело тысячами пузырьков.

— У нас тоже.

Жан лежал на спине, а Маринка устроила голову на его животе, как на подушке. Жан заплетал её чёрные волосы в длинные тонкие косички.

— Съем твоё сердце, — сказала девушка. — Ой, почему они тут?..

Из кустов по обоим берегам вышли несколько человек: кто в меховых куртках, а кто и в коже грибоеда, но вооружённые одинаково — длинными пиками с пучком металлических игл на конце.

— Поглядите, братья, какая рыба! Никогда не было тут рыбы — а тут завелась: сама на нужное место приплыла! — ехидно произнёс один из них. — Поохотимся теперь!

— Аркашка?! — Жан вскочил, закрыл собой Маринку.

— Язык подбери! — рявкнул Аркашка. — Длинный больно... Для тебя — Аркадий, ксени!

— Я человек!

— С ксени сошёлся — сам ксени стал, — сказал незнакомый мужик и стащил с головы косматую шапку. — Это и про тебя, девка!

— Дядя Панкрат, — Маринка выглянула из-за Жанова плеча.

— Кончились дядья! — отрезал Панкрат. — Здесь только люди и ксени. Всякий знает: встретил ксени — бей! Вам теперь одна дорога — за край.

— Я не хочу, я не буду!..

Маринка сжалась за спиной Жана, спряталась от осеннего ветра и мужицких взглядов.

По тому, как они смотрели — без жестокости и похоти, а даже с равнодушной жалостью — стало понятно, что говорить не о чем. Броситься, разметать? Эх, одного бы, да забрать у него пику — а потом!.. Жан вспомнил ножик за голенищем сапога — для червей. Как бы он сейчас оказался кстати!

— Не хочу-у-у, — тянула позади Маринка.

— Но зачем? — взмолился Жан. — Мы же люди — одинаковые: мы и вы!

— А вот и отвечу! — неожиданно сказал Панкрат. — Мир наш мал, окружён пропастью без дна, а людей — много! Не прокормит он такую толпу-то, наш мир. Вот наши предки и решили — разделиться. И чтобы...

Аркадий с досадой кусал губы. Болтает Панкрат много! К чему эти рассказы? Совесть успокоить? Парень — а девка уж точно — так и так не жильцы. Хотя Жан им подошёл бы... С девчонкой-то быстро сошёлся: не испугался ксени. И Мустафа так же думал. Они и за реку парня взяли, чтобы присмотреться. Вот девка только... Ей в братстве не место, значит — не жить. Никому со стороны не позволено знать о братстве. Уж больно их дело злое. Человеку нужен враг, без него никак — так завещали предки. Но люди глупы: дальше носа не видят. Не поймут: дети-то, в самом деле, пропадают. И Жану дорога заказана.

Проза. Фантастика

Даже предлагать не стоит. Откажется. А если согласится — ещё хуже: кто ж поверит тому, что позволил любимую убить? И кто к нему спиной повернётся?

Ох, плохо вышло!

Панкрат говорил и говорил, вспоминал что-то древнее и важное. Жан ссутулился, опустил бесильно руки — и вдруг прыгнул к Мустафе, что караулил ближе всех, на левом берегу. «Молодец, не сдался парень!» — ещё раз пожалел Аркадий и крепче перехватил оружие.

Жан метался из стороны в сторону, но везде его встречали пики. Охотники деловито, как зверя, отжимали его назад, к обрыву.

Нога подвернулась на мокром камне, стопа потеряла опору. Жан взмахнул руками, извернулся, пытаясь устоять на крае обрыва, но сорвался. Сердце ухнуло в холодную пустоту. Жан закричал, но ставший вдруг твёрдым воздух лишил его голоса. Чистое небо вверху скачком затянула серая пелена. Засвистел в ушах ветер. Тело застыло — и даже пульс замолчал. Словно сердце ждало, как острые камни...

— Не задерживайтесь там с девкой, — сказал Панкрат. — Чего возитесь?

— Хорошая девка пропадает, — сказал Мустафа. — Может, попользуем напоследок?

— Своих пользуй, — процедил Панкрат. — Войны хочешь? Настоящей войны?

Мустафа замер, разглядывая Панкрата.

— Ты прав, — сказал он. — Я — дурак, и головой не подумал. Сейчас нам всем плохо.

Панкрат дёрнул щекой.

От края вернулись хмурые охотники.

Аркадий остановился возле Панкрата, помолчал, выбирая слова:

— Что, брат, перезимуем теперь?

— Теперь — да, — ответил тот. — Теперь — хватит припасов. Расходимся!

— Стой! — поднял руку Мустафа. — Мальчишку отдай!

Панкрат виновато покрутил головой и полез в кусты. Вернулся, прижимая к себе спящего ребёнка.

— Конечно! — сказал, передавая мальчика Мустафе. — Прости, забыл.

— Квиты, — буркнул Мустафа и, не оборачиваясь, пошёл прочь.

Лизавета увидела Мустафу с ребёнком на руках и рванула ему навстречу, забыв, что сжимает

в руках вибриссы. Обиженный слон завозился и загудел. Девушка не услышала. Она целовала и ласкала брата. Филька лупал глазами и сонно отмахивался.

— Спасибо, вот спасибо-то! — радовалась Лизавета. — Мы всё обыскали, о плохом думать начали. Он где был? А Жан?

— Нету больше Жана, — сказал Мустафа. — С ксени связался — сам ксени стал. Вот — мальчонку украл: едва отбили!

Лизавета охнула и крепче прижала Фильку к груди.

— Поехали, Лизавета! — сказал подошедший Аркашка. — Для тебя всё — ну, почти всё — закончилось, а нам ещё с Жановым отцом говорить. Давай мальчишку! Не бойся — не уроню! И трогай уже...

...ударят в спину. Вместо этого его приняла тонкая сеть. Застонала, растянулась — и подбросила Жана вверх. Раз, другой... Сеть успокоилась — и Жан повис, словно в гамаке. Сквозь мелкую ячею он увидел бесконечную, тянущуюся в обе стороны, каменную стену. Ниже начинался более пологий склон, заполненный щебнем и валунами, между которыми извивалась тропинка, и росли ели. Сеть была растянута между вершинами елей и вбитыми в скалу ржавыми крючьями. Вершина скалы терялась в близких облаках.

Жан завозился, пытаясь встать на ноги.

— Аааа!..

Чуть в стороне, не переставая визжать, упала Маринка. Жана опять подбросило и уронило. Потом девушка скатилась к нему и замерла, дрожа и всхлипывая.

Снизу задувало холодом. Надо было уходить, пока ветер не выстудил их до костей. Они кое-как поднялись и двинулись в сторону ближайшего дерева.

— Бегу-у! — внизу появился совсем седой — Жан никогда раньше не видел таких старых людей — дед. На спине он тащил ворох тряпья. — Спускайтесь скорее: там лесенка есть! И ведь всё время нагишом кидают! Одежки жалко?

Едва спустились, старик накиннул Маринке на плечи что-то тёплое:

— Вот так. Мальтузианцы ваши дурные, что: детишек всех перекидали — за взрослых принялись?

— Кто? — не понял Жан, пытаясь попасть в рукава. От холода и запоздалого страха не слушались руки.

— Да эти, ваши, — старик мотнул головой в сторону вершины. — Пойдите-ка: сейчас обувь найдём. Не ахти, но спуститься хватит...



Федрылич — именно так или похоже назвался дед, а Жан не переспросил — был сторожем при сетке: человеком не самым важным, и за годы выжил из ума. Он рассказывал, как давным-давно люди спустились сюда на большой железной птице, а потом рассорились и разделились: половина осталась внизу, а остальные полезли на гору... А потом Жан слушал вполуха, потому что любому понятно, что железная птица летать не может и сразу упадёт. Даже ксени — Жан покосился на Маринку — летают на живых тварях. И детишек никто, конечно, не кидал. Как же это возможно — маленьких с обрыва сбрасывать? Придумал дед... Хотя... их-то сбросили, но чтобы деток?..

За лесом потеплело, тропка стала пологой, и начался луг. Посередине луга торчала серая гора, похожая на спору, зарывшуюся одним концом в землю. Она была покрыта дырами, и к самой большой вела блестящая лесенка.

— Оставили, видишь, вход для ребятишек, — сказал Федрылич, когда они подошли вплотную. — Деревня ниже, — он махнул рукой. — А это... Пусть играют.

Изнутри, в самом деле, раздавались детские голоса.

Жан не удержался, постучал по каменному боку — и гора запела! Чистым металлическим голосом, как железо под молотом кузнеца.

— Это сколько ножей сделать можно! — поразился Жан.

— Что? — переспросил Федрылич. Потом зашёлся в хохоте. Откашлявшись и вытерев рот, он помрачнел и сказал:

— Ты прав, парень, хоть и не знаешь — почему. Чтобы так жить — не стоило лететь в такую даль. А ножей и кастрюль вправду много вышло бы...

Жан оглянулся.

Серая стена висела над лесом, покрытая шапкой облаков. Там его оплакивал отец, ждала невезучая Лизавета. Там творили зло бывшие товарищи — Аркашка и Мустафа: детоубийцы, которые придумали ксени себе в оправдание. Панкрат не врал — и полоумный старик сказал правду.

Он вернётся и наведёт дома порядок — решил Жан. Позже, когда точно поймёт, что к чему.



Богданов Борис (bbg Борис)

writercenter.ru/profile/bbg/whois/

Художник Игорь darkseed Авильченко

fantlab.ru/art9271

Художник Лев Елена

writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/



Кеволеч Уегрес

Руденко Евгений

— Не пожалеешь — приезжай, — сказала Вика, странно улыбаясь. — Кило пятьсот тебе в глотку!

На этом дружеском пассаже связь прервалась булькающими стенаниями видеофона:

— Серёжа, отключи меня от сети... Прошу тебя... Ну, пожалуйста, бульк-бульк-бульк...

В моей скромной квартирке видеофон был единственным произведением искусства. Он был уменьшенной копией меня! Массивный подбородок, очки-дисплеи, толстые пальцы с мозолями от циркуля и линейки и тотальная безалаберность вызывали во мне поистине отцовские чувства. Взяв его бережно в руки, словно искусственный интеллект ещё не был просрочен и не требовал утилизации, я протёр убаюкивающими движениями дисплеи, приговаривая:

— Ничего-ничего, Ванюшечка, ещё полгодика — и замену тебя. Вот только в командировку съезжу. Потерпи, дорогой.

Враньё, конечно: на новый видеофон денег у меня отродясь не было. Лететь же сейчас в рейс, когда Вика впервые пригласила к себе в гости — верх глупости. У нас с ней всегда так: то я пропадаю в исследовательских командировках, то она перевозит ресурсы с одной планеты на другую. И вот, наконец, свершилось! Совпали выходные! Аккуратно застегнув арамидный комбинезон, я подготовил самое необходимое: себя и набор родиевых ложек в подарочной упаковке. Как и упаковку,

мою внешность можно было настроить на нужный лад: праздники, работа, безделье... снова праздники... У настоящих космологов всегда так! Регулировался мой внешний вид часами фирмы «Кебзак». Стоило нажать кнопку «праздник» — и мои волосы становились шелковистыми, как в рекламе шампуня «Кебзак». Борода исчезала, а кожа становилась гладкой и упругой, как после бритья с пенкой «Кебзак». Даже глаза видели со стопроцентным зрением, как после капель «Кебзак».

Резкий гул реактивных соплометов застал меня в приятном нагромождении мыслей. Я и не заметил, как преодолел последний парсек, разделявший меня и Вику. Не увидел ни шатких криоконсервационных камер с обратным отсчётом времени, ни расщепление геномов для трансгенерации в чреве межгалактического ихтиандра, ни вхождение в атмосферу Тиопы на плюющихся плазмой ракетах. Моё внимание затуманила радость встречи с самой прекрасной перевозчицей Галактики!

— Привет, — сказал я ей, ткнув подарок в щель между дверью и покатою стенкой. — Заждалась?

— Не очень, — проворковала Вика. — Пока ты летел — прошёл сбой единовременных настроек. Побывала я два раза замужем, родила пятерых внуков и успела стать бабушкой. Поздравь меня! Кислоты тебе в печень!





by Asia Liv

— Поздравляю, — промямлил я. — А как же наши отношения? Я столько раз пересматривал с Ванькой твои сообщения. Так долго ждал нашей встречи!

Вика открыла дверь шире, показывая свою неземную красоту в полный рост. Длинные золотистые волосы ниспадали непослушными локонами на высоченный лоб. Тонкие белоснежные ручки, словно гибкие виноградные лозы, крепко сжимали мой подарок. Талия толщиной в палец, закутанная в голубую дымку прозрачного пеньюара, вызывающе дышала здоровьем.

— Йегрес, заходи, — кивнула она в сторону огромного стола, за которым уже активно ели. —

Пошутила я. Мозги тебе на фарш!

Йегрес был из меня такой же, как из неё Вика, и я, не моргнув глазом, вошёл внутрь. Чтобы познакомиться с ней, мне пришлось выдать себя за странствующего тиопетянина с богатой родословной. Спасибо Ване, сделавшему нужные справки! Без них прекрасная перевозчица не стала бы со мной даже по видеофону разговаривать, а не то, что в гости приглашать. Космологи нынче были совсем не в почёте.

Вика отошла к комоду с подарками, и я смог рассмотреть её гостей намного лучше. Первым, кто бросился мне в глаза, был тощий хлыщ с крючковатым носом. Он начал тыкать в меня

пальцем, выплёвывая куски мяса. Второй — одуловатого вида фраер с залезанным пробором — схватил хлыща за порванный воротник и утащил вглубь зала. Зал мне напомнил собой просторную пещеру со стенами, затянутыми бордовым балдахином. По ним постоянно прокатывалась волна, похожая на кишечную перистальтику. Невольно сглотнув подступивший к горлу ком, я спросил:

— Чего они сердятся?

— Голодные путешественники — что взять с них?! — загадочно ответила Вика.

Мы присели на освободившиеся места за столом.

— Как тут много всего, — сказал я и отломил кусочек от жареного бумеранга. В животе призывно заурчало. — А что это?

— Это кропейц, — ответила Вика, — горный. Стазу тебе в амилазу!

Я многозначительно хмыкнул и стал жевать, поглядывая на соседей. За столом, который казался бесконечным, сидели неряшливые личности, которые в три горла запихивались диковинной едой. Толстогубая, подобно нахохлившемуся индюку, женщина в красном платье с интересом расспрашивала Вику обо мне, толкая локтем зевающего мужчину с несколькими подбородками. За ним копошился в салатнице плюгавый человечек с нервно бегающим по чужим тарелкам взглядом. Напротив него сидело семейство кабачковых в полном составе: папа, мама и дочка с сыночком. Осмотрев всех Викиных гостей, я подумал о чайном сервизе и оживших блюдах — настолько их лица были округлы и широки. Гостей набралось десятка два — может, чуть больше. Мужчины с женщинами беспорядочно ели, зевали, потягивались — и снова принимались за еду. Наш стол гудел и позвякивал от нескончаемого чревоугодия.

— А кто твои гости? — спросил я и снова откусил большой кусок от бумеранга. Внезапный голод закрутил мои кишки бешеной юлой. — И почему они всё время едят?

Вика отвернулась от женщины в красном и с неодобрением посмотрела на меня. По её красивому лицу стремглав пронеслось раздражение и гнев. Сверкнув острыми зубками, она придвинулась вплотную ко мне и зашипела:

— А не понимаешь ты, Йегрес, что по-другому они не могут? Остановиться — значит, умереть!

— Почему умереть? Наелся — и хватит! Зачем всё время есть?!

— Наелся ты?

— Ещё нет...

— Поверь мне — и не наешься! Сахарозу тебе в глюкозу!

"Хорошенькое дело", — подумал я — и отодвинулся от неё подальше, чуть не упав с лавочки, на которой мы сидели. Как это можно всё время есть и не наестся? Так не бывает! Людям обычно хватает минимума! Здоровый человек из-за стола должен выходить чуточку голодным! Банальные лозунги суетились во мне и просились наружу. Я не сдержался и выпустил их.

— Кеволеч! — закричала Вика и схватила меня за шею. — Почки тебе на кусочки!

Я резко вывернулся, отмахнувшись от Вики покусанным бумерангом. Она схватилась за покрасневшую щеку и метнула в меня тарелку с острым соусом. Тарелка, громко чавкнув, разлетелась над моей головой. Опрокинув лавки, подскочили гости и попытались заломить мне руки. С силой горного кропейца я начал скакать по гостинной. На мне повисла женщина в красном, не давая убежать. Вокруг в диком хороводе заплясали злые лица. Я бил и лягался, пока меня не треснули о подарочный комод.

— Думал — мы не знаем, кто ты такой?! — завопила в один голос рассвирепевшая толпа. — Ты — кеволеч Йегрес, создавший расщепление геномов, трансгенерацию и межгалактического ихтиандра, в котором мы сейчас все вместе и перевариваемся. Кисломолочных тебе с селёдкой!

Подбитый глаз налился кровью. В моих висках загремело раскатами грома. В груди затрепетало раненой птицей.

— Я не виноват! Ихтиандр — это роботизированный биомеханизм с трансгенерацией геномов. Он вырабатывает энергию, перерабатывая отдельно взятые геномы людей и инопланетян в хумус, что позволяет нам безболезненно бороздить просторы вселенных. Уж поверьте — по-другому никак!

Вика подошла ко мне и наклонилась, тряхнув золотой гривой.

— А ты не в курсе, почему всё время хочется есть, научный ты наш? — гневно спросила она. — Все путешественники безумно голодные — и если не будут есть, то в течение часа умрут от истощения! Ты это учёл? Расчёты делал? Запятые тебе в точки!

— Нет, — потупился я. — Наука о перемещениях в пространстве настолько сложна, что мы обходимся теориями. Никто ничего не считает...



Толпа недовольно зашумела. Кабачковые предложили съесть бездаря, но плюгавый человек остановил их. Вика с сомнением обошла меня вокруг, похлопывая себя по ноге подарочными ложками. Когда она успела их достать из комода — я не заметил.

— Значит, надо посчитать! — возмутилась она и протянула мне коробку. — Скажи спасибо Нави!

Я взял коробку и развернул её. Внутри притаился калькулятор с чистым листом и ручкой. Быстро схватив их, я тут же начал вычислять причины катаклизма. Надо мной нависли недовольные путешественники во главе с Викой. Они постоянно жевали и толкались, пытаясь заглянуть мне через плечо. К своему удивлению, я быстро нашёл ответ. Видимо, мучавший меня голод вёл мои мысли по верной кривой. Закричав от радости, я вскочил на ноги и начал трясти расчётами:

— Надо, чтобы после первой трансгенерации геномов тела путешественников заключались в стазис, а потом по прибытии на место выходили из него, сделав обратную трансгенерацию. Так мы сможем путешествовать внутри плавающего по галактике ихтиандра без необходимости постоянного поедания восстановительных килокалорий!

Вика довольно улыбнулась и похлопала меня по плечу. Толпа путешественников радостно возликовала и стала исчезать, разваливаясь на маленькие полоски. Толстая женщина в красном разошлась на тонкие нити числовых строк, Вика превратилась в набор сплинов, а семейство кабачковых — в квадраты Пифагора. Я от удивления сел на пол.

— Как так? — вырвалось у меня.

— А ты как думал? Только так с тобой и надо! — заскрежетало за моей спиной.

Я обернулся и увидел очертания грустных, глаз сложенных из столбиков цифр. Они мерно покачивались в воздухе на фоне белой стены в моей квартире. Да! Я оказался в своей квартире за тысячу парсеков от Вики.

— Кто ты? — мой голос предательски дрогнул.

— Нави!

— А?..

— Иван я, Серёжа, видеофон твой!

— Ванька?..

— Ты расчёты сделал, бездельник?!

— Да...

— Ты за них деньги получишь?

— Да...

— Отключи меня, Серёжа!

— Чего? — переспросил я.

— Хочешь — ещё раз сгенерирую виртуальное будущее?

Догадка прошибла меня, как высокочастотное напряжение мультиметр. Ваня всё подстроил, чтобы я сделал расчёт и заработал денег на новый видеофон! Я подскочил к видеофону. На потёртой крышке красовалась надпись: "С фирмой «Кебзак» наша вечность станет вашей бесконечностью". С треском откинув крышку, я нажал на единственную кнопку.

Дисплей хаотично моргнул, и на экране появилось слово: "Перезагрузка".



Руденко Евгений (Anger Builder)
writercenter.ru/profile/Angry/whois/
 by Asia Liv
asialiv.deviantart.com



анс

Вопроса нет, придется пить

Разглядывая этикетку бальзама «Агидель»

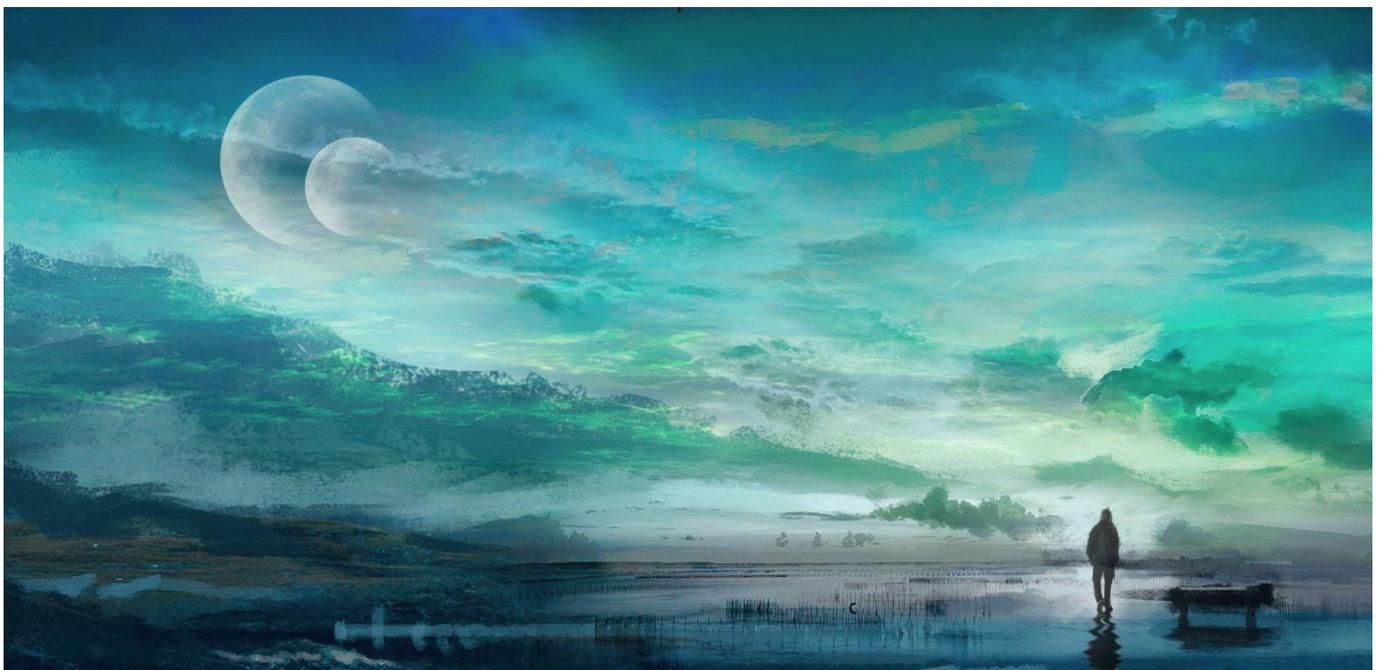
Что, скрипичным ключом приоткрылась строка,
А плутонг кобылиц перепутал аллюры? —
Здесь всего-то и дела — валять дурака...
В этот пасмурный день, беспробудный и хмурый...

Приведен аппарат в положение «товсь»,
Синусоида лезет из плоскости смысла,
Изогнулась вопросом, скрипит полуось...
Нет, уже не скрипит, а висит коромыслом.

Это просто кульбит, сублимация лет,
Небожители хлещут шикарное пойло...
Я туда не хочу, мне не нужен билет,
Мне и здесь сиротливо, угрюмо и голо...

И, наверное, проще уехать с ума,
А, вернее, уйти, умереть — и не встать,
Вот в Башкирии город есть — Стерлитамак,
Я-то не был, но знаю — глухие места.

Мы не чуем вообще ничего под собой,
Как рокада, дорога идет объездная...
А на все это сверху взирает Господь,
Или кто-то другой, но взирает, я знаю.



Зауэр Ирина

Последний миф

Достаточно сказок. Слова, как душа, опустели,
Все выдохлись вина, все вины давно прощены.
Как было бы просто погаснуть кострами в метели!
Но выпало жить на осколках последней весны.
Смешно и печально. Сложить бы балладу об этом,
Но все, что умею, — на флейте потертой играть.
Наверное, сфинксу легко превратиться в поэта,
Но, став бесполезной, в мой лес ты пришла умирать.
Судьба, не Фортуна — слепа. И, явившись незваной,
Ты тронула струны моей заскорузлой души,
И стала последней любовью забытого Пана,
Которому тоже не слишком-то хочется жить.
И нет больше дела, что нас безнадежно списали,
На чудо и тайну желающих вряд ли найдешь.
Мы были легендами — лживыми сказками стали,
Но здесь, друг для друга, мы больше, чем правда и ложь.
И если захочешь — я вижу, что смотришь с усмешкой,
В душе разрываясь меж жаждой своей и тоской —
Загадку и мне загадаешь. Но только не мешкай.
Хотя б одному пусть достанется вечный покой.
Вот только кому? Разгадаю — и ты умираешь,
А нет — убиваешь меня, так закон говорит.
И знавшая много, всего ты конечно не знаешь.
Влюбленный оракул, так мил твой растерянный вид.
Решительней, ну же! Чтоб дать тебе силы на это,
Сыграю ту песню, что зренье давала слепым.
Ни в сказках, ни в мифах не будет такого сюжета,
О странном подарке случайно прозревшей Судьбы.
И все будет ново, ведь с нами впервые такое,
Возможность и право свой миф по-иному сложить:
Не бог и чудовище, просто влюбленные, двое,
Две искры в золе, друг для друга решившие жить.

анс

writercenter.ru/profile/ans/whois/

Зауэр Ирина

writercenter.ru/profile/Lita/whois/



На десерт



Опереться на себя

С раннего детства до пожилых лет, постигая тайный смысл бытия, мы стремимся найти именно ее - эту загадочную «точку опоры». Она, являясь началом и логическим завершением наших устремлений и начинаний, дает нам уникальный шанс стать не только успешными и счастливыми, но и совершить массу открытий, выжить в сложную минуту жизни, не сломаться и снова шагнуть вперед.

Именно с точки начинается и ею же оканчивается письменное запечатление наших мыслей, любая геометрическая фигура, как и самый сложный чертеж или художественная картина. Далекие звезды видятся нам золотистыми точками и очаровывают, притягивают к себе взгляды.

Потому так загадочно и таинственно выглядят строчки, оканчивающиеся многоточием... Они дарят надежду — отправляют нашу фантазию в дальнейшее плавание по безбрежным волнам воображения и памяти. Они дарят опору — не подразумевая лаконичной конкретики, но не лишая веры. Веры в доброту, чистоту, в себя и других людей. Человек без веры опирается на неблагоприятные и нечестные вещи, допуская возможным, ставить точку в чужой истории своей категоричностью и безапелляционностью.

И когда мы осознаем, что опереться можем только на себя, то понимаем, что источник счастья, стабильности, надежности находится внутри нас, именно он дает силы встречать разные ситуации спокойно, с мудростью и мужеством. Надеяться на других, ждать признания со стороны, нуждаться в ком-то, чтобы получить поддержку и признание - все это становится неважным, когда человек находит точку опоры в себе.

*Будь светильником для самого себя,
Будь опорой самому себе,
Придерживайся собственной правды,
как единственного света.*

Эрих Фромм

© Юрий Громов



Анна Анакина. ОГЛЯНИСЬ, ПРЕЖДЕ, ЧЕМ СДЕЛАТЬ ШАГ... 16+

Повесть
Реализм

Чисто женский мини-роман. Героиня вошла в тот период, что принято называть — кризис среднего возраста. История о том, как она смогла выйти из сложной для неё ситуации.



Бойков Владимир. КОШКИ-МЫШКИ. 18+

Повесть
Реализм

Повесть о первой любви. Друзья, бандиты, драки, рок-н-ролл, тайное убежище и немного эротики.



Вальтер Светлана. НЕТЕЛЕФОННЫЕ РАЗГОВОРЫ С УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ ФИЗИКИ... 14+

Повесть
Реализм

Разговоры учительницы с ученицей по телефону о том, о чем обычно не говорят с родителями и подругами. Философствующим одиночкам и доморощенным психологам по жизни посвящается.



Игоревна Юлия (Юлия Гринченко). ЛЮБОВЬ ПОДСКАЖЕТ. 16+

Повесть
Реализм/ Любовный роман

Молодая мама двоих детей встречает, наконец, настоящего мужчину.



Лешуков Александр. КОГДА Я ВЛЮБЛЮСЬ... 16+

Роман
Реализм

Когда я влюблюсь. Эти две строчки открылись мне весенним утром 1993 года, когда, разбираясь с накопившимся на антресолях хламом, я неожиданно обнаружил посылку, перетянутую капроновым шнуром.



Невская Елена. НЕПРИКАСАЕМЫЙ. 12+

Роман
Любовный роман / Проза / Реализм

Главная тема романа — проблема «неприкасаемых», рассказанная от лица девушки, приехавшей в Индию из России и оставшейся там навсегда. Все истории, описанные в данной книге, выдумка лишь отчасти. Зверства, учиняемые над неприкасаемыми в Индии, остаются безнаказанными и в наш «просвещенный и продвинутый» XXI век.



Анна Анакина. СКАЗКИ. 6+

Сборник рассказов
Сказка

В сборник вошло несколько сказок, написанных в разные годы.



Валеев Иван. НЕДОРАЗУМЕНИЕ. 6+

Повесть
Сказка/ Фантастика

Болотное Видение из бабушкиных сказок. То, которое побывало на Болоте много лет назад. Его уже успели подзабыть...



Зауэр Ирина. КАЖДЫЙ МОЖЕТ БЫТЬ. 6+

Сборник рассказов
Сказка/философия

Сказки, рассказанные ожившей нарисованной драконицей и для нее — в ответ. Истории о доброте и выборе, Железном Правиле и о том, как вырасти, если ты совсем маленький, о верности и любви, о том, как и зачем придумываются сказки.





Изергиль (Akrotiri). ВОЛНА. 16+

Сборник рассказов

Сказка

Сказки и мистическо-хорроровые рассказы.



Юханан Магрибский. СКАЗКА О ВОСТОКЕ, ЗАПАДЕ, ЛЮБВИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ. 18+

Повесть

Приключения/ Сказка/ Фэнтези

Короткая повесть в духе рыцарских романов, вольная фантазия на тему крестовых походов.



Аллард Евгений. ЛЮПАН. 16+

Повесть

Иронический детектив

Журналист приезжает в провинциальный городок, чтобы написать статью об убийствах, которые, по словам местных жителей, совершает необычный оборотень — люпан.



Аллард Евгений. ДОЛИНА ГОБЛИНОВ. 16+

Повесть

Иронический детектив

Журналист, отправляясь на курорт вместе с женой, не подозревал, что попадёт волею случая в деревеньку, где жители подозрительно напоминают уродливых гоблинов, а хозяин этого места питает болезненное влечение к подобным уродцам.



Аллард Евгений. ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО. 18+

Роман

Мистика/ Детектив/ Любовный роман

Журналист приезжает в приморский городок, чтобы расследовать случаи полтергейста, и случайно попадает в эпицентр опасных событий. Стоило ли вмешиваться, если за успешное решение всех загадок придётся заплатить собственной жизнью?



Анна Анакина. ИЩЕЙКА. 16+

Повесть

Мистика/ Реализм

История о женщине, обладающими паранормальными способностям



Бойков Владимир. ЗАТЕРЯННЫЕ В ЧАРУСАХ. 16+

Повесть

Мистика

Что мы знаем о болотах? Немного. Там можно собирать клюкву, голубику и морошку. Но существуют и непроходимые болота с трясиной и топами, тянущиеся на многие десятки километров. Что там? Герой повести Валерий потерялся в болотах. Через много дней блужданий он...



Бурмистров Денис. РАВНОВЕСИЕ ПАРЕТО. 16+

Роман

Мистика / Фантастика / Хоррор

Обычному клерку армейский товарищ оставляет квартиру в далеком шахтерском городке Славинск. Влекомый меркантильным интересом, главный герой приезжает ознакомиться с подарком и, сам того не желая, становится участником поистине странных и пугающих событий. По улицам бродят жуткие существа, сами улицы вдруг меняют свои направления, а люди вокруг по необъяснимой причине пропадают. Теперь основным желанием становится выжить. Выжить и поскорее убраться из ставшего ловушкой города.





Гольшанская Светлана. [СНЫ О СИНЕОКОЙ.](#) 16+

Сборник рассказов

Мистика

Мистические рассказы о Беларуси. Дамская романтика, мистика, сюр. Токсично для мозгов. Beware!



Гольшанская Светлана. [10 ТАЙН ОХОТНИКА НА ДЕМОНОВ.](#) 16+

Повесть

Мистика

Когда-то Стражи защищали этот мир от злобных порождений червоточин. Прошло время. Славные деяния Стражей были преданы забвению. Началась долгая кровопролитная Война за веру, и они проиграли. Охотники сами стали добычей. Чтобы исполнить древнюю клятву своего рода, Дэвид Комри отправляет младшего сына Николаса на Охоту Стражей. Его путь лежит на край света в таинственный храм Шамбалы, где его ждет испытание Мертвого бога. Только после этого он сможет вернуться домой. Если ему еще будет куда возвращаться.



Евстратова Марина. [ЗАПИСКИ ИЗ СУМАСШЕДШЕГО ДОМА.](#) 16+

Сборник рассказов

Мистика/ Фантастика

В сборник вошли следующие рассказы: «Сегодня-завтра», «Завтра-послезавтра», «Сон», «Назад в никуда», «Возвращение Леонида», «Сны смерти», «Патанатомия ужаса».



Игоревна Юлия (Юлия Гринченко). [ДАЮЩАЯ РАДОСТЬ.](#) 18+

Повесть

Мистика/ Любовный роман

Молодая девушка находит бездомного пса, и с этого момента ее налаженная жизнь летит кувырком.



Медведникова Влада. [БИРИТ-НАРИМ.](#) 16+

Роман

Мистика

Действие романа происходит в междуречье Тигра и Евфрата, в древних царствах Шумера. Главный герой — солнечный демон Лабарту волей судьбы вынужден жить среди людей и скрывать от них свою сущность. Пытаясь найти свое истинное предназначение, он странствует и видит, как войны и катастрофы уничтожают все, что казалось незыблемым.



Медведникова Влада. [ПРЕДВЕСТНИКИ МЕЛЬТИАРА.](#) 16+

Роман

Мистика

Все знают, что враги живут среди нас, носят наши имена и ничем не выдают себя. Но однажды явят свою истинную суть: в этот день война начнется на каждой улице, в каждом доме.



Stanovoi Marika (Изергиль, Akrotiri). [ПОЙМАЙТЕ ЙЕНГАНГЕРА.](#) 16+

Повесть

Фэнтези/ Фантастика

В Империи, куда в результате аварии телепортировался кусок сказочных территорий, неожиданно начали умирать феи. Для помощи необходимо привести йенгангера — посредника с миром мертвых. Кроссовер на произведение Сворн Турайсеген «Йенгангер не дышит».



Анна Анакина. [ОСТРОВ ПУСТОТЫ.](#) 12+

Роман

Фэнтези

Извечная проблема добра и зла.

Однажды в мир людей вторглись существа, считающиеся легендой. Главные герои в попытке найти родных попадают в различные миры. Приключения, открытия и даже война стоит на пути к достижению цели.





Валеев Иван. НИ ОДНО ЖИВОТНОЕ НЕ. 16+

Повесть

Приключения/ Фэнтези/ Юмор

Мир техники. Мир магии. Мир плащей и сапог от «Богемы». Мир, в котором следует учитывать любой из трех вышеупомянутых факторов, иначе дело так и не удастся закрыть.



Зауэр Ирина. ТВОРЦЫ И КАЛЕКИ. 6+

Повесть

Философия/ Фэнтези

Жили-были создатели. Или нет. Жили — люди, которые стали создателями. Это не просто. Но еще сложнее — оставаться человеком, когда ты Творец.



Зауэр Ирина. СЫГРАТЬ ВЕЧНОСТЬ. 6+

Повесть

Философия/ Фэнтези

Странный подарок может получить иногда странствующий бард. Подарок, суть которого дойдет до него не сразу... А когда дойдет — он не вдруг поймет, к добру это, или нет. И что делать с подарком.



Маэринн. КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ. 16+

Повесть

Фэнтези

Двести лет люди и ситы истребляли друг друга. И вот война окончена, посольство нечистых везет в родную Пущу договор о мире, подписанный самим королем. А Хейли Мейз, наследник владыки приграничного Синедола, горюет, что поздно родился и не успел проявить себя в битве. Он еще не знает, что судьба ему улыбнется... Если уж нечистый расточает улыбки весны, значит, нацелился на душу. Души людские — вот их истинная страсть, их нужда, их пища. (Из наставлений отца Бартоломео, духовника Хейли Мейза.)



Романовская Ольга. ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ. 18+

Роман

Фэнтези

Всего один день делит всё на до и после. До — школа, грядущая свадьба, мирная жизнь, после — рабство, статус вещи, игрушка в руках хозяина. Только кто из вас двоих свободнее? И остались ли в стране победителей люди, а не только продукты общества с исковерканными понятиями, чувствами и душой?



Романовская Ольга. ЧУЖИЕ ВОСПОМИНАНИЯ. 18+

Роман

Фэнтези/ Приключения

Случайно спася темного мага Лэрзена, Одана не предполагала, что вскоре он окажется единственным, кто согласится, пусть и за деньги, помочь ей. На девушку, ничем не примечательную библиотекаряшу, открывает охоту сам Наместник. Чем же вызвано столь пристальное внимание?



Сафонова Евгения (Эжени — Бука — Тауллин). ОКОВАННЫЕ ИГРОЙ. 16+

Роман

Фэнтези

Первая часть тетралогии. Это история о маленькой девочке с двумя большими тайнами. О девочке, скованной цепью опасных игр, где играют тобой, но не с тобой. О принцессе, которая хочет чего угодно, но только не проклятия власти. Приятно ли это — стать пешкой, которой никогда не выйти в королевы? Не более, чем метаться между любовью и обрушенным доверием. Ведь когда тебя затягивает омут сомнений, то остаётся лишь убийственно наивно верить в свои желания. И кто бы говорил, что это — просто...





Ула Сенкович. И ПРИДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ. (Книги 1,2 и 3) 16+

Роман

Фэнтези

Пробовали путешествовать по мирам? Лечь спать в своей постели, а проснуться посреди битвы, да еще получить мечом по голове? Нет? И не пытайтесь, вам не понравится... По себе сужу. Конечно же, я сделала всё, чтобы домой вернуться — в дорогу отправилась, друзей нашла, даже влюбилась. Но мне предложили выбор: любовь, страсть или деньги. Какая нормальная женщина возьмёт что-то одно из этого списка? Ведь если брать, так всё! Вот я слегка и запуталась...



Тигра Тиа (Татьяна Богатырева) и **Эрна Хэл** (Евгения Соловьева) **ФЕЙРИ С АРБАТА. ГАМБИТ.** 18+

Роман

Фэнтези/ Фантастика/ ЛР/ ЛитРПГ

Начиная играть в «Дорогу домой», Лиля была твердо уверена, что параллельных миров не существует. И когда ей предложили протестировать новые игровые локации в режиме «полного погружения», согласилась, не подозревая, что именно в нарисованном мире встретит свою судьбу...



Химера Паллада. ТЕМНЫЙ ЦЕЛИТЕЛЬ (КНИГИ 1, 2 и 3). 18+

Роман

Фэнтези

Все стандартно. Попаданка. Раненое Сердце Мира. Команда спасателей. Великое исцеление. Конец сказки. Но это жизнь. Выжившие вернулись. Мир все также нуждается в спасении. И надо как-то жить дальше. Я — Целитель. Темный, ибо демон. Я — не Спаситель мира. Уж не от меня ли тебя будут спасать, Мир?



Шевцова Анастасия Викторовна. КОРОЛЕВСТВО ПОЮЩИХ ВЕТРОВ (Книга 1). 16+

Роман

Фэнтези

Мир внутри мира — тайна, хранимая веками... Королевство Поющих ветров — материк, скрытый твердотягучими потоками воздуха, много веков принадлежал семени Тара Валлора. Однако не только род человеческий желал властвовать на благословенной земле: многоликий демон Земарар терпеливо ждал заветного часа. Два тысячелетия потомки Тара — дети Крови, поклонялись идолу, утопая в междоусобных распрях и кровавых интригах, пока по обетованию одного из великих королей, в Ведущей генетической линии не родился последний чистокровный наследник.



Шевцова Анастасия. ПУТЬ ПЛАМЕНИ. 18+

Роман

Фэнтези

Лиран Валлор, дитя Крови, не похожая на свой род ни лицом, ни нравом. Жертва, которой выпала доля стать избранным сосудом чудовища, готового на все, чтобы вернуть власть. Не в силах сопротивляться зову тьмы и собственным чувствам, принцесса становится игрушкой в руках ключевых фигур Королевства. Ее окружает ложь, предательство и равнодушие, а в душе пылает безответная страсть и безумное желание свободы. Запутавшись в сетях долга, она уже не знает, где добро, где зло, и какой выбор — верен.



Stanovoi Marika (Изергиль, Akrotiri). **ДЖИ В КУЧЕ.** 18+

Роман

Фантастика/ Психология/ Хоррор/ Эротика

Истории из жизни экзекутора, человека, принадлежащего императору на правах вещи. Крошка работает кнутом и пряником власти, а также выполняет разнообразные поручения, меняя свой внешний вид и пол.



Анна Анакина. ФАНТАСТИКА И МИСТИКА В ОДНОМ ФЛАКОНЕ. 12+

Сборник рассказов

Фантастик/ Мистика

В сборник вошло несколько небольших фантастических и мистических рассказов.





Аллард Евгений. ЕСЛИ ЗАМЁРЗНЕТ АД. Книга 1-я. 18+

Роман

Фантастический боевик

Талантливый конструктор помимо своей воли оказывается в городе, построенном магнатом, который решил в отрезанном от всей цивилизации месте воплотить в жизнь собственные представления о свободе. Что это принесло людям? Счастье, богатство или нечто жуткое, от чего ад может замёрзнуть?



Аллард Евгений. И В АДУ ЕСТЬ АД. Книга 2-я. 18+

Роман

Фантастический боевик

Вторая книга дилогии, продолжение романа «Если замёрзнет ад». К чему может привести анархия и свобода во всем? Сделает ли это всех людей счастливыми или заставит их жить по закону джунглей: каждый сам за себя?



анс. ТЕКСТ УХВАТИЛ СЕБЯ ЗА ХВОСТ. 16+

Роман

Фантастика

Текст из серии «не для всех». Если первые пара глав у вас не вызывают ничего, кроме недоумения — не мучайтесь. Читайте то, что вам нравится. А вообще — это фантастика. Про «спасение Вселенной». Вселенную спасают вовсе не персонажи, Вселенную спасаем мы с вами: читатель, автор и Текст. Текст сам выбирает себе читателя. Автора он уже выбрал, так что дело за малым.



Валеев Иван. SPACE OPERA — EPISODE 1. 18+

Повесть

Фантастика/ Юмор

Текст, принятый одним из спутников Земли и повествующий о судьбе исчезнувшего корабля «Громовержец».



Никонович Сергей. АЛЬКУРД ПАРДЕС I. ДЕНЬ МИРА. 16+

Роман

Фантастика/ Фэнтези

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооружённый конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими парамагическими силами. Молодой снайпер Никро проваливает выпускной экзамен и вынужден проходить курс переподготовки. В это время по академии прокатывается волна странных смертей. Волею случая именно в руках снайпера оказываются ключи от этой загадки...



Никонович Сергей. АЛЬКУРД ПАРДЕС II. ДЕНЬ СОЛНЦА. 16+

Роман

Фантастика/ Фэнтези

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооружённый конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими парамагическими силами. Зиг Заннинс — загадочный ученик, переведенный в академию незадолго до очередного выпуска, пытается узнать тайну прошлого своей родной сестры.



Татьяна Русуберг (suelinn Суэлинн). МИР В ХОРОШИЕ РУКИ. 12+

Роман

Фантастика

Лиан — обычный питерский подросток с необычным именем, доставляющим одни неприятности. Неожиданный подарок от странной незнакомки, детский волчок, переносит его в конгломерат четырех миров, соединенных осью, по которой движется Ветер Времени. Перед Лианом встает дилемма — вернуться домой или стать властелином новой вселенной?





Татьяна Русуберг (suelinn Суэлинн). **ШЕСТЬЕ ВРАТА**. 18+

Повесть

Фантастика

«Шестые врата» — закрытый портал в интернете, на котором некий Шива собирает группу для штурма таинственных врат, неожиданно возникших два года назад в спальном районе Петербурга. Врата, которые открываются только для шестерых, ведут... Куда? Избранникам Шивы скоро предстоит это выяснить.



Тигра Тиа (Татьяна Богатырева) **УТРЕННИЕ СНЫ**. 18+

Сборник рассказов

Фантастика, хоррор

Фэнтези, фантастика, реализм и много эротики. Рассказы в основном с конкурсов.



Хорунжий Сергей. **ГРАЖДАНСКАЯ САМООБОРОНА**. 18+

Роман

Фантастика

Когда жизнь летит под откос, а страны, которую обещал защищать, больше нет! Когда твои умения не нужны никому, а идти, по сути, некуда. Когда собственную совесть приходится топить на дне стакана и однажды родным домом оказываются привокзальные трущобы родной столицы — у нормального человека выбора нет: либо на тот свет, либо прямиком в прекрасное далёко, то бишь в будущее! А чтоб не скучно было одному, насмешница-судьба загружает в попутчики малыша-дошколёнка, женщину, а как же без неё-то, и дабы совсем доконать, щенка-телепата и папаню его, мутанта-переростка. Такая команда, повиснув...



Kartusha (Александрина). **ЭТНОСТИХИ**. 12+

Сборник стихов

История/ Поэзия/ Эпос

Очень часто мы не видим того великого прошлого, что лежит у нас под ногами. Новая вера сокрушает старую и пытается стереть с лица земли, хотя все же иногда местами впитывает её в себя. Многие этносы исчезли безвозвратно, оставив крупницы своего блеска в отголосках древних легенд. Но природа и память хранят многое...



Stanovoi Marika (Изергиль, Akrotiri). **ОЖИДАНИЕ**. 16+

Сборник стихов

Лирика

Сборник лирических стихотворений — эхо на творчество автора Мастерской Писателей по имени RhiSh.



Stanovoi Marika (Изергиль, Akrotiri). **МАЛЕНЬКАЯ МЫШКА**. 16+

Сборник стихов

Поэзия/ Хоррор/ Черный юмор

Сборник стихов с элементами стёба и ужаса.



Stanovoi Marika (Изергиль, Akrotiri). **СВЕТ НЕ ПРИДЕТ**. 16+

Сборник стихов

Лирика

Сборник стихотворной лирики.



Stanovoi Marika (Изергиль, Akrotiri). **ФИГОТИНКИ ПО ПРОФИЛЯМ**. 16+

Сборник стихов

Абсурд/ Публицистика/ Юмор

Шутливые стихи, посвященные мастеровчанам.





Армант, Илинар. СТИХИ-4. 18+

Сборник стихов

Поэзия

Стихи с еженедельного поэтического конкурса «Стиходром».



Армант, Илинар. НЕМНОЖКО УЛЫБКИ. 18+

Сборник стихов

Юмор

Всякая всячина.



Зауэр Ирина. БАЛЛАДЫ. 0+

Сборник стихов

Лирика/ Сказка/ Фэнтези

Переделка легенд и сказок, посвящения, сюжетные стихи.



Зауэр Ирина. ЗВЕЗДА И КОЛОКОЛ. 0+

Сборник стихов

Лирика/ Философия/ Фэнтези

Стихотворения к сказкам и повестям, песни и стихи разных персонажей.



Магура Цукерман. СТЕКЛЫШКИ С РИСУНКОМ. 12+

Сборник стихов

Лирика/ Философия

Когда событие или ситуация переполняют отведенное им в голове место, наружу начинают выплёскиваться стихи — микростихи о наблевшем.



Ржевская Яна (Твиллайт). ОСКОЛКИ СКВОЗНЯКОВ. 12+

Сборник стихотворений

Лирика

«Изломанные сны, осколки сквозняков...» Стихотворения разных лет, стилей и настроений. Кто-то просто пройдет мимо, кто-то найдет здесь что-то своё, близкое...

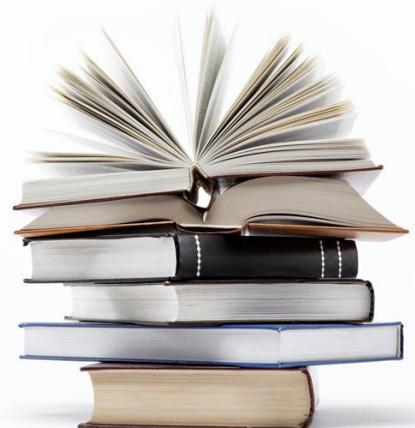


Юханан Магрибский. ПЛОДЫ РАЗМЫШЛЕНИЙ. 18+

Сборник стихотворений

Лирика

Второй сборник стихов.



Художник Татьяна Дороница

В следующем номере:



НЕЗНАКОМКА



Лирика - Реализм - Мистика - Фэнтези - Фантастика